

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А. М. ГОРЬКОГО
МЕЖВУЗОВСКИЙ ЦЕНТР
ПРОБЛЕМ НЕПРЕРЫВНОГО ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

КАТЕГОРИИ ДИАЛЕКТИКИ (теоретико-методологические проблемы)

Цикл лекций

Утверждено
редакционно-издательским советом университета
в качестве учебного пособия
по курсу «Онтология и теория познания»

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2003

ББК Ю 210.11 ✓
К293 ✓

Авторы:

д-р филос. наук, проф. И. Я. Лойфман (лекции 1, 2), д-р филос. наук, проф. В. В. Ким (лекции 3, 4), д-р филос. наук, проф. Ю. П. Андреев (лекция 5), д-р филос. наук, проф. Н. В. Бряник (лекция 6), канд. филос. наук, доц. С. А. Николайчук (лекция 7), д-р филос. наук, проф. Д. В. Пивоваров (лекции 8, 9), д-р филос. наук, проф. В. А. Кайдалов (лекция 10), канд. филос. наук, доц. В. П. Стадник (лекции 11, 24), чл.-кор. РАН М. Н. Руткевич (лекции 12–14), канд. филос. наук, доц. Л. В. Удачина (лекция 15), д-р филос. наук, проф. Л. П. Туркин (лекции 16, 17), д-р филос. наук, проф. В. В. Байлук (лекция 18), канд. филос. наук, доц. Ю. С. Вяткин (лекция 19), канд. филос. наук, доц. А. М. Хохлов (лекции 20, 21), д-р филос. наук, проф. В. И. Плотников (лекции 22, 23)

Под общей редакцией
доктора философских наук, профессора И. Я. Лойфмана

Рецензенты:

кафедра философии УрО РАН (зав. кафедрой доктор философских наук, доцент Ю. И. Мирошников);
И. М. Лисовец, кандидат философских наук, доцент (Екатеринбургский государственный театральный институт)

1267206

Категории диалектики (теоретико-методологические проблемы):
К293 Цикл лекций / И. Я. Лойфман, В. В. Ким, Ю. П. Андреев и др.; Под общ. ред. И. Я. Лойфмана. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. – 255 с.
ISBN 5–7996–0178–5

Цикл лекций сформирован на основе избранных статей, опубликованных в десяти сборниках научных трудов серии «Категории диалектики» (1970–1987), у истоков которой стоял член-корреспондент Академии наук СССР М. Н. Руткевич. Анализируются структура и функции диалектического противоречия, категории связи, движения и развития.

Для студентов и аспирантов гуманитарных, естественно-научных и технических специальностей.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
Уральского Государственного
г. Екатеринбург

ББК Ю 210.11

ISBN 5–7996–0178–5

© Уральский государственный университет, 2003

ПРЕДИСЛОВИЕ

Издание лекций по категориям диалектики вызвано необходимостью выработки у студентов рационально-понятийного мышления. Материал ориентирован на раскрытие базовых понятий такого фундаментального учебного курса, как «Онтология и теория познания». Этот курс охватывает основные мировоззренческие и методологические проблемы данной области философского знания в их целостности и отвечает современному положению дел в науке и социальной практике.

Следует сказать, что в нынешнем потоке учебной литературы по философии специальные пособия по категориям диалектики отсутствуют. Данная книга этот пробел призвана восполнить. Диалектика трактуется авторами как модель бытия, познания и мышления. При этом учитывается разработка проблем материалистической диалектики в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и в отечественной философской литературе советского периода.

Цикл лекций по категориям диалектики, предлагаемый читателям, имеет свою предысторию, которая отражает вехи развития философского факультета.

В 1966 г. в Уральском государственном университете им. А. М. Горького по инициативе заведующего кафедрой философии М. Н. Руткевича был создан философский факультет. Это послужило мощным стимулом для развертывания исследований в различных областях философского знания, включая теорию материалистической диалектики. После сборников статей «Некоторые категории диалектики» (М., 1963) и «Диалектические противоречия в природе» (М., 1967) особое внимание творческого коллектива уральских философов было обращено на дальнейшее развитие диалектики как системы категориальных форм мышления. Трактовка пары полярных категорий как специфического элемента-микрокосма диалектики позволила увидеть в каждой паре элементарный круг познания и системное отражение закономерностей структуры, функционирования и развития исследуемого предмета. Еще одной отправной точкой анализа категорий диалектики стало единство общего и особенного и в свете этого опора на данные естественных и гуманитарных наук.

Освещение результатов философских исследований было продолжено в серии сборников научных трудов, которая издавалась в 70–80-е гг. Это выпуски: «Взаимосвязь категорий» (1970), «Категория структуры в системе философских категорий» (1973), «Категория причинности в диалектической концепции связи» (1974), «Структурный анализ диалектического противоречия» (1975), «Диалектика прогрессивного развития» (1976), «Взаимосвязь элементов диалектики» (1977), «Тождество и различие» (1979), «Диалектика закономерной связи» (1982), «Диалектическое отрицание как закономерность связи, движения и развития» (1984), «Тождество противоположностей как методологическая проблема» (1987). Из всего корпуса указанных публикаций для цикла лекций по категориям диалектики отобраны статьи, в которых анализируются структура и функции диалектического противоречия, категории связи, движения и развития. Статьи скорректированы с учетом изменений, произошедших в обществе за последние 20 лет, а также с учетом особенностей предпринимаемого издания. Лекция М. Н. Руткевича «Диалектика общего, особенного и единичного» написана специально для этого пособия.

Пролегонами к диалектическому осмыслению организованности, динамичности и историчности сущего – а в этом и состоит задача данной работы – может служить одобренное Государственным комитетом Российской Федерации по высшему образованию учебное пособие М. Н. Руткевича и И. Я. Лойфмана «Диалектика и теория познания» (М., 1994).

Надеемся, что цикл лекций послужит формированию и развитию у будущих специалистов современного видения диалектики как общей методологии научного познания.

И. Я. Лойфман

Раздел 1

СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ПРОТИВОРЕЧИЯ

Лекция 1

Единство и взаимопроникновение полярных категорий диалектики

Как и всякая научная теория, диалектика имеет определенную логическую структуру, ее принципы, категории и законы связаны в систему. Однако, поскольку диалектика в отличие от конкретно-научных дисциплин отображает наиболее общие отношения в мире, структура ее системы весьма специфична.

Содержание конкретно-научных теорий (в особенности аксиоматизированных) развертывается на базе некоторого числа основных начал, независимых друг от друга, что влечет за собой логическое подчинение отдельных частей теории тому или иному принципу теории. Так, например, в геометрии Эвклида часть теории, в которой используется аксиома о параллельных прямых или ее эквиваленты, может быть отделена от других ее частей. Для диалектики же характерна глубокая внутренняя связь ее принципов, что влечет за собой отображение всей системы на себя в каждом из ее элементов. Под элементами диалектики понимаются относительно неделимые части ее логической системы, выражающие существенные связи действительности. Такими элементами являются прежде всего пары полярных категорий диалектики, или **категориальные пары**. Образно говоря, каждая категориальная пара является микрокосмом диалектики.

Связь всеобщих свойств вещей, как и всякая реальная связь, имеет определенное строение, динамику и историю. В конкретно-

научном познании указанные аспекты реальных связей обычно раскрываются различными дисциплинами (в частности, связи в живом организме раскрываются анатомией, физиологией, эмбриологией, эволюционной теорией и другими биологическими науками). Как будет показано ниже, в диалектике закономерности строения, динамики и истории материальных систем представлены в их внутренней связи в каждой паре полярных категорий.

Каждая категориальная пара выражает **связь сосуществующих атрибутов материи**. Противоположные определения вещи, сосуществуя, опираются друг на друга, причем диалектика взаимоположения противоположностей есть диалектика частей и целого. Одно существует лишь в связи, ведущей к другому (к своему другому), части существуют лишь в связи, ведущей к целому, к обнимающему их реальному единству. По известной мысли В. И. Ленина, в любом предложении (*Листья дерева зелены; Иван есть человек; Жучка есть собака;* и др.) можно и должно вскрыть тождество отдельного и общего, случайного и необходимого, явления и сущности и т. д. Содержание категории, отражающей определенную всеобщую сторону предметов и процессов – общее, необходимость, сущность и т. д., – удерживает в снятом виде содержание противоположной категории – отдельное, случайность, явление и т. д. Важно подчеркнуть, что категориальная пара выражает противоречивость вещи в одном и том же отношении в одно и то же время.

Ряд авторов полагает, что противоположные определения вещи могут быть истинными лишь в различных отношениях. Так, В. А. Дмитриенко, В. Н. Сагатовский и Ф. А. Селиванов утверждают, что в одном и том же отношении вещь непротиворечива; они считают образцом диалектики суждения типа: «Все необходимо и случайно в разных отношениях», «Все абсолютно и относительно в разных отношениях» и т. п.¹

Однако суть диалектики не сводится к эмпирической констатации противоположных моментов в различных отношениях. Больше того, мышление, для которого противоположности выступают без взаимного соприкосновения, В. И. Ленин вслед за Гегелем называл антидиалектическим².

Пусть, например, изучая с помощью рентгеновских лучей расположение атомов в кристалле каменной соли, мы находим, что

атомы располагаются совершенно так же, как узлы кубической решетки, так что кристалл имеет прерывное строение и симметрию куба. Тот же самый кристалл со стороны оптических свойств ведет себя как непрерывная среда и имеет в каждой точке симметрию шара. Из этого, казалось бы, следует, что прерывность и непрерывность вещи существуют в разных отношениях. Однако, как известно, рентгенограмма кристалла выявляет пространственную периодичность в расположении его атомов, а периодичность есть форма единства прерывного и непрерывного. С другой стороны, оптические характеристики кристалла связаны с параметрами составляющих его частиц. Так что кристалл каменной соли, как и все другие кристаллы, и прерывен и непрерывен, но в то же время ни тем и ни другим не является, а представляет собой нечто третье. Этим третьим, моментами которого являются прерывность и непрерывность, оказывается их диалектическое единство.

Аналогичным образом, констатируя необходимость и случайность некоторого явления в разных отношениях, следует идти дальше, к единству этих противоположных определений в одном отношении. Всякое явление необходимо постольку, поскольку оно есть неизбежное следствие определяющих его условий. Но в то же время всякое явление случайно постольку, поскольку условия, его создающие, эвентуальны³. Необходимость проявляется через случайность, случайность есть проявление необходимости.

Вообще, каждый предмет и каждый процесс прерывно-непрерывны, элементарны и сложны, конечны и бесконечны, случайны и необходимы, определены качественно и количественно, структурно и функционально и т. д., а это значит, что именно единство полярных категорий выражает закономерность организации материи.

Каждая категориальная пара выражает **взаимообусловленность и взаимодействие атрибутов материи в процессе их изменения**. Противоположные определения вещи не только различны, но и неравнозначны. Изменяясь, они определяют друг друга, причем диалектика взаимоопределения противоположностей есть диалектика взаимообусловленности. В каждом конкретном случае одна из противоположностей, образующих категориальную пару, выступает как определяющая по отношению к другой, их отноше-

ние есть отношение обуславливающего и обусловленного. Так, качеством вещи определяется все многообразие ее количественных характеристик, но количественные изменения при определенных условиях порождают новое качество; действительность есть основа существующих возможностей, но реализация возможностей создает новую действительность; при одних условиях структура обусловлена функцией, а при других – функция определяется структурой и т. д.

Поэтому в равной мере несостоятельны попытки рассматривать связь противоположностей в сфере всеобщего как однозначно-причинную или же, наоборот, как функциональную связь не-причинного типа⁴. Утверждать, что в категориальной паре одна из противоположностей всецело определяется другой (отстаивая, например, тезис о том, что структура всецело определяется функцией), значит игнорировать взаимодействие противоположностей и относительно самостоятельный характер их изменений. С другой стороны, трактовать взаимосвязанные противоположности как абсолютно равноправные и абсолютно симметричные, а их закономерную взаимосвязь сводить к простой параллельной изменчивости, не зависящей от времени, значит преувеличивать момент сосуществования противоположностей, игнорировать момент порождения одного другим, перехода одного в другое, изменчивость сущности вещей, отражаемой законами диалектики. По сути дела, в одном случае упускается из виду функциональный аспект взаимосвязи противоположностей, а в другом – причинный аспект этой взаимосвязи. Между тем специальное рассмотрение взаимосвязи функциональности и причинности, осуществленное нами ранее⁵, показывает, что функциональность прямо или опосредованно связана с причинностью, всегда с ней сопряжена. Сопряжение функциональности и причинности обнаруживается в каждой категориальной паре, что позволяет подобные пары считать закономерным выражением атрибутивной детерминированности материи.

Каждая категориальная пара выражает **превращение атрибутов материи друг в друга в процессе их развития**. Противоположные определения вещи, отрицая себя, переходят друг в друга, причем диалектика взаимоперехода противоположностей есть диалектика потенциального и актуального. Каждое из противополож-

ных определений вещи в своем полном развитии превращается в свое другое. Постоянное самоотрицание, развертываясь во времени как борьба противоположностей, является внутренним источником всякой деятельности; оно совпадает с саморазвитием от утверждения к отрицанию, от отрицания к единству с утверждаемым⁶. Категориальная пара выражает закон развития объективного мира, а также элементарный круг познания – от конкретного к абстрактному и снова к конкретному, от явления к сущности и обратно, от качественной стороны объекта к количественной его стороне и к их единству и т. д.

Различие противоположностей (тождество – различие, необходимость – случайность, сущность – явление и др.) не должно быть абсолютным в силу того, что противоположности текучи, связаны друг с другом переходами, могут изменяться по степени (степень тождественности, степень необходимости, степень существенности и т. д.). Здесь уместно будет отметить неправомерность трактовки взаимоотношения противоположностей с позиций принципа дополнительности. Известно, что Н. Бор считал фундаментальным фактом бытия противоположные аспекты реальных объектов, в частности корпускулярные и волновые свойства микрообъектов, динамические и термодинамические состояния системы, физико-химические процессы в организме и его функциональную деятельность, биологическое и социальное в человеке, личность и общество, чувство и мысль, мысль и действие и т. д. При этом он полагал, что для полного описания соответствующих эмпирических ситуаций нужны две системы принципиально различных и несовместимых понятий. Согласно Бору, соотносительные противоположности, сочетаясь в пару (прерывное – непрерывное, часть – целое, структура – функция и др.), существуют самостоятельно, статичны и не претерпевают качественных изменений; они извечно дополняют друг друга в разное время и в разных отношениях, в связи с чем вопрос о превращении противоположностей друг в друга снимается как не имеющий смысла.

Хотя в ряде вышедших у нас работ принцип дополнительности оценивается как полностью диалектический⁷ или как потенциально диалектический⁸, в свете сказанного представляется более правильным рассматривать дополнительность противоположностей

как ступень к тождеству, к единству противоположностей⁹. Гносеологический принцип дополнительности не следует смешивать с физическими соотношениями неопределенностей, которые действительно фиксируют неотделимость противоположных аспектов объекта и взаимопереходы противоположных тенденций его изменения. Переход, превращение противоположных моментов категориальной пары друг в друга диалектика считает законом развития материи, самым глубоким выражением ее единства.

Итак, в каждой противоречивой паре категорий диалектики выражен закон организации, функционирования и развития материальных систем, содержатся в свернутом виде принципы диалектики в их внутреннем единстве. Это и дает основание называть категориальную пару своего рода микрокосмом диалектики.

Относительная замкнутость в себе категориальных пар, сопряженная с взаимозависимостью принципов диалектики, определяет характерные особенности логической структуры диалектики: во-первых, относительную независимость элементов диалектики, подвижность, гибкость и многомерность связей между ними и, во-вторых, принципиальную незамкнутость, незавершенность диалектики как логической системы. Установление новых связей между категориальными парами, вхождение в систему диалектики новых категориальных пар и вообще ветвление категориальной системы диалектики есть путь развития диалектики как атрибутивной модели мира.

Примечания

¹ См.: *Дмитриенко В. А., Сагатовский В. Н., Селиванов Ф. А.* Сб. упражнений по диалектическому материализму. Томск, 1967. С. 36, 68, 70.

² См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 209.

³ См.: *Сабо А.* К вопросу о диалектико-материалистическом понимании закона // Проблемы марксистско-ленинской философии. М., 1965. С. 211.

⁴ См.: *Мелюхин С. Т.* Материя в ее единстве, бесконечности и развитии. М., 1966. С. 125–126.

⁵ См.: *Лойфман И. Я.* Функциональность и причинность // Материалы Второй зональной научной конференции по философским наукам. Пермь, 1966.

⁶ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 208.

⁷ См.: *Алексеев И. С.* Развитие представлений о структуре атома. Новосибирск, 1968. С. 78.

⁸ См.: *Арсеньев А. С., Библер В. С., Кедров Б. М.* Анализ развивающегося понятия. М., 1967. С. 89.

⁹ См.: *Омельяновский М. Э.* Диалектическое противоречие в современной физике // *Вопр. философии.* 1960. № 12. С. 77; *Осовцов А. А., Метлов В. И.* Принцип единства противоположностей // *Диалектико-материалистический метод познания.* М., 1990. С. 183.

Лекция 2

Диалектическое определение предмета (методологический аспект)

Применяя материалистическую диалектику в своих конкретных исследованиях, К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин считали необходимым рассмотреть ее метод в специальном труде по диалектике как логике и теории познания материализма и наметили принципиальные вехи такого рассмотрения. Для философов-марксистов разработка диалектики в ее целостности как общеметодологической основы познания и практики, как алгоритма деятельности – весьма актуальная задача. К тому же в современной научной литературе логико-методологические аспекты диалектики принадлежат к наименее изученным вопросам теории диалектики¹.

Как показано В. И. Лениным в работе «Еще раз о профсоюзах...», *диалектическое определение предмета является квинтэссенцией диалектики как логики и теории познания материализма.* Оно характеризует природу предмета, его сущность и специфику через единство противоположностей; оно охватывает важнейшие признаки предмета, отличающие его от других предметов, и тем самым устанавливает пределы предмета; оно исторично по своей природе и выступает как исторически развивающаяся, изменяющаяся совокупность суждений, связанных предметным единством. Являясь результатом диалектического мышления, выводом диалектического метода познания, диалектическое определение предмета есть вместе с тем путь постижения предмета, когда диалектика, логика и теория познания совпадают в их методологическом функционировании. В ступенях диалектического определения предмета представлены основные формы движения диалектического мышления в их взаимосвязи, закономерные шаги диалектиче-

го познания предмета. Иными словами, диалектическое определение предмета следует определенной методологической программе познания объективной истины.

Представляется важным показать, что в диалектическом определении предмета отображается структура диалектики как научной системы и что *методологическая программа*, которой следует диалектическое определение предмета, *конституируется ядром диалектики* как логики и теории познания материализма. И структура диалектики как научной системы, и структура диалектического определения предмета порождаются структурой противоречия (диалектического), аспекты которого суть аспекты предмета диалектики и метода диалектики.

В «Философских тетрадах» В. И. Ленин писал: «Вкратце диалектику можно определить как учение о единстве противоположностей. Этим будет схвачено ядро диалектики, но это требует пояснений и развития»². «Диалектика, – указывал В. И. Ленин, – есть учение о том, как могут быть и как бывают (как становятся) *тождественными противоположностями*, – при каких условиях они бывают тождественны, превращаясь друг в друга, – почему ум человека не должен брать эти противоположности за мертвые, застывшие, за живые, условные, подвижные, превращающиеся одна в другую»³.

Отсюда следует, что *основной вопрос диалектики* – это вопрос о тождестве противоположностей и что тождество противоположностей – это главная идея и критерий диалектики. Диалектик способен мыслить противоречие, тождество противоположностей, тогда как для метафизика противоположности выступают перед сознанием без взаимного соприкосновения.

Указанное понимание сути диалектики В. И. Ленин поясняет и развивает в своей трактовке элементов диалектики. Вообще, элементами диалектики являются структурные единицы ее теории и метода, относительно неделимые части или аспекты диалектики, выражающие закономерное раздвоение единого (вещей, их свойств и отношений) на противоположности. Образно говоря, каждый элемент диалектики – это микрокосм диалектики. Намечая ряд уровней развертывания теории диалектики в метод, В. И. Ленин исходит из разнопорядковости элементов диалектики.

Прежде всего, на самом абстрактном уровне диалектика есть учение о единстве противоположностей. Соответственно диалектическое противоречие, или тождество противоположностей, является порождающим началом, *первоэлементом диалектики*, который отображается во всех ее элементах; в свою очередь, все элементы диалектики характеризуют так или иначе первоэлемент (начало) диалектики. Логико-методологическим выражением первоэлемента диалектики является идея раздвоения единого на противоположности и познания его противоречивых частей (главная закономерность диалектического мышления).

Далее, на более конкретном уровне, диалектика есть научная теория противоречий связи, движения и развития природы, человеческого общества и мышления. В этом определении указаны три основных аспекта предмета диалектики: взаимные связи вещей и явлений, их организация, форма; движение, смена состояний в рамках определенного уровня организации, функционирование вещей и явлений; возникновение и исчезновение вещей и явлений, переход от одной формы к другой. На данном уровне элементами диалектики являются *принципы* противоречивости, всеобщей связи, самодвижения и развития, причем принцип противоречивости всего сущего (все сущее есть единство и борьба противоположностей) – главный принцип диалектики, «признание которого позволяет правильно трактовать все остальные принципы, как бы связать их в один узел»⁴. Логико-методологическим выражением принципов диалектики, своего рода методологическими канонами диалектики являются требования объективности, всесторонности, историчности, конкретности рассмотрения предмета (интегральные закономерности диалектического мышления).

Наконец, на самом конкретном уровне диалектика изучает атрибутивные формы бытия вещей, их свойств и отношений как единства противоположностей. Соответственно элементами диалектики являются *пары полярных категорий диалектики*, фиксирующие существенные связи бытия, а их логико-методологическим выражением – категориальные подходы к предмету, закономерности диалектического мышления, фиксирующие различные круги познания (явление ↔ сущность, качество ↔ количество и т. д.).

Краткая характеристика различных уровней конкретизации главной идеи диалектики, данная выше, позволяет выделить в системе диалектики *базисные категории*, взаимосвязь которых образует базисную структуру диалектики. Всеобщие существенные определенности ядра диалектики естественно считать ее базисными категориями. Базисные категории фиксируют основной вопрос диалектики, очерчивают ее предметную область и определяют в исходном пункте ее принципы. К ним мы относим такие категории, как *противоречие* и его атрибут – *отрицание*, которое является всеобщей формой опосредствования противоположностей, а также категории *связь, движение, развитие*⁵.

Между базисными категориями диалектики существуют отношения взаимоопределения, субординации и координации. Эти отношения порождают *базисную структуру* диалектики.

С одной стороны, категориями «связь», «движение» и «развитие» определяются *основные аспекты диалектического противоречия*, а именно: экстенсивный (структура противоречия), интенсивный (функционирование противоречия) и генетический (развитие противоречия), и *основные модификации диалектического противоречия*, а именно: противоречие тождества и различия, противоречие тождества (устойчивости) и изменения, противоречие тождества (преемственности) и обновления. Противоречие – форма движения диалектического мышления.

С другой стороны, категорией «противоречие» определяется диалектическое понимание всякой связи, всякого движения и всякого развития, т. е. их понимание как тождества противоположностей. Противоречие – всеобщая элементарная форма, основной закон связи, движения и развития, так что сущностью связи выступает единство тождества и различия, сущностью движения – единство устойчивости и изменчивости, сущностью развития – единство преемственности и обновления. Следует подчеркнуть, что основные аспекты диалектического понимания связи, движения и развития вскрываются именно в системе базисных категорий диалектики. В частности, связь в этой системе определяется как взаимозависимость (связь организации), взаимообусловленность (связь функционирования) и взаимопереходы (связь развития).

Базисная структура диалектики конституирует методологическую программу, которой следует диалектическое определение предмета. Трём предметным аспектам диалектики (и соответственно основным аспектам и основным модификациям диалектического противоречия) соответствуют три ступени диалектического определения предмета:

1) *структурное* определение предмета – во всем многообразии его связей и опосредствований в их тождестве и различии, когда трактовка связи как единства тождества и различия исключает метафизическую абсолютизацию тождества (механицизм) и различия (плюрализм);

2) *функциональное* определение предмета – в его движении, функционировании, устойчивости и изменчивости в рамках определенного уровня организации, когда трактовка движения как единства устойчивости и изменчивости исключает метафизическую абсолютизацию устойчивости (циклизм) и изменчивости (релятивизм);

3) *генетическое* определение предмета – в его развитии, переходе из одной формы в другую в их преемственности и обновлении, в возникновении и исчезновении, когда трактовка развития как единства преемственности и обновления исключает метафизическую абсолютизацию преемственности (концепция плоской эволюции) и обновления (концепция «творческой эволюции»).

Как видим, данная схема представляет собой *общую методологическую программу* диалектического определения предмета, причем движение по ее основным ступеням (структурное определение – функциональное определение – генетическое определение) есть восхождение от абстрактного к конкретному. Что касается мыслительного процесса на каждой ступени этой общей программы, то он организуется специальной методологической программой, учитывающей субстанциальное тождество противоположностей.

Специальное исследование раздвоения единого на противоположности обнаруживает *неравноправие противоположных сторон противоречия*, субстанциальный характер одной из них. За взаимоположением, взаимоизменением и взаимопереходами противоположностей единого обнаруживается самопологание, самоизмене-

ние и саморазвитие противоположностей в едином. Иначе говоря, за экзистенциальным тождеством противоположностей, за их взаимоопосредствованием стоит их *субстанциальное тождество*, самоопосредствование. Действительно, в противоречиях тождества и различия, устойчивости и изменчивости, преемственности и обновления единство противоположностей относительно, а борьба их абсолютна, причем ведущую роль играют различие, изменчивость и обновление. В силу этого связи предмета оказываются его саморазличением, движение предмета – его самоизменением, а развитие предмета – его самообновлением.

Отрицание тождества противоположностей закрывает метафизику путь для понимания связи как самополагания и саморазличения, движения – как самодвижения и самоизменения, а развития – как саморазвития и самообновления.

Далее, специальное исследование раздвоения единого на противоположности обнаруживает *тройственную структуру опосредствования противоположностей*, которая, как показал Гегель, выражается триадой «сохранение – упразднение – возвышение». К примеру, тождество есть диалектическое отрицание различия, а различие есть диалектическое отрицание тождества; при этом в тождестве различие сохраняется, упраздняется и возвышается, и, наоборот, в различии тождество сохраняется, упраздняется и возвышается. Используя терминологию Гегеля, можно сказать, что сохранение одной из противоположностей в другой есть ее в-себе-бытие, упразднение (завершение) одной из противоположностей в другой есть ее для-других-бытие, а возвышение одной из противоположностей в другой есть ее для-себя-бытие (бесконечное бытие). С этой точки зрения диалектика характеризуется как способность найти и познать себя во всем через себя⁶.

Категориальный ряд «в-себе-бытие – бытие-для-другого – для-себя-бытие» – движение, вдоль которого есть восхождение от абстрактного к конкретному, конституирует *специальную методологическую программу* диалектического определения предмета. Эта программа включает следующие этапы:

1) *элементарное* определение предмета в абстрактно-всеобщей непосредственности существования – в его родовой специфике,

качественной целостности, в единстве отдельного и общего, когда отдельное сводится к общему и выводится из общего (ср.: *Хлор есть газ; Иван есть представитель рода человеческого*);

2) *дифференциальное* определение предмета в опосредствованной определенности многообразного существования – в его обусловленности тем или иным существенным отношением, той или иной существенной стороной, в единстве внешнего и внутреннего, когда внешнее сводится к внутреннему и выводится из внутреннего (ср.: *Хлор есть галоген; Иван есть рабочий*);

3) *интегральное* определение предмета в конкретно-всеобщей непосредственной определенности существования – в единстве всех его сторон, выведенных из общей генетической основы, в единстве индивидуального и исторического, когда индивидуальное сводится к историческому и выводится из исторического (ср.: *Хлор есть химический элемент периодической системы Менделеева; Иван есть личность информационного общества*).

1267206
Познавая предмет все глубже и глубже, диалектика раскрывает все новые и новые аспекты заключенного в предмете противоречия, показывает, как в более конкретных формах его повторяются и содержатся его более абстрактные формы. В. И. Ленин говорит, что «своего рода итог тому, что такое диалектика» подводится в нижеследующем отрывке из гегелевской «Науки логики»: «Познание движется от содержания к содержанию. Прежде всего это поступательное движение характеризуется тем, что оно начинается с простых определенностей и что следующие за ними становятся все богаче и конкретнее. Ибо результат содержит в себе свое начало, и движение последнего обогатило его некоторой новой определенностью. <...> ...На каждой ступени дальнейшего определения всеобщее поднимает выше всю массу его предшествующего содержания и не только ничего не теряет вследствие своего диалектического поступательного движения и не оставляет ничего позади себя, но несет с собой все приобретенное, и обогащается, и уплотняется внутри себя»⁷.

Диалектическое определение предмета как единства противоположностей представляет собой на всех уровнях *соединение анализа и синтеза*⁸. ~~Без умения делать из многого одно, а из одного~~

многое (Аристотель) не может быть умения мыслить противоречие (Гегель), а без умения мыслить противоречие не может быть умения сознательно соединять противоположности в практической деятельности так, чтобы получилась симфония, а не какофония (В. И. Ленин). Поэтому соединение анализа и синтеза – элемент диалектики, отнюдь не рядоположенный другим элементам диалектики, как нередко считают. Методологическое функционирование любого из элементов диалектики представляет собой соединение анализа и синтеза.

Следует также заметить, что нередко диалектическое определение предмета, раскрывающее сущность предмета, противопоставляют выявлению отношений видовой определенности предмета к его родовому признаку⁹. Но род есть предел сущности, а не чисто абстрактная всеобщность; родовидовое определение предмета диалектика не исключает, а наполняет конкретным содержанием, обобщая историю мысли и опираясь на практику. Как писал В. И. Ленин, «вся человеческая практика должна войти в полное “определение” предмета и как критерий истины, и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку»¹⁰.

Примечания

¹ См., в частности: *Методология «Капитала» К. Маркса и современная наука*. Л., 1984; *Диалектическая логика как методология современного естествознания*. Алма-Ата, 1985.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 203.

³ Там же. С. 98.

⁴ Руткевич М. Н. Диалектический материализм. М., 1973. С. 289.

⁵ См.: Лойфман И. Я. Развитие как базисная категория диалектики // Диалектика прогрессивного развития. Свердловск, 1976. С. 13–18; *Он же*. Системный подход к диалектическому отрицанию // Диалектическое отрицание как закономерность связи, движения и развития. Свердловск, 1984. С. 3–9.

⁶ См.: Гегель. Наука логики. М., 1972. Т. 3. С. 199.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 212. См. также: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26, ч. 2. С. 567.

⁸ Единство диалектического анализа и диалектического синтеза в исследовании стационарного и развивающегося объектов специально рассмотрено в работе: *Методология «Капитала» К. Маркса и современная наука*. С. 40–53.

⁹ См., напр.: Диалектическая логика как методология... С. 23–24.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 290.

Тождество, различие, противоречие

В сложном, многонаправленном процессе развития его внутренним импульсом являются диалектические противоречия, которые В. И. Ленин характеризует как «раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними»¹. Поскольку движение и развитие объектов имеет своим источником внутренние противоречия, постольку оно и выступает как самодвижение, как саморазвитие. «Движущее начало всякого развития, – отмечал Ф. Энгельс, – разделение на противоположности, их борьба и разрешение»². Источником саморазвития В. И. Ленин считает «внутренние импульсы к развитию, даваемые противоречием, столкновением различных сил и тенденций, действующих на данное тело или в пределах данного явления или внутри данного общества»³.

Противоречие – коренная основа существования и развития всех явлений мира. Поэтому решающим условием познания всех процессов мира в их самодвижении является познание их как единства противоположностей. В связи с запросами научного познания и практики исследованию подверглись самые различные аспекты проблемы диалектического противоречия⁴.

В этой лекции ставится задача осветить сравнительно мало разработанный аспект проблемы объективного противоречия, а именно взаимосвязь между категориями *тождества* и *различия*, выражающими элементарное отношение реального мира, и категорией *противоречия*, характеризующей источник его саморазвития.

Вне различий нет противоречий, возможность возникновения противоречия содержится в различии. Чтобы возникло противоречие, объекты, их составные стороны, элементы, компоненты должны обладать различиями. В свою очередь, противоречие исчезает лишь тогда, когда исчезают различия, служащие условием и основой его существования. Но не всякое различие есть противоречие. Противоречия возникают лишь там, где различные вещи или явления, их стороны, элементы, компоненты вступают в определенную взаимосвязь между собой как противоположности. Сле-

довательно, объективное противоречие связано не со всякими различиями вообще, а только со специфическими его типами.

Категория различия выражает многообразие бытия, характеризует неповторимую индивидуальность объектов, неодинаковость и несовпадение их составных сторон, элементов, компонентов. Противоположной различию является категория тождества, которая выражает единство разнокачественных вещей и явлений, совпадение их составных сторон, элементов, компонентов. Как всякие соотносительные понятия, тождество и различие получают свой смысл только при раскрытии их взаимного отношения.

Различия между явлениями объективного мира, а поэтому между отображающими их понятиями можно подразделить на отдаленные, несущественные и существенные. **Отдаленные различия** (или разность) – это различия между вещами или явлениями, далекими по своей сущности. Маркс именно эти различия характеризует как различия между *сущностями*, как различия двух сущностей⁵. Им соответствует в сознании «обычное» представление о различии, отображающее различия между всеми вещами и явлениями объективного мира. Они выражают различающиеся соотношения вещей за пределами их соотношения со своим другим. Так, к примеру, сосна и планета Венера тождественны сами себе, но «равнодушны» в соотношении друг с другом. Не имея сферы общего взаимодействия, они настолько отдалены и отличны друг от друга, что их различия совершенно неопределенны, это просто *разные* тела. О такого рода телах К. Маркс писал, что «они не имеют между собой ничего общего, они не тяготеют друг к другу, они не дополняют друг друга»⁶. В существенных свойствах и признаках эти вещи несравнимы. Именно эти различия Гегель характеризовал как «неистинные различия».

Существенные различия – это те, которые раскрываются из природы самого тождества, через тождество выступают как существенные. Так, К. Маркс говорил, что «северный полюс и южный являются *одинаково полюсами*, их *сущность тождественна*; точно так же *мужской пол и женский образуют один и тот же род*, одну *сущность* – человеческую сущность. Север и юг – противоположные определения *одной и той же сущности*, различия *одной сущности на высшей степени ее развития*»⁷. Маркс, опреде-

для существенное различие как «*дифференцированную сущность*», «как различие в пределах существования *одной сущности*»⁸, имеет в виду не обычное представление о различии, отражающее различия между всеми вещами и явлениями объективного мира, а то различие, которое свойственно тождественным по своей сущности вещам и явлениям. Таким образом, существенные различия объединяет общая сущность, общие закономерности, а отличает специфика формы их проявления. Такое различие Гегелем характеризовалось как «свое другое».

Несущественные различия – это различия, представляющие внешние формы проявления общей сущности. Так, все особи, относящиеся к одному биологическому виду, обнаруживают свое тождество в общности определенного типа обмена веществ, который и составляет их сущность. А бесчисленное множество различий в виде специфичности тех или иных признаков, сторон и т. д. представляет собой не что иное, как лишь особую форму проявления их сущности. Таким образом, несущественные различия – это чаще всего единичные и особенные отличительные признаки вещей и явлений. Этот тип различия в гегелевской терминологии определяется как иное. Таковы, например, расовые различия между людьми.

Различия отдаленные и существенные по своему характеру являются качественными, но совершенно разного порядка. Качественные различия отличаются друг от друга по масштабу, степени, глубине и т. д.

Формы движения материи, соответствующие различным уровням структурной организации материи, соотносятся друг с другом как взаимосвязанные низшая и высшая формы. Между ними имеется и общее, что делает их в некотором отношении тождественными, и особенное, что их разделяет, отделяет друг от друга. Но тождество их исключительно бедно и недостаточно для характеристики как высшей, так и низшей формы движения материи, ибо оно не выражает их сущности. Тождество, выражающее общее между ними, как раз упускает то, что приобретено материальным образованием в процессе его качественного усложнения, т. е. то, что именно специфически отличает его от материальных образований предшествующих стадий развития. Здесь не тожде-

ство, а различие схватывает специфическую сущность этих образований. Например, между атомными и молекулярными образованиями имеется много общего, что характеризует их тождественность. Они состоят из тех же «элементарных» частиц (причем молекула, в свою очередь, содержит в себе атомы), взаимодействие которых и обуславливает в конечном итоге наличие определенных общих свойств у данных материальных образований. При этом если в атоме взаимодействие «элементарных» частиц непосредственное, то в молекуле оно преломляется через взаимодействия атомов. Это и порождает различия между атомами и молекулами как по свойствам, так и по структурным элементам. О качественной специфике молекулы как своеобразного уровня структурной организации материи свидетельствует такая характеристика, как наличие у молекул энергии вращательного и колебательного движения.

Связь же между атомом, молекулой и живым организмом является еще более сложной. Те свойства, которые были присущи атомному и молекулярному образованиям, в данном случае преломляются через форму движения белковых тел, обладающую еще большей качественной спецификой, чем формы движения молекул (или атомов), составляющих неживое образование. Очевидно, что проявление этих свойств здесь значительно более преобразовано, существенно изменено, ибо данные свойства выступают как снятые моменты.

В объектах же, относящихся к одной и той же ступени развития материи, тождество есть именно то, что составляет их *сущность*, то специфическое, что появляется на данном уровне. Здесь тождество совпадает с сущностью. А все специфическое, отличающее друг от друга объекты, относящиеся к данному уровню развития, не касается их сущности, это лишь различные формы ее проявления, специфический способ ее существования.

Таким образом, различия между объектами в пределах одного и того же структурного уровня материальной организации принципиально отличны от различий между объектами качественно разных уровней развития материи. Первые существуют в рамках общих закономерностей, и потому различия между объектами имеют *количественный* характер, тогда как вторые подчиняются

качественно иным закономерностям, и потому различия между объектами имеют *качественный* характер. Очевидно, что *несущественные различия в самом широком, философском смысле и есть количественные различия*. Это различия между качественно однородными вещами и явлениями.

Различия как существенные, так и несущественные не абсолютны, а относительны: в зависимости от конкретных связей, отношений они переходят друг в друга. Все зависит от того, в каких объективных отношениях находятся вещи и явления и в каких отношениях, исходя из потребностей практики, они исследуются.

Итак, все вещи и явления, их стороны, элементы, компоненты в своей конкретной определенности индивидуальны, единичны, неповторимы, так или иначе различны. А противоречие есть вид взаимодействия между вещами или явлениями, но отнюдь не само различие. Следовательно, противоречия объективно возможны между всеми вещами и явлениями, между их сторонами и компонентами и т. д. Вопрос лишь сводится к тому, как, при каких условиях и из каких различий вырастают противоположности, почему различия не просто повторяются, а изменяются и сменяются, определяя сложный, многонаправленный процесс развития. Если исходить из того, что различие создает условия для возникновения противоречия, то суть вопроса в том, какие различия являются противоположностями или могут стать таковыми.

Объективное противоречие связано только с определенными, специфическими типами различия, а именно с различиями существенными. Только те различия, которые могут быть рассмотрены в рамках единой субстанциальной основы, в рамках тождества, служат основой и условием возникновения противоречия. Различия приобретают значение для понимания противоречия – источника саморазвития вещей лишь постольку, поскольку они могут быть сведены к тождеству и единству. Только через субстанциальное тождество различия выступают как субстанциальные различия, как противоположности. Причем во взаимодействии существенных различий противоречие возникает лишь тогда, когда они действуют не в одном направлении, а в разных, когда они находятся в отношениях взаимоисключения. Только в этом случае существенные различия выступают как стороны противоречия, как противоположности.

Таким образом, тождество выражает совпадение вещей, но как определенная характеристика противоречия оно выражает не просто внешнее сходство, а прежде всего совпадение вещей, их сторон, элементов и т. д. в наиболее глубокой сущности, общую субстанциальность, через которую происходит их взаимное обусловливание, взаимное исключение и отрицание, взаимный переход друг в друга. Например, «элементарные» частицы и соответствующие им античастицы суть материальные образования одного и того же структурного уровня, и в этом смысле они тождественны. В рамках этой субстанциальной общности они существуют как различные, прямо противоположные материальные образования: в этом тождестве они взаимно обусловливаются, взаимно уничтожаются, переходя в новое качество. Вне субстанциального тождества различия остаются чисто внешними, по словам Гегеля, «безразличными различиями».

В диалектическом противоречии противоположности существуют не рядом, а каждая в себе содержит свою противоположность, свое другое. Например, электричество внутренне раздвоено на противоположности – положительное и отрицательное электричество, которые отличаются друг от друга и в то же время не могут существовать друг без друга. Каждое из них существует постольку, поскольку существует другое.

Объективное противоречие возникает и существует как раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и деятельное *взаимоотношение* между ними. При этом связь взаимоисключающих сторон характеризует *одно и то же отношение в одно и то же время*. Именно это имел в виду К. Маркс, когда анализировал процесс антагонистического раздвоения буржуазных экономических отношений: «...с каждым днем становится все более и более очевидным, что характер тех производственных отношений, в рамках которых совершается движение буржуазии, отличается двойственностью, а вовсе не единством и простотой, что в рамках *тех же самых отношений*, в которых производится богатство, производится также нищета; что в *рамках тех же самых отношений*, в которых совершается развитие производительных сил, развивается также и сила, производящая угнетение...»⁹ (курсив наш. – В. К.). Каждая вещь или явление содержит внутреннее противоречие *в одно*

и то же время и в одном и том же отношении. Любая вещь противоречива уже потому, что одновременно является той же и не той, прерывной и непрерывной, конечной и бесконечной и т. д., иначе говоря, является единством тождества и различия. Отсюда очевидно, что противоречие носит всеобщий, абсолютный характер. Поэтому В. И. Ленин противоречие понимает как универсальную форму материальной действительности, присущую любому предмету в любом его аспекте.

В противоречие с другими вещами каждая вещь вступает своей определенной стороной, определенными свойствами, признаками и т. д. Так, атом обладает бесконечно многими сторонами, чертами, свойствами и может вступать во взаимодействие в роли то частицы химического элемента, то составной части молекулы, то необходимого элемента в структурном молекулярном построении, то системы, обладающей квантовыми состояниями с соответствующими энергиями, то системы действия сил между электронами, ядром, частицами ядра и т. д. Вступая при этом в различные противоречия, атом каждый раз в качестве своей противоположности имеет не всякое «другое», а определенное свое другое.

Связи и взаимосвязи действительности многообразны и многосторонни, но *всякое противоречие дихотомично*, т. е. всегда представляет собой двустороннюю связь. В приведенном выше примере видно, что атом, вступая в различные взаимоотношения, выступает всегда определенной стороной. Во всех этих противоречиях неизменно участвуют две стороны, пара противоположностей. Причем, если в каждом отдельном противоречии неизменно участвуют две стороны, то *в процессе* может участвовать не одна пара противоположностей. Более того, между парами противоположностей также может возникнуть противоречие как между двумя сторонами целостности. Каждая пара противоположностей образует единство, характеризующее определенную целостность вещи. Таким образом, в общих противоречиях эти пары противоположностей, единства противоположностей выступают как стороны противоречия. И в этом случае действует, естественно, лишь пара противоположностей. Причем стороны противоречия играют неодинаковую роль. Маркс указывал, что, хотя противоположности выражают одну и ту же сущность, они не могут быть рав-

нозначными. Положение обеих всегда неодинаково, обычно «одна из крайностей берет верх над другой», и поэтому «действительного дуализма *сущности* не бывает»¹⁰. Следовательно, для глубокого познания объективного противоречия необходима не простая фиксация противоположностей как определенных его сторон, а уяснение конкретной роли каждой из них во взаимоотношении.

Термин «противоположность» обозначает соотношение сторон любого диалектического противоречия, а не «различие, развившееся до крайности, или предельный случай различия»¹¹. Потому и при характеристике объективного противоречия нельзя разграничивать различие и противоположности, как это делает проф. В. П. Рожин¹². Но такое разграничение возможно и необходимо делать при исследовании степени развития и развертывания противоречия¹³.

Если основными структурными элементами объективного противоречия являются противоположности и их взаимодействие, то тождество и различие обязательно включаются в структуру противоречия. Сущность объективного противоречия нельзя понять без привлечения диалектического соотношения тождества и различия. То, что подчас в философской литературе, говоря о противоречиях, рассматривают лишь категорию различия вне связи с категорией тождества, совершенно неверно. Понимание противоречия безотносительно к тождеству порождает представление о том, что «там, где есть различие, там и есть противоречие», что «различие уже есть противоречие»¹⁴, что «всякое различие есть противоречие» и т. п., что только в свете такого понимания противоречия «ясна сама универсальность закона единства и борьбы противоположностей»¹⁵. Возможность противоречия заложена в различии, но реализуется оно в действительности только в субстанциальном тождестве.

Таким образом, рассмотрение вещей и явлений как самопротиворечивых в их сущности позволяет понять их самодвижение как таковое. Каждая вещь тождественна себе и вместе с тем в себе самой содержит *не-тождество* (различие) с собой. Благодаря изменению «*своих*» *противоположностей* она изменяется и собственными изменениями вызывает изменение других вещей.

Помимо различения сторон противоречия, в каждом противоречии необходимо также различать аспекты противоречия, характеризующие важнейшие структурные элементы противоречия. Между двумя сторонами противоречия, противоположностями, всегда имеется как аспект *единства*, так и аспект *борьбы*. По Гегелю, противоположные определенности относятся друг к другу не внешним образом, а, наоборот, каждая определенность в процессе своего развития переходит в свое другое. Ленин высоко оценивал эту мысль Гегеля: «Очень верно и важно: другое как *свое* другое, развитие в *свою* противоположность»¹⁶. О сторонах противоречия можно сказать, что они находятся в единстве как не одно и то же (различное) и в борьбе как одно и то же (тождественное). Единство и борьба – два неразрывных аспекта противоречия, это отношения, в которые необходимо вступают стороны противоречия, противоположности. Эти противоположности выступают одновременно и как тождественные, ибо они стоят в одном и том же отношении друг к другу и, следовательно, заключают в себе реальную возможность взаимоперехода друг в друга, и как нетождественные, ибо, как взаимоисключающие различия, они неравнозначны (неодинаковы), и потому абсолютного перехода их друг в друга нет.

В литературе вполне справедливо отмечается, что противоречие вытекает из внутренней раздвоенности вещей, но не сводится к ней¹⁷. Противоречие означает столкновение (взаимодействие) сторон друг с другом, их взаимопроникновение в рамках тождества. Оно есть не сама раздвоенность (двойственность) вещи, а взаимодействие разделенных сторон, которое всегда характеризуется как единство и борьба сторон. «Взаимодействие тел природы – как мертвых, так и живых, – пишет Энгельс, – включает как гармонию, так и коллизию, как борьбу, так и сотрудничество»¹⁸. Противоречие состоит именно в двойственности взаимодействия сторон, наделенных различными возможностями, тенденциями и т. д. Существенные различия, характеризуя отдельную вещь или явление с разных сторон, остаются равнодушными друг к другу и сами по себе не переходят друг в друга. Но они тут же утрачивают свою неподвижность, как только приводятся в субстанциальные отношения, в единое тождественное отношение в виде взаимоисключающих противоположностей, характеризующих процесс развития.

Если бы от каждой вещи исходили всегда одни и те же тенденции, а взаимодействие вещей отличалось бы однообразием и однонаправленностью, то мир в целом, несмотря на обилие различий и противоположностей, оставался бы застывшим, неподвижным, лишенным импульсов к изменению и развитию.

Примечания

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 317.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 640.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 55.

⁴ См., напр.: *Чертков В. П.* Ядро диалектики. М., 1963; *Батищев Г. С.* Противоречие как категория диалектической логики. М., 1963; *Вяккерев Ф. Ф.* Диалектическое противоречие и марксистская политическая экономия. М., 1963; *Он же.* Структура диалектического противоречия // *Вопр. философии.* 1964. № 9; *Горбач В. И.* Виды противоречий. Минск, 1965; *Горлянский В. А.* Диалектическое противоречие и его структура // *Вопр. философии.* 1965. № 10; *Козловский В. Е.* Развитие В. И. Лениным марксистского учения о противоречиях. М., 1966; *Дудель С. П., Штракс Г. М.* Закон единства и борьбы противоположностей. М., 1967.

⁵ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 321.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 322.

⁹ Там же. С. 144.

¹⁰ Там же. С. 322.

¹¹ См.: Некоторые вопросы диалектического материализма. Л., 1962. С. 44–45.

¹² См.: *Рожин В. П.* Материалистическая диалектика и современность // *Актуальные проблемы философской науки.* Л., 1968. С. 34–35.

¹³ Термин «противоположность», кроме общего и основного значения «соотносящиеся стороны диалектического противоречия», обозначает и степень развертывания противоречия (определенную фазу его обострения), и в целом противоречие вообще (см.: *Дудель С. П., Штракс Г. М.* Закон единства и борьбы противоположностей. М., 1967. С. 59–66).

¹⁴ См.: *Воробьев Л. В., Каганов В. М., Фурман А. Е.* Основные категории и законы материалистической диалектики. М., 1962. С. 295.

¹⁵ См.: *Павлов В. Т.* Отношение между понятиями. Киев, 1961. С. 119–120.

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 325.

¹⁷ См.: *Вяккерев Ф. Ф.* Диалектическое противоречие и марксистская политическая экономия. М., 1963. С. 28–31.

¹⁸ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 34. С. 134.

Лекция 4

Логико-методологические аспекты проблемы тождества и различия

Познание – сложный, противоречивый процесс, находящийся в прямой зависимости от практической деятельности человека и его потребностей, которые стимулируют это познание. Практика направляет познание по пути выделения определенных сторон объективной действительности, изучение которых является на определенном этапе необходимостью и представляет собой цель сознательной деятельности человека.

При сопоставлении приобретенного чувственного материала мышление выделяет из пестрого многообразия окружающих явлений некоторые сходные, тождественные свойства, а в этом тождественном – существенное, что составляет основу абстракции. Абстракция, особенно научная, дает человеку полное и глубокое представление о действительности. К образованию таких абстракций людей вынуждает практика, которая не только создает возможность для выделения, абстрагирования от множества вещей их существенно общих свойств, но и требует этого в отношении тех свойств явлений, которые важны для потребностей практической деятельности.

Результаты абстрагирующей деятельности мышления закрепляются в понятиях, суждениях, умозаклчениях, в которых отражаются как внешние, так и внутренние существенные связи и отношения вещей. Ленин писал, что «уже самое простое обобщение, первое простейшее образование понятий (суждений, заключений etc.) означает познание человеком все более и более глубокой объективной связи мира»¹. Образование этих форм абстрактного мышления невозможно без действий отождествления и различения в процессе познания, поэтому в них отражается также и диалектика тождества и различия.

Всякая реально существующая вещь является единством отдельного и общего; отдельные, единичные вещи не могут существовать изолированно, вне таких отношений, которые не вели бы

к общему. И это единство общего и отдельного отражается в понятии в своеобразной форме отношений тождества и различия².

Отношение тождества и различия отражается и во всех видах суждения. Еще Ф. Энгельс отмечал, что всякое суждение есть яркий образец единства тождества и различия³. В любом логическом суждении, рассмотренном и в гносеологическом (т. е. со стороны объективного содержания), и в логическом (т. е. со стороны внутренней структуры, логической связи его составных элементов) аспектах, наглядно обнаруживается диалектическое единство тождества и различия⁴.

Умозаключение тоже воплощает в себе диалектическое единство тождества и различия, которое особенно ясно выражено в среднем члене (термине) умозаключения. Если, например, рассмотреть трехчленную структуру умозаключения: единичное – особенное – всеобщее, то средний член (особенное) выступает одновременно и как единичное в отношении ко всеобщему, и как всеобщее в отношении к единичному. Отсюда вытекает, что единичное раскрывает в особенном свою всеобщность, а всеобщее раскрывает в особенном свою единичность. Бесспорно, что особенный член умозаключения воплощает в себе противоположности тождества и различия в единстве⁵.

Процесс познания не завершается созданием абстракции. За ним следует процесс бесконечного углубления и конкретизации – процесс восхождения от абстрактного к конкретному. Причем важнейшими внутренними элементами этого процесса выступают категории тождества и различия.

Любая вещь имеет бесконечное множество сторон, существенных и несущественных. «Развертывание всей совокупности моментов действительности $NB =$ сущность диалектического познания»⁶. Перескочить через необходимые стадии этого процесса последовательного развертывания многообразных аспектов вещи нельзя, не изменив объективной диалектики вещи, не извратив ее. Для полного изучения вещей нужна система абстракций, так как общее, абстрактное рассмотрение неполно, недостаточно. Сочетание или синтез многочисленных абстракций, определений и т. д. делает представление о вещи более конкретным, ибо конкретна сама действительность как «исходный пункт созерцания и представле-

ния»⁷. В этом смысле абстрактное есть «ступень к познанию конкретного... Бесконечная сумма общих понятий, законов etc. дает конкретное в его полноте»⁸. Таким образом, процесс познания есть движение научного понятия от односторонней ко все более конкретной и многосторонней абстракции. Познание конкретного есть его отражение в многообразии сторон, есть познание сущности в ее многообразии.

Познание вещи от первоначального элементарного ее обозначения поднимается до высшего, диалектического уровня, на котором конкретная сущность предстает как синтез, сочетание взаимопроникающих моментов. Характеризуя данную тенденцию диалектики процесса познания, В. И. Ленин писал, что «изучение и мышление направляет мысль к познанию тождества-различия – основания-сущности versus явления...»⁹. Познающее мышление, вскрыв за кажущимся внешним тождеством вещи ее внутренние различия, познает саму сущность вещи как тождество противоположностей, как единство многочисленных взаимопроникающих противоположных моментов¹⁰.

Существует и другая тенденция диалектики познания – движение путем абстракции отождествления, научного обобщения от многообразия явлений, внешне кажущихся абсолютно различными, к внутреннему единству. В процессе познания мы от различий переходим к тождеству, проникая в сущность, объединяющую множество вещей и явлений. Примером тому может быть возникновение кибернетики, исторически и логически подготовленное тем, что человек постепенно от анализа отдельных вещей и процессов перешел к установлению связи между ними, нахождению тождества между различными вещами и процессами. Таким образом, на пути движения от различия к тождеству познается закон, который есть отражение внутренне необходимых связей между тождественными сущностями. Познание закона есть ступень к познанию сущности вещей.

Эти две тенденции – движение познания от абстрактного тождества к конкретному и от различия к тождеству – взаимно предполагают и дополняют друг друга, находясь в определенной взаимосвязи в процессе познания самой глубокой сущности вещей – диалектического противоречия.

Известно, что диалектическое противоречие, являющееся источником самодвижения материи, не дано непосредственно на поверхности явлений. Поэтому человеческое познание не сразу обнаруживает его, хотя объективное противоречие присуще самим вещам и явлениям на всех стадиях их развития. Раскрытие противоречий достигается лишь в результате сложной и трудной деятельности познающего мышления, путем применения научной абстракции, выделения ряда ступеней в познании, причем на каждой ступени познания объективного противоречия само познание принимает все более точные и адекватные логические формы отражения этих противоречий. Такими логическими формами, узлами, опорами в познании противоречия являются категории тождества и различия.

Это гениально угадал Гегель в своей известной схеме субординации понятий, связанной с категорией противоречия: тождество – различие – противоположность – противоречие (основание). Хотя у Гегеля эта схема имеет всеобщее значение как схема развертывания Абсолюта, тем не менее она не лишена рационального содержания. Идея Гегеля правильно отражала важнейшие этапы познания противоречивой природы явлений, тот факт, что обнаружение объективного противоречия происходит в определенной последовательности. Но Гегель полностью отождествил гносеологический и онтологический аспекты противоречия, тогда как его идея имеет в основном гносеологическое значение как характеристика последовательных ступеней в познании объективного противоречия. Именно «таков действительно, – по мысли В. И. Ленина, – общий ход всего человеческого познания (всей науки) вообще... Диалектика Гегеля есть, постольку, обобщение истории мысли»¹¹.

Первоначально вещь представляется нашему познанию как нечто целое, тождественное самому себе, оторванное от других вещей, вне связи с ними – словом, как просто отличное от других вещей. Это простейшее, чувственно-конкретное отражение вещи в том виде, в каком она предстает непосредственно перед органами чувств и отражается в понятиях абстрактного тождества и абстрактного различия.

В процессе углубления познания и обнаружения связей между различными вещами или между их составными сторонами, элементами, ранее казавшимися безразличными по отношению друг

к другу, эти связи и отношения познаются уже как различия определенные, т. е. существенные, как противоположности. Однако обнаружение в вещах противоположных сторон еще не означает полного познания сущности противоречия. Дело в том, что на этом этапе познания мышление не фиксирует, не схватывает в обнаруженном существенном различии и противоположности единство, тождество противоположностей. Тождество и различие (противоположность) здесь познаны рядом, но не в единстве, не во взаимопроникновении и взаимопереходе, в результате чего их отношение не познается как противоречие. Только познание перехода различия (противоположности) и тождества друг в друга, удержание, фиксация тождества противоположностей в мышлении и есть подлинное познание сущности объективного противоречия.

Таким образом, с познанием объективного противоречия мы приходим к тождеству конкретному, т. е. единству многообразия, познанию вещей во всей совокупности их определенностей, во всем их богатстве и своеобразии. Процесс движения от конкретно-чувственного, а потому абстрактного тождества и абстрактного различия через обнаружение существенного различия и противоположности и их тождества к конкретному тождеству, тождеству различного, воспроизводящему в мышлении все богатство вещи, является всеобщим процессом развития человеческого познания вообще. Именно это подтверждается генезисом всех наук. Так, например, чрезвычайно важный материал для раскрытия конкретного содержания изложенных положений дает анализ процесса познания световых явлений в истории физики.

Оптические воззрения античных времен были несовершенны, ибо в основном базировались на непосредственных наблюдениях. Тогда возникновение изображения в человеческом мозгу представлялось загадкой, так как устройство глаза было неизвестно. «Простейшим решением этой загадки и казалось древним представление о зрительных лучах, – писал акад. С. И. Вавилов, – наподобие некоторых щупальцев, исходящих из человека»¹². Приверженцы теории «зрительных лучей» (пифагорейцы) считали, что свет и зрение – это одно и то же. Хотя эта теория в целом носила антропоморфный характер, она была не столь уж бесплодной, ибо на основе обобщения эмпирических данных представителями этой школы возникла геометрическая оптика Евклида, сформулировавшая ряд

законов, в частности закон прямолинейного распространения света, законы отражения света и др.

Атомистами древности было высказано предположение, что свет постоянно исходит из объектов в виде тончайших пленок – копий, которые распространяются во всех направлениях с огромной скоростью. Попадая в глаз, эти копии, сохраняющие в точности рельеф и особенности тела – своего источника, вызывают ощущение света. В сущности, здесь уже можно увидеть прообраз корпускулярной теории света.

Аристотель, критикуя теорию «зрительных лучей», предложил другое объяснение природы зрения – как следствия движения некоторой промежуточной среды между глазом и видимым предметом. Эта гипотеза рассматривается как прообраз волновой теории света.

Таким образом, в античный период проблема собственно природы света не ставилась конкретно, не обращалось еще внимания на ее изучение, и вследствие почти полного отсутствия экспериментальных данных возникали лишь односторонние и поверхностные, а потому абстрактные представления о свете.

Интенсивное развитие воззрений на природу света происходит в Новое время. К концу XVIII в. складываются две теории световых явлений, прямо противоположные друг другу. Корпускулярная теория представляла свет как поток прямолинейно летящих мельчайших частиц – корпускул, испускаемых источником света, она позволяла физикам объяснить большинство известных тогда световых явлений. Так, например, различие в цветности лучей Ньютон объяснил различием в величине световых частиц-корпускул. Открытие им же сложного состава света обогатило содержание корпускулярных воззрений на природу света, сделало их более конкретными и глубокими. Поэтому, несмотря на активную защиту М. В. Ломоносовым, Л. Эйлером и др. иных, волновых представлений, XVIII в. характеризуется преобладанием именно корпускулярной теории.

Волновой теорией ученые пытались объяснить те световые явления, которые не объясняла корпускулярная теория. Свет, по Гюйгенсу, представляет собой распространение волн в эфире – гипотетической сплошной среде. Усилиями Гюйгенса и в последующем Френеля была разработана математическая теория, позволившая

объяснить физическую сущность всех известных тогда свойств света. Это обеспечило в начале XIX в. победу волновой теории над теорией истечения Ньютона.

Фиксируя противоположность корпускул и волн, Ньютон не смог понять внутренние связи этих явлений, их переходы друг в друга, т. е. не смог вскрыть внутренне противоречивую природу света. Наука в познании природы света, обнаружив некоторые противоположности, не смогла удержать в этих противоположностях их тождество. Тождество было познано не в самом различии (противоположности), а рядом с ним, и потому тождество и различие (противоположности) здесь сосуществуют друг с другом без взаимопроникновения. Вследствие этого их отношение не познано как объективное противоречие.

Каков же выход из такого положения, когда в качестве одинаково истинных выдвигались противоположные определения одного и того же явления? Самый простой путь, но и самый неверный был тот, которым пошел Ньютон. Он отбросил как неистинную волновую теорию, встав на точку зрения корпускулярной, т. е. отбросил одну из исключаяющих друг друга противоположностей. Поэтому не случайно корпускулярная теория связывается с именем Ньютона, хотя он и пытался совместить корпускулярные и волновые представления.

Следовательно, появление двух прямо противоположных теорий относительно одного и того же явления стало первым, еще неадекватным, но все-таки отражением противоречивой природы света. Световое явление было познано как *не-тождество*, как различие (противоположность). В объяснении природы света возникла антиномия. В самой же природе есть только объективное противоречие, но нет антиномии, последняя существует лишь в мышлении.

Только на высшей ступени познания схватывается, удерживается в познании единство, тождество противоположностей, что означает раскрытие внутреннего противоречия явлений. Только здесь вещь предстает как конкретное тождество, как тождество многообразия, воспроизведения в мышлении всего ее богатства. Это обнаруживается в дальнейшем развитии как относительно самостоятельных волновой и корпускулярной теорий света. Так, установление в рамках волновой теории опытным путем связи

между оптическими и электромагнитными явлениями Фарадеом стало следующим, новым этапом в развитии представлений о световых явлениях. Обобщением этих опытных данных явилось теоретическое исчисление Максвеллом изменения электрического и магнитного полей, распространяющихся в пространстве со скоростью света. Позднее этот теоретический вывод был подтвержден серией опытов Герца. Таким образом сложилась электромагнитная теория света: свет есть электромагнитное явление и распространяется электромагнитными волнами определенного интервала частот; существует принципиальное единство электрических, магнитных и световых явлений.

Приблизительно в это же время развитием корпускулярной теории света стало новое объяснение процессов взаимодействия света и вещества (излучение, поглощение, рассеяние света). Было установлено, что свет поглощается и излучается отдельными, вполне определенными для данного вещества порциями – квантами.

Появление электромагнитной и квантовой теорий света совпало с кризисом в физике конца XIX – начала XX в. В оптике этот кризис проявился как неспособность вскрыть диалектическое единство двух теорий, объясняющих различные свойства одной и той же сущности – света, в метафизическом противопоставлении двух научно обоснованных, но односторонних теорий.

Диалектический подход к новейшим научным представлениям о свете дает качественно новое понимание сущности света и ликвидирует кажущееся противоречие волновых и корпускулярных теорий света.

Современная наука рассматривает антиномию волновых и корпускулярных свойств световых явлений как проявление диалектики природы, реального единства противоположностей. Математический аппарат современной квантовой механики с большой точностью описывает оптические явления, связанные с излучением, поглощением и рассеянием света. Закономерности распространения света объясняются волновой электромагнитной теорией. Единство волновых и корпускулярных свойств света – это тождество противоположностей.

Двойственность в виде наличия корпускулярных и волновых свойств присуща не только свету, но и потоку любых элементар-

ных частиц – электронов, позитронов и т. д. Вещество и свет одновременно обладают свойствами и волн, и частиц, но в целом они не волны и не частицы, а сочетание того и другого.

Современные научные представления глубже и более всесторонне объясняют природу света, но не исчерпывают ее до конца. Обнаружение двойственной природы света не означает полного раскрытия противоречивой природы световых явлений, ибо современная физика еще недостаточно вскрыла внутреннее соотношение этих противоположных свойств. Дальнейшее изучение природы внутренних взаимоотношений между противоположными корпускулярными и волновыми свойствами света и в целом материи должно привести к еще более полному познанию противоречивой сущности полей и элементарных частиц. Перед наукой, вооруженной диалектико-материалистической методологией, открывается возможность более глубокого проникновения в сущность световых явлений.

Таким образом, категории тождества и различия в гносеологическом плане характеризуют различные ступени познания сущности явлений, представляя собой своего рода методологические инструменты обнаружения диалектических противоречий, а в онтологическом плане они демонстрируют различные типы отношений между сторонами явлений действительности.

Примечания

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 161.

² См.: Диалектика научного познания: Очерк диалектической логики. М., 1978. С. 364–368.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 529—530.

⁴ См.: Плотников А. М. Некоторые вопросы диалектики тождества и различия в процессе суждения // Вопросы логики. Л., 1959. С. 18–27.

⁵ См.: Алексеев М. Н. Диалектика умозаключений // Филос. науки. 1959. № 3. С. 74.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 141.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 727.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 252.

⁹ Там же. С. 301.

¹⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 498.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 298. Ср.: Там же. С. 120–132.

¹² Вавилов С. И. Глаз и Солнце. М., 1950. С. 11.

Лекция 5

Отношение

как содержательный элемент противоречия

Положение В. И. Ленина о том, что противоречие есть «раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними»¹, предполагает необходимость рассмотрения отношения между противоположными сторонами в качестве одного из важнейших компонентов, составляющих основу содержания противоречия.

В истории философской мысли уже имели место попытки рассматривать противоречие через отношение, хотя и делалось это преимущественно на идеалистической основе. У пифагорейцев, например, многообразие мира было «уложено» в десять чисел, из которых двойка связывалась с противоположностью и отрицанием в природе. В свою очередь, противоположность расчленялась ими на десять начал: предел и беспредельное, единое и множество, правое и левое, свет и тьму и т. д. Более четко мысль о противоречии как особом виде отношений выразил Аристотель: «Вещам соотнесенным присуща и противоположность: так, например, добродетель противоположна порочности, между тем и та и другая принадлежат к числу соотнесенного и точно так же знание противоположно невежеству»². Гегель использовал отношение в качестве одного из важнейших принципов построения системы категорий диалектики, переход, «текучесть» которых основана у него на отношениях, включающих в свое содержание противоположные и тождественные стороны. «Характер, которым содержание обладает благодаря моменту своего устойчивого существования, – писал Гегель по поводу диалектики содержания и формы, – существенен для содержания явления, положенное таким образом представляет собой отношение, в котором одно и то же содержание есть развитая форма, внешность и противоположность самостоятельных существований и их тождественное соотношение, и только в этом тождественном соотношении различные и суть то, что они суть»³.

Некоторые философы (В. П. Тугаринов, А. И. Уемов и др.) основывают исследование проблемы отношений на принципе трихотомичности вещи, свойства и отношения. В системе трехчленного деления объектов действительности В. П. Тугаринов считает отношение или связь между явлениями или их свойствами третьим членом. И если свойство «субординировано предмету, то отношение субординировано предмету и свойству»⁴. Первичным в этой иерархии выступает предмет (тело, вещь, вещество), который является носителем свойств и отношений, выполняя функции основы их существования и развития.

Однако подобная точка зрения имеет целый ряд недостатков, органически вытекающих из онтологизации содержания философских категорий. В самом деле, признание вторичности свойств и отношений логически предполагает возможность существования предметов вне их свойств и отношений, так как фиксирует однонаправленность процесса развития от вещи к свойству, от свойства к отношению. В конечном счете, как справедливо отмечает И. Б. Новик, «теория первичности вещи по сравнению с отношением приводит к методологическому выводу: «Только познав вещи, можно познать их отношения»⁵.

В действительности же познание тех или иных материальных образований, явлений или процессов не обязательно идет по схеме «вещь – свойство – отношение». Так, например, Маркс выводил сущность человека из системы общественных отношений, а не из особенностей его как биологического существа или физического объекта. Различная направленность в субординации в системе «вещь – свойство – отношение» проявляется не только на уровне социальной формы движения материи. Явление аллотропии, к примеру, показывает, что такие простые вещества, как уголь, графит и алмаз, обладают различными свойствами, хотя их вещественный состав однороден. Определяющим фактором здесь выступает расположение элементов углерода, их структура, или способ связи элементов. Поэтому первичность вещи в рамках трихотомичной системы «вещь – свойство – отношение» вряд ли может быть признана универсальной. И в этой связи можно констатировать, что противоречие генетически и функционально необязательно и не-

однозначно связано с изменением самой вещи, а в значительной степени проявляется в изменениях ее свойств и отношений.

В решении проблемы отношений А. П. Шептулин стремится обозначить путь исследования не в аспекте системы «вещь – свойство – отношение», а в аспекте движения человеческого познания, подчеркивая при этом, что труд предполагает знание человека о связях предметов между собой и с человеческими потребностями⁶. Данное направление весьма плодотворно в том отношении, что в нем акцентируется внимание на роли субъекта в процессе познания и преобразования им окружающего мира и на основе принципа общественно-исторической практики человека делается попытка раскрыть социальную обусловленность содержания философских категорий. Но тем не менее, как нам представляется, выделение различных «срезов» или аспектов философского исследования всегда носит условный, относительный характер, и потому необходимо гармонично сочетать как онтологический, так и гносеологический аспекты анализа философских категорий.

В чем же специфика отношения, выступающего важнейшим компонентом содержания противоречия? К. Маркс в свое время писал, что «свойства данной вещи не возникают из ее отношения к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении...»⁷. Данное положение можно понимать, во-первых, как отрицание какой-либо субординации между свойством и отношением и, во-вторых, как указание на их неразрывное диалектическое единство. Это единство не означает совпадения отношений со свойствами⁸ и не выступает в той форме, какую предлагает А. В. Дроздов: «...свойство есть потенциальное отношение, а отношение есть актуальное, реально существующее свойство»⁹.

Свойство, безусловно, существует и проявляется в отношениях, но нельзя сводить его лишь к возможности существования определенных отношений, а само отношение – к действительности свойства, поскольку реально и действительно как то, так и другое. В силу этого они не могут быть различны по существованию в возможности и действительности. Их единство проявляется прежде всего в том, что свойство всегда выступает стороной (членом) отношения, обуславливая возникновение, существование, изменение и развитие другой стороны (члена) отношения, т. е. другого

свойства. «Уже самый факт, что это есть *отношение*, – писал Ф. Энгельс, – означает, что в нем есть две стороны, которые *относятся друг к другу*»¹⁰. Отношение, таким образом, представляет собой обусловленность свойств, определенным образом воздействующих друг на друга материальных или идеальных образований. Поэтому отношение обеспечивает взаимность существования противоположных сторон любого противоречия, но поскольку свойства могут быть внутренними или внешними, существенными или несущественными и т. д., постольку и противоречия носят многовидовой характер.

Состояние обусловленности свойств (как членов отношения или сторон противоречия) может проявляться в форме причинно-следственной или функциональной зависимости. Например, в классовых отношениях действия одного класса влекут за собой действия другого класса (противоречие между трудом и капиталом проявляется в многообразных формах забастовок, демонстрациях трудящихся масс и т. д.), что характеризует причинно-следственную зависимость. Подобное же положение имеет место и в отношении между базисом и надстройкой, общественным бытием и общественным сознанием и т. д., когда одна из сторон отношения противоречия лежит в основе другой, вызывая ее к жизни, детерминируя и определяя особенность ее существования, изменения и развития. Однако причинность не покрывает универсальности отношений, поскольку она является, по словам В. И. Ленина, лишь моментом «всемирной взаимозависимости»¹¹. Но именно в причинно-следственной зависимости наиболее полно проявляется абсолютность борьбы противоположностей и относительность их тождества, именно в ней находят свое разрешение противоречия развития.

На различных структурных уровнях организации материи существование целостных образований невозможно без функциональных связей и отношений, характеризующихся взаимной определенностью и направленностью свойств. Данная форма обусловленности свойств выступает необходимым условием существования и разрешения противоречия функционирования. В ней наиболее четко проявляется единство противоположных сторон, устойчивость и взаимность их сосуществования. Например, в органическом мире так называемые жесткие и звездные системы (процессы кровооб-

ращения и пищеварения, ассимиляции и диссимиляции и т. д.)¹² сосуществуют в качестве необходимых взаимных условий, поэтому разрешение противоречия не может идти путем элиминирования одной из его противоположных сторон.

А имеются ли отношения и соответственно противоречия между явлениями, не обуславливающие в своем возникновении, функционировании и развитии друг друга, т. е. проявляющиеся вне процесса их однонаправленного или взаимного воздействия? Иначе говоря, существуют ли отношения, например, между органическими дискретными системами, имеющими единый генотип, общность эволюционного развития, в принципе одну и ту же внутреннюю организацию и т. д.? Несмотря на то, что такие системы функционируют автономно и не находятся во взаимодействии, некоторые авторы все же усматривают наличие между ними отношений¹³.

На наш взгляд, однако, в отношении как элементе противоречия находятся только те материальные или идеальные образования, которые однонаправленно (генетическая зависимость) или взаимно воздействуют друг на друга. Следовательно, анализ содержания категории «отношение» должен быть основан на принципе неразрывного единства связей и отношений с движением и взаимодействием. «В том обстоятельстве, — писал Ф. Энгельс, — что эти тела находятся во взаимной связи, уже заключено то, что они воздействуют друг на друга, и это... есть именно движение»¹⁴.

Связи и отношения выступают способами осуществления движения и взаимодействия, их атрибутами. Особенность содержания того или иного вида отношений и противоречий определяется, видимо, многообразием структурных уровней организации материи и многообразием форм ее движения. Причем в рамках любого вида отношений отношение проявляется наиболее четко там, где взаимодействуют одновременно существующие системы. Так, например, физический вид отношений может проявляться и как взаимное притяжение или отталкивание взаимодействующих тел, и как сложение, уравнивание или преобладание сил и т. д. В данном случае мы имеем дело с непосредственным и взаимным воздействием одной системы на другую, протекание которого может быть в форме обмена энергией, массой, структурой и т. д.

Но воздействие может быть и однонаправленным (генетическая и причинно-следственная зависимость), когда в каком-либо определенном качестве или на определенном уровне организации материи воздействие одного образования на другое является преобладающим. Однако в любом случае должна быть проявлена активность вступающих в отношение друг с другом предметов, процессов или явлений действительности. «*Отношение одной вещи к другой, – писал Маркс, – есть отношение этих двух вещей между собой, и о нем нельзя сказать, что оно принадлежит той или другой из них. Способность вещи есть, наоборот, нечто внутренне присущее вещи, хотя это внутренне присущее ей свойство может проявляться только в ее отношении к другим вещам. Так, например, способность притягивать есть способность самой вещи, хотя эта способность остается “скрытой”, пока налицо нет таких вещей, которые могли бы быть притянуты*»¹⁵.

Одним из существенных моментов, характеризующих связи и отношения, выступает взаимное изменение свойств или переход свойств одного явления в свойства другого. Не случайно поэтому, оценивая диалектику Гегеля, В. И. Ленин писал, что «*изложение связи и переходов (связь и есть переходы), вот задача Гегеля*»¹⁶. На основе универсальных связей и отношений¹⁷, когда их сторонами или членами являются противоположности, возникают и разрешаются противоречия. Таким образом, существование и разрешение противоречия возможно лишь в рамках определенного отношения между противоположностями, в котором изменение или переход свойств характеризует то, чем является данное образование в другом, фиксируя тем самым и свою определенность.

Необходимым условием существования отношений и противоречий выступает наличие тождества и различия однонаправленно или взаимно воздействующих друг на друга образований¹⁸. В тождестве находит свое выражение относительная устойчивость, повторяемость явлений, непрерывность и единство свойств существующих систем. Деньги, например, представляют собой не только и не столько специфическую вещь, которая противостоит в качестве эквивалента товару и взаимодействует с ним при обмене, но и обособившийся внутренний момент самого товара в эквивалентной форме. В товаре, как и в деньгах, скрыты социальные

тождественные моменты деятельности, благодаря которым и возникают определенные отношения между людьми, происходит обмен результатами деятельности и т. д.¹⁹ На основе объективной тождественности свойств взаимодействующих систем мы можем говорить о том, что представляет собой данная система и какова ее родовая сущность. Но поскольку тождество положено в различии, то обусловленность свойств характеризует не только их единство, но и ограничение, несовместимость или обусловленность обратного порядка (в классовых отношениях, например, это может выступать в форме непримиримости классовых интересов, в борьбе классов, их антагонизме и т. д.).

Итак, отношение как обусловленность свойств явлений выступает объективным и необходимым компонентом содержания любого вида противоречий, условием их возникновения, существования и разрешения.

Примечания

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 317.

² Аристотель. Категории. М., 1939. Гл. 7, 66.

³ Гегель. Соч. Т. 1. С. 228.

⁴ Тугаринов В. П. Соотношение категорий диалектического материализма. Л., 1955. С. 39.

⁵ Новик И. Б. О категориях «вещь» и отношение» // Вопр. философии. 1957. № 4. С. 220.

⁶ См.: Шентулин А. П. Система категорий диалектики. М., 1967. С. 185.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 67.

⁸ См.: Уемов А. И. Вещи, свойства и отношения. М., 1963.

⁹ Дроздов А. В. Человек и общественные отношения. Л., 1966. С. 23.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 497–498.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 143.

¹² См.: Малиновский А. А. Общие вопросы строения систем и их значение для биологии // Проблемы методологии системного исследования. М., 1970.

¹³ См.: Уемов А. И. Системы и системные исследования // Проблемы методологии системного исследования. М., 1970.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 392.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26, ч. 3. С. 143.

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 162.

¹⁷ О соотношении категорий «связь» и «отношение» см.: Андреев Ю. П. Категории «связь» и «отношение» // Ленин и диалектика. Свердловск, 1970.

¹⁸ Ким В. В. Тождество и различие // Филос. науки. 1965. № 6. С. 29.

¹⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 59.

Лекция 6

Диалектическое отрицание как двойное отрицание

В числе допустимого многообразия характеристик диалектического отрицания особую значимость с точки зрения его теоретического осмысления приобретает соотнесение диалектического отрицания с законом отрицания отрицания. Дело, безусловно, не в терминологической включенности отрицания в само название данного закона, а в их содержательной и внутренней неразрывности, которая, по сути, давно общепризнана, хотя и трактуется по-разному. При этом очевидна логическая направленность аргументации их взаимозависимости: сущность и сфера действия закона отрицания отрицания определяются трактовкой смысла диалектического отрицания. Если с позиции одного из подходов понятие диалектического отрицания покрывает своим содержанием основные характеристики закона отрицания отрицания¹ (если отличия признаются, то только количественные), то авторы другого подхода столь существенно их различают, что действие закона отрицания отрицания обнаруживают только в особых формах развития, тогда как диалектическому отрицанию придается статус всеобщего².

В данной лекции предпринимается попытка доказать, что в своем существенном внутреннем определении диалектическое отрицание представляет собой двойное отрицание, а в своем содержательном развертывании оно есть не что иное, как закон отрицания отрицания. Такой подход, на наш взгляд, достаточно последовательно проводится в одном из исследований по теории диалектики, где обосновывается положение о том, что отрицание отрицания – «истинная форма диалектического отрицания»³.

И еще один момент поставленной нами цели необходимо явно обозначить. Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой «самое простое, самое абстрактное и всеобщее отношение развития – отношение преемственности и отрицания. Единство преемственности и отрицания есть определяющая черта и самая общая закономерность развития как исторического изменения»⁴. А поскольку

ку идея развития – отличительная особенность диалектического подхода в целом, отрицание как идея отрицательности (которая в своем диалектическом осмыслении включает момент преемственности) является основополагающей для всей концепции диалектики, а не отдельных ее аспектов. Это означает, что идея отрицательности лежит в основе диалектического понимания связей объектов (раскрывая их организацию), движения (раскрывая функционирование, изменение) и развития. Представляется, что выделение отмеченных аспектов при разработке теории диалектики достаточно утвердилось в нашей литературе и не нуждается в особых доказательствах.

Положение о том, что диалектическое отрицание как двойное отрицание, как закон отрицания отрицания раскрывает закономерности и организации, и функционирования, а не только аспекта развития, как это часто встречается в литературе, является конкретизацией предмета нашего обоснования.

Такой подход в истории философии к диалектическому отрицанию характерен прежде всего для Гегеля. И это не случайно, ибо в гегелевской философской системе закон отрицания отрицания играет ключевую роль; по оценке Ф. Энгельса, он «фигурирует в качестве основного закона при построении всей системы»⁵. Конечно, как и вся философская система Гегеля, его учение об отрицании (= отрицание отрицания) носит абстрактный, спекулятивный, чисто логический характер.

У Гегеля отрицание, понятое как отрицание отрицания, – одно из наиболее важных понятий. Так, в «Науке логики» оно присутствует на всех кругах развертывания абсолютной идеи, приобретая на каждом из них своеобразный, неповторимый оттенок. При всем многообразии смыслов и контекстов употребления понятия «отрицание» у Гегеля обнаруживается единая логика, определенная закономерность в развертывании идеи отрицательности, которая методологически учитывается в Марксовом анализе капиталистического способа производства, где идея отрицательности (доказательство неизбежности экспроприации экспроприаторов) имела особую значимость.

В гегелевской диалектике в снятой форме и весьма своеобразно представлены важнейшие исторические этапы разработки идеи

отрицания. Основные смыслы диалектического отрицания задаются Гегелем такими аспектами, как в-себе-бытие, бытие-для-иного и для-себя-бытие. Если в аспекте в-себе-бытия раскрываются внутренние и внешние связи объекта в его целостности, а бытие-для-иного через призму отрицания представляет его поведение и функционирование, то для-себя-бытие как «бесконечное соотношение бытия с самим собой» одновременно фиксирует относительную завершенность отдельных этапов развития. Вместе с тем Гегель настаивает на нераздельности и внутренней обусловленности отмеченных аспектов.

Истоки всеобъемлющего, пронизывающего все аспекты бытия отрицания заключены в самой организации объектов. Любой фрагмент бытия может быть понят только как «отрицательное единство с собой», которое, по Гегелю, есть способ существования всякой определенности. Двойное отрицание и обнаруживается при попытках осмыслить любой момент бытия, нечто, в гегелевской терминологии, как некоторую целостность. Нечто представляет собой снятие (= отрицание) реальности и отрицания: в силу того, что нечто существует (коль скоро мы его фиксируем), оно является фрагментом реальности; а в силу того, что оно когда-то возникло, а не существует от века, нечто связано с отрицанием реальности. Гегель называет таким образом понятое двойное отрицание «первым отрицанием отрицания» или «отрицанием вообще»: «нечто есть *первое отрицание отрицания* как простое сущее соотношение с собой»⁶. Философ сам отмечает абстрактность этого первого введения отрицания отрицания: «...отрицание отрицания как *нечто* есть лишь начало... еще совершенно неопределенное»⁷.

Отношение нечто к иному Гегель называет «вторым отрицанием отрицания», «конкретной отрицательностью». Эта конкретность, безусловно, весьма относительна: от полного абстрагирования от внешних и внутренних связей, которое производится при фиксации нечто, происходит переход к рассмотрению связей данного нечто с другим (или другими нечто). Граница между одним и другим нечто (которая одновременно может стать и их связью), по Гегелю, «есть не только небытие иного, но и небытие как одного, так и другого нечто»⁸, т. е. граница также включает в себе двойное отрицание.

В Марксовом анализе два отмеченных выше смысла отрицания отрицания в силу их поверхностности и абстрактности присутствуют не в явной, а в снятой форме. Но чисто логически отмеченные Гегелем смыслы отрицания необходимы как основа для уяснения всех остальных. Основоположники марксизма ориентируются на те смыслы идеи отрицательности, которые Гегель относит к сфере рефлексивных определений. В современной терминологии эта сфера обозначает интенсивный аспект, внутренние, глубинные связи организации объекта.

В этом аспекте «отрицательное единство с собой» представляют стороны, взаимно отрицающие друг друга. Природа этих сторон в том и состоит, что каждая из них отрицает себя и одновременно утверждает свое иное, т. е. утверждает отрицательное по отношению к себе: «...положительное и отрицательное... есть снятие себя и полагание своей противоположности»⁹. Следовательно, «каждое из них есть через небытие своего иного», а «оба они отрицательны друг относительно друга»¹⁰ (налицо опять двойное отрицание). На важности уяснения этого момента Гегель настаивает особо, подчеркивая, что без знания этого в философии нельзя и шагу ступить.

В-себе-бытие выступает как нечто, как некоторая относительно замкнутая и отграниченная целостность на фоне внешних и внутренних связей объекта в силу того, что включает в-себе-отрицательность внутри себя и по отношению к иному.

Обоснование в-себе-отрицательности (наличия двойного отрицания) в аспекте организации указывает на всеобщий характер противоположностей. И здесь нет никакой подмены: не только отрицание, но и противоположности и противоречия могут быть диалектически поняты через взаимоотрицательность (отрицание отрицания).

Тесная связь отрицания отрицания и противоречивости бытия отмечается и в современной философской литературе. Так, в одном из монографических исследований по закону отрицания отрицания сама специфика данного закона объясняется через закон единства и борьбы противоположностей¹¹. Задаваясь вопросом: «Какой... признак закона отрицания отрицания следует рассматривать как базисный, определяющий и обуславливающий все другие его признаки?..» – автор указывает «на специфическую форму

развития через противоречие»¹². Здесь явно абсолютизируется взаимосвязь обозначенных законов: неправомерно сводить сущность одного из них (закона отрицания отрицания) к содержанию другого (закону единства и борьбы противоположностей). Но достоинство данной работы в том, что внутренняя связь отрицания отрицания и противоречивости бытия не просто констатируется, но выясняется ее конкретный механизм.

Эти два основных закона наиболее тесно связаны между собой. Они, по сути дела, в своеобразной категориальной сетке понятий выражают одни и те же объективные механизмы развития. Отношение отрицания отрицания в любом из его аспектов предполагает в качестве своих сторон (образующих данное отношение) полярности, крайности. В свою очередь, кульминационный момент, сущностный признак и противоположностей, и противоречий заключается во взаимоотрицании, взаимоисключении. Вполне правомерны поэтому встречающиеся в литературе оценки данных законов как зеркально симметричных.

Исследуя смысл отрицания в аспекте организации, нельзя не привлечь еще одно гнездо категорий, которое позволяет не просто логически фиксировать наличие двойного отрицания в любом фрагменте бытия, в-себе-отрицательности сущности, а объясняет некоторые аспекты процесса становления отрицания отрицания и его дальнейшего движения, т. е. выводит к аспекту функционирования. Это гнездо группируется вокруг категорий «тождество – различие», хотя речь должна идти именно о гнезде категорий, в которое, кроме отмеченных, включается целый ряд других, высвечивающих различные оттенки пребывания тождества и различия в диалектическом отрицании: сходство – разность, одинаковость – разнообразие, преемственность (повторяемость) – неповторяемость, единство – многообразие и др. Исключение наличным бытием иного, взаимоотрицательное отношение между положительным и отрицательным в рамках целого возможны только в силу одновременного тождества и различия объектов негации. Гегель оценивает противоречие тождества и различия «как *определенную первопричину всякой деятельности и самодвижения*»¹³. Так, возможность первого отрицания отрицания базируется на диалектически понятом различии, заключающем в себе тождество.

Характер и степень тождественного и различного в процессе функционирования меняются. Непосредственная тождественность, при которой различия еще не могут разорвать внутреннего единства, целостности явления, сменяется обособленностью, разностью отрицающих сторон, бытием для другого, что приводит к кардинальному изменению характера отношений отрицающих друг друга сторон.

Движение взаимоотрицающих сторон от состояния их непосредственной тождественности к антагонистической форме единства обретает, по оценке Гегеля, «ту отрицательность, которая есть имманентная пульсация самодвижения и жизненности»¹⁴. Именно поэтому анализ этого движения в самых разнообразных конкретных его проявлениях занимает важное место в Марксовом анализе капиталистического способа производства. К. Маркс отмечает: «...имеется множество антагонистических форм общественного единства, антагонистический характер которых, однако, никогда не может быть взорван путем тихой метаморфозы»¹⁵. Так, например, К. Маркс показывает, как непосредственное тождество отчуждения продукта труда и получения взамен продуктов чужого труда разделяются во времени и пространстве на два взаимно отрицающих акта – продажи и купли. Их различие приобретает характер внешнего безразличия. В процессе функционирования «они могут найти друг друга или не найти, могут совпасть друг с другом или не совпасть, могут соответствовать друг другу или не соответствовать»¹⁶. Но это происходит до определенного момента, когда наступает предел внешнего обособления внутренне единых взаимоотрицающих явлений. Предел обнаруживается в форме кризиса, единство восстанавливается насильственно. Как видим, при функционировании внутренние взаимоотрицающие стороны становятся внешними, разделенными в пространстве и времени. В процессе функционирования целостность далеко не очевидна, она носит глубинный, подспудный характер. Иногда ее объективно трудно уловить в силу того, что это глубинное сущностное единство, целостность взаимоотрицающих сторон реально еще не обнаружили себя. Так, у А. Смита взаимоотрицающие определения меновой стоимости лишь сопологаются «внешне *рядом* одно с другим. Сущность товара в целом еще не выступает у него захваченной и прони-

занной противоречием. Это соответствует той ступени производства, которую он имел перед собой, когда работник в своем продукте еще непосредственно обладал частью необходимых ему средств существования»¹⁷.

Анализ природы денег в процессе их функционирования также выводит на взаимоотрицающие процессы. Деньги как материальный представитель всеобщего богатства в процессе обращения постоянно отрицают себя при обмене через отдельные, особенные виды богатства. И действительны они постольку, поскольку поддерживается этот ритм взаимоотрицания.

Взаимоотрицание противоположных сторон (отрицание отрицания) в процессе функционирования совершается в многообразных промежуточных формах, через спектр опосредующих ступеней. К. Маркс в «Капитале» скрупулезно исследует переход от частной собственности к коллективной, общественной, он выявляет «бесконечные оттенки частной собственности, которые... отражают лишь промежуточные состояния, лежащие между обеими этими крайностями»¹⁸.

Учет опосредующих крайности звеньев, обнаруживающих себя при функционировании, столь же необходим, как и уяснение внутренних связей взаимоотрицающих сторон. Именно в процессе опосредования чаще всего становится очевидной противоестественность пространственно-временного разделения взаимоотрицающих сторон. Абстрагирование от этого реального механизма при выяснении природы социальных явлений, как правило, производится сознательно: «...совершенно ошибочно, как это делают экономисты, лишь только обнаруживаются присущие деньгам противоречия, внезапно хвататься только за конечные результаты без опосредствующего их процесса, только за единство без различия, только за утверждение без отрицания... К этой абстракции прибегают потому, что в действительном развитии денег встречаются такие противоречия, которые неприятны апологетике буржуазного common sense и которые поэтому должны быть заглушены»¹⁹.

Те характеристики отрицания отрицания, которые оно приобретает в процессе функционирования, неотделимы от особенностей отрицания отрицания в аспекте организации: «...оттого, что положительное есть в себе самом отрицательность, оно выходит вовне

себя и начинает изменяться»²⁰. Масштабы, амплитуда и ритмика целостности, задаваемые функционированием сторон, определяются характером в-себе-отрицательности и, в свою очередь, сказываются на механизме развития.

О каких особенностях собственно аспекта развития идет речь, когда мы рассматриваем его под углом зрения отрицания отрицания?

Развитие любых предметов и явлений осуществляется за счет внутренних возможностей и представляет собой развертывание собственной логики предметов. Связь между двумя состояниями данного объекта выступает как отрицание, как самоотрицание. Чтобы каждая данная стадия существования объекта не была для него завершающей, конечной, она, в свою очередь, должна уже с самого начала заключать в себе возможность своего отрицания. Следовательно, каждая данная стадия объекта, с одной стороны, есть результат отрицания (предыдущего этапа развития объекта), а с другой – возможность нового отрицания. В указанном смысле каждая данная стадия развития объекта заключает в себе как бы двойное отрицание (= отрицание отрицания). Именно в этом скрывается существенная особенность механизма саморазвития объекта, когда мы берем его уже не на каких-то отдельных этапах существования, а пытаемся охватить за относительно длительный промежуток времени. Нам представляется, что именно на этом моменте заостряет внимание Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» при раскрытии сущности отрицания отрицания: «Я должен не только что-либо подвергнуть отрицанию, но и снова снять это отрицание»²¹. И это снятие можно осуществить не иначе, чем через отрицание. Эта мысль созвучна гегелевской: «Оттого, что нечто снимает себя, оно не превращается в ничто»²². По сути дела, об этом идет речь и у В. И. Ленина: «Диалектика вообще состоит в отрицании *первого* положения, в смене его *вторым*»²³.

По Марксу, «всякое развитие, независимо от его содержания, можно представить как ряд различных ступеней развития, связанных друг с другом таким образом, что одна является *отрицанием* другой»²⁴. Простой пример, неоднократно приводимый Ф. Энгельсом, помогает понять существо дела. Об отрицании зерна можно вести речь в двух разных ситуациях: и когда его просто размалывают и растаптывают, и когда оно прорастает в плодородное

растение, но это примеры двух существенно разных способов отрицания. Прорастание зерна вытекает из самой его внутренней природы, это такое отрицание, которое не прекращает существование зерна в его качественной определенности, содержит в себе возможность появления колоса, т. е. нового отрицания, и т. д. Растаптывание или измельчение зерна не связано с его внутренними потенциями, совершается как бы извне, не выступает актом самоотрицания, а – самое главное – не содержит в себе возможности и нового отрицания: «...если я размолот ячменное зерно или раздавил насекомое, то хотя я и совершил первый акт отрицания, но сделал невозможным второй»²⁵.

Отрицание отрицания в аспекте собственно развития должно быть понято как самоотрицание, и в этом смысле оно носит столь же всеобщий характер, как и остальные законы, раскрывающие аспект развития, никаких исключений для него в этом отношении нет.

Отрицание отрицания раскрывает такую существенную, принципиально важную сторону развития, как внутренняя взаимосвязь отдельных этапов, различных фаз развития объекта, тем самым оно помогает осмыслить направленность в развитии объекта. Отрицание отрицания охватывает как бы общий результат, дает интегральную характеристику относительно законченных фаз развития объекта. Тем самым целостность приобретает исторический смысл, поскольку происходит сохранение собственной, внутренней логики объекта за относительно длительные промежутки времени. В этой связи особое значение приобретают темные места гегелевской характеристики для-себя-бытия как бесконечного и завершенного: бесконечность выражает историческую перспективу, направленность, которые не снимаются каждым данным этапом, а завершенность отмеряет относительно законченные фазы развития, его циклы.

Заострив внимание на обязательном наличии двойного отрицания, мы пока опустили другой не менее важный момент диалектического отрицания – момент сохранения глубинной сущности, качественной определенности объектов.

Каков характер преемственности, повторяемости? Чаще всего при рассмотрении закона отрицания отрицания выделяют особый ее тип – возврат якобы к старому. Такой тип повторяемости связан и с особыми рода процессами отрицания отрицания. Двойное

отрицание в таких процессах подчинено определенному закону. Это те процессы развития, которые Гегель связывал с особыми ритмами – триадами (вслед за Кантом, Фихте, Шеллингом). Первое отрицание приводит объект в состояние, прямо противоположное наличной ступени. Второе отрицание как бы высвобождает рациональные моменты, способные к развитию на первой ступени, которые подверглись отрицанию на второй ступени. Третья ступень выступает противоположностью по отношению ко второй, и это объединяет ее с первой. Тезис и синтезис содержат возможность принципиальной тождественности, но она не означает их принципиальной неразличимости. Противоречие, заложенное еще в организации объекта, развернутое через ступени его развития, находит свое разрешение. Налицо одновременно и завершение цикла развития. Именно в этой связи многие авторы указывают, что отрицание отрицания как закон развития раскрывает ритмы, пульсацию бытия.

Очевидно, что эта ритмика связана с особым типом повторяемости – круговоротами. Целостность в развитии такого рода явлений складывается за счет минимум трех различных ступеней существования объекта, которые соотносятся между собой по отмеченной выше закономерности. Это хорошо прослеживается на анализе К. Марксом развития товарно-денежных отношений: «На первый взгляд обращение представляется *бесконечным процессом в смысле дурной бесконечности*. Товар обменивается на деньги, деньги обмениваются на товар, и это повторяется до бесконечности. Это беспрестанное возобновление одного и того же процесса, действительно, образует существенный момент обращения. Но при ближайшем рассмотрении в обращении обнаруживаются еще другие явления – явления кругооборота, или возвращения исходной точки к самой себе. Товар обменивается на деньги, деньги обмениваются на товар... и таким путем создается живое единство обоих определений»²⁶. Бесконечность реализует себя в подобных случаях через трехфазные циклы, значит, целостность складывается из триад.

Насколько универсален этот процесс? Примеры, приводимые в подтверждение, позволяют сделать вывод, что это «весьма общий и именно потому весьма широко действующий и важный закон развития природы, истории и мышления»²⁷.

Таким образом, в своем содержании диалектическое отрицание представляет двойное отрицание. Двойное отрицание (отрицание отрицания) раскрывает закономерности организации, функционирования и развития объектов. Тем самым диалектическое отрицание развертывается в закон отрицания отрицания, который в изложенном смысле носит столь же всеобщий характер, как и остальные законы диалектики.

Примечания

¹ См., напр.: *Кедров Б. М.* Отрицание отрицания. М., 1957; *Пернацкий В. И.* Материалистическая диалектика. Иваново, 1974.

² См., напр.: *Руткевич М. Н.* О сущности закона отрицания отрицания и сфере его действия // *Филос. науки.* 1958. № 4.

³ *Давыдова Г. А.* Закон отрицания отрицания // *Материалистическая диалектика как общая теория развития.* Кн. 1: *Философские основы теории развития.* М., 1982. С. 302.

⁴ *Лойфман И. Я.* Развитие как базисная категория диалектики // *Диалектика прогрессивного развития.* Свердловск, 1976. С. 16.

⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 384.

⁶ *Гегель.* Наука логики. М., 1970. Т. 1. С. 176.

⁷ Там же. С. 177.

⁸ Там же. С. 189.

⁹ *Гегель.* Наука логики. М., 1971. Т. 2. С. 56.

¹⁰ Там же. С. 48.

¹¹ См.: *Глядко В. А.* Закон отрицания отрицания и его методологические функции. М., 1982.

¹² Там же. С. 78.

¹³ *Гегель.* Наука логики. Т. 2. С. 39.

¹⁴ Там же. С. 68.

¹⁵ *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1861 гг. М., 1980. Ч. 1. С. 105.

¹⁶ Там же. С. 396.

¹⁷ Там же. С. 115.

¹⁸ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 771.

¹⁹ *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1861 гг. Ч. 1. С. 114–145.

²⁰ *Гегель.* Наука логики. Т. 2. С. 66.

²¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 145.

²² *Гегель.* Наука логики. Т. 1. С. 168.

²³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 208.

²⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 296–297.

²⁵ Там же. С. 146.

²⁶ *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1861 гг. Ч. 1. С. 144.

²⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 145.

Диалектическое отрицание и самодвижение

Характер взаимосвязи между понятиями диалектического отрицания и самодвижения определяется их специфическим отношением к противоречию как ядру диалектики.

Понятие самодвижения включает в свое содержание в качестве одного из важнейших моментов аспект связи движения и диалектического противоречия. «Условие познания всех процессов мира в их *“самодвижении”*, в их спонтанейном развитии, в их живой жизни, – отмечал В. И. Ленин, – есть познание их как единства противоположностей»¹. Идея единства движения и диалектического противоречия воплощается в таком понимании самодвижения, когда оно рассматривается как способ существования противоречия, а противоречие соответственно выступает как сущность самодвижения². Эта идея единства движения и диалектического противоречия идет от Гегеля, который характеризовал противоречие как «корень всякого движения и жизненности», а движение – как «само *налично сущее* противоречие»³.

Категория самодвижения связана не только с понятием противоречия, но и с понятием диалектического отрицания. Так, Гегель отмечает, с одной стороны: «...лишь поскольку нечто имеет в самом себе противоречие, оно движется, имеет побуждение и деятельно»⁴. Но, с другой стороны, «внутреннее, подлинное самодвижение, *побуждение* вообще... – это только то, что нечто *в самом себе* и его отсутствие, *отрицательное его самого* суть в одном и том же отношении. Абстрактное тождество с собой еще не есть жизненность; оттого, что положительное есть в себе самом отрицательность, оно выходит вон себя и начинает изменяться»⁵. В. И. Ленин, обращая внимание на связь самодвижения с диалектическим отрицанием, подчеркивает мысль Гегеля о том, что «в отрицательном вообще заключается основание становления, беспокойства самодвижения»⁶.

Отрицание служит основанием самодвижения благодаря своей связи с диалектическим противоречием. Так, Ф. Ф. Вяккерев, отмечая внутреннее единство отрицания и диалектического про-

тиворечия, показывает, что отрицательность, негативность есть важнейшая, сущностная характеристика самого диалектического противоречия⁷. Диалектическое противоречие – «это не только отношение между противоположными тенденциями предмета или между противоположными предметами, но и отношение предмета к самому себе, отношение самоотрицания. Диалектическое противоречие – это самоотрицательность предмета»⁸.

В связи с этим представляется не совсем корректным противопоставление диалектического противоречия и отрицания, когда речь идет о внутреннем основании самодвижения и развития, о сущности самой диалектической концепции. Так, например, Г. Я. Стрельцова, критикуя негативную диалектику Сартра, стержнем которой служит категория отрицания, проводит мысль о том, что экзистенциалистская концепция диалектики противостоит историко-философской традиции связывать суть диалектики с противоречием, с единством и борьбой противоположностей. Автор подчеркивает, что Гегель, в отличие от Сартра, в качестве жизненного импульса самодвижения рассматривал не отрицание, а противоречие⁹. В действительности отрицание у Гегеля неотделимо от понятия диалектического противоречия и играет в его диалектике немаловажную роль. Само диалектическое мышление Гегель характеризует как «отрицательно-разумное»¹⁰. Именно отрицательность, по Гегелю, есть «имманентная пульсация самодвижения и жизненности»¹¹. Отрицание, выражая внутреннюю противоречивость вещи, побуждает ее к изменению и благодаря этому выступает как основание самодвижения.

Однако отрицание у Гегеля – это не характеристика самой действительности, а результат деятельности диалектического мышления. Поэтому отрицание и изменение, порождаемое им, разъединены, расположены относительно друг друга как бы в порядке временной последовательности. Отрицание *предшествует* изменению. Нечто, будучи первоначально абстрактным тождеством, простым отношением с собой, благодаря отрицательности «выходит вовне себя», *начинает* изменяться.

В действительности же отрицание не предшествует движению. Если противоречие существует не иначе, как в движении, поскольку последнее есть способ его существования, то и диалектическое

отрицание, будучи сущностной характеристикой противоречия, не предшествует движению, а лишь проявляется в нем. Так, например, К. Маркс показывает, что отрицательное отношение товара к самому себе, его внутренняя противоречивость проявляется только в движении товарного обмена.

Будучи единством потребительной и меновой стоимости, товар как меновая стоимость отрицает себя как потребительную стоимость. Бытие товара как меновой стоимости есть одновременно его небытие как потребительной стоимости. «Как потребительные стоимости товары различаются прежде всего качественно, как меновые стоимости они могут иметь лишь количественные различия, следовательно, не заключают в себе ни одного атома потребительной стоимости»; в качестве меновой стоимости продукт труда приобретает совершенно новый вид: «Теперь это уже не стол, или дом... или какая-либо другая полезная вещь. Все чувственно воспринимаемые свойства погасли в нем»¹².

Но вещь может быть полезной, выступать в качестве потребительной стоимости – и не быть товаром. Продукт труда становится товаром только в отношении к другим товарам, на которые он обменивается. Только во взаимодействии товаров, в реальном процессе их движения, в котором один товар непосредственно играет роль лишь потребительной стоимости, а другой – лишь меновой стоимости, проявляется самоотрицательность товара. Диалектическое отрицание, следовательно, осуществляется лишь в движении противоречия и характеризует отношение противоположностей, процесс их взаимодействия.

Поскольку каждая из противоположностей есть небытие другой, ее отрицание, постольку связь противоположностей, осуществляющаяся в процессе их взаимодействия, есть отрицание отрицания¹³.

Таким образом, если самодвижение по отношению к противоречию есть способ его существования, то диалектическое отрицание, выступая сущностной характеристикой противоречия, выражает одну из важнейших закономерностей его осуществления. Понимание диалектического отрицания как закона связи противоположностей позволяет, во-первых, представить отрицание отрицания как важнейший элемент ядра диалектики, а не только как

закон прогрессивного развития, имеющий ограниченную сферу действия. Во-вторых, связь диалектического отрицания с самодвижением, определяемая специфическим отношением данных понятий к ядру диалектики, позволяет рассматривать закон отрицания отрицания как одну из важнейших закономерностей процесса самодвижения. Поэтому анализ процесса самодвижения в различных формах его проявления с позиций диалектического отрицания выявляет новые моменты в содержании категории самодвижения. Вместе с тем содержание самого закона отрицания отрицания в процессе этого анализа обнаруживает специфические формы своего проявления.

Содержание понятия самодвижения не исчерпывается тем его аспектом, который выявляется через отношение данного понятия к ядру диалектики. Самодвижение, понимаемое в наиболее абстрактной форме как способ существования противоречия, должно быть исследовано прежде всего с точки зрения его собственной внутренней природы.

Всякое движение есть самодвижение, поскольку оно представляет собой способ осуществления противоречия. Но в этом определении не раскрывается еще внутренняя природа движения, его собственная сущность. Описать движение как самодвижение, как процесс, содержащий в себе самом возможность собственного осуществления, – значит понять движение как единство противоположных моментов его сущности, находящихся в отношении диалектического отрицания.

Собственное содержание движения, рассматриваемого в самом общем смысле слова, раскрывается через понятие изменения. Движение, писал Ф. Энгельс, это «изменение вообще»¹⁴. Однако в понятии движения как изменения вообще отражается лишь эмпирический факт всеобщей изменчивости. Но подобно тому, как эмпирический факт механического перемещения «никоим образом не исчерпывает природы соответствующего движения»¹⁵, так и факт чувственно воспринимаемой всеобщей изменчивости не исчерпывает природы движения вообще. Теоретический анализ движения как изменения вообще предполагает рассмотрение его как процесса, включающего в себя свое собственное отрицание. Поэтому внутренняя природа движения как изменения вообще рас-

крывается через противоречивое единство таких полярных противоположностей, как устойчивость и изменчивость.

Противоречие устойчивости и изменчивости представляет собой элементарное отношение всякого движения, характеризующее его внутреннее содержание. Изменчивость и устойчивость, выражая противоположные стороны процесса движения, взаимно полагают, обуславливают друг друга. Изменение как процесс появления различий не может существовать без своей противоположности – относительной устойчивости, сохранения тождества в состояниях изменяющегося объекта. Характеризуя взаимосвязь устойчивости и изменчивости, Ф. Энгельс отмечал, что всякая вещь «остается той же самой и в то же время непрерывно изменяется... содержит в себе противоположность между “пребыванием одной и той же” и “изменением”»¹⁶.

Одновременно устойчивость и изменчивость находятся в отношении взаимного отрицания. Изменение ведет к уничтожению устойчивости, а устойчивость есть отрицание изменчивости. Каждая из противоположностей отрицает другую. Но это отрицание есть не голое, а диалектическое отрицание, благодаря которому осуществляется взаимопроникновение противоположностей, их синтез, или отрицание отрицания. Каждая из противоположностей содержит в себе свое другое. Изменчивость содержит в себе устойчивость в том смысле, что всякое изменение пребывает во времени, сохраняется как данный процесс. В свою очередь, устойчивость содержит в себе изменчивость. «Любое состояние невозможно, если в качестве его внутреннего содержания не признается изменение. Иначе говоря, всякое состояние есть процесс, нет неподвижных состояний вещей и т. п., есть лишь процессы»¹⁷.

Таким образом, процесс движения осуществляется во взаимодействии противоположностей устойчивости и изменчивости, находящихся в отношении диалектического отрицания. Поскольку диалектическое отрицание как закономерность осуществления противоречия есть основание самодвижения, постольку анализ собственного содержания движения с позиций диалектического отрицания позволяет представить его как самодвижение. Но понятие самодвижения с этой точки зрения наполняется новым содержанием, конкретизирующим его исходное значение как способа

существования противоречия. Самодвижение в его собственном смысле предстает как осуществление противоречия устойчивости и изменчивости. Но противоположности устойчивости и изменчивости неравнозначны. Ведущая роль в определении движения принадлежит изменчивости, поскольку именно изменчивость составляет собственное, фиксируемое первоначально на эмпирическом уровне, содержание процесса движения. Устойчивость же есть отрицание этого первоначального определения. Поэтому самодвижение, рассматриваемое с точки зрения его самоотрицательности, выступает в данном случае как *самоизменение*.

Самодвижение как способ существования противоречия может быть рассмотрено не только со стороны его внутреннего содержания, но и со стороны его формы. В качестве формы, в которой осуществляется жизнь противоречия, выступает *функционирование*. Для того чтобы существовать, противоречие должно постоянно воспроизводиться, сохраняться. Бытие противоречия само по себе есть противоречивый процесс, который, с одной стороны, предполагает движение противоречия, его осуществление, а с другой стороны, включает в себя устойчивость как постоянное воспроизводство, сохранение противоречия. Эта устойчивость, обеспечивающая существование противоречия, сообщает всему процессу обратимый характер, так как сохранение процесса, его воспроизводство предполагает периодические возвраты к исходному пункту движения. Поэтому бытие противоречия, взятое со стороны его формы, выступает как обратимый процесс и, следовательно, может быть охарактеризовано как функционирование. Если в своем наиболее абстрактном виде функционирование есть форма, в которой осуществляется противоречие, то применительно к конкретным целостным системам функционирование представляет собой способ существования данной целостности, средство развертывания ее качественной определенности.

Выступая формой осуществления противоречия, функционирование вместе с тем имеет свое собственное внутреннее содержание. Это особая форма единства устойчивости и изменчивости, где изменчивость есть осуществление жизнедеятельности системы, развертывание ее качественной специфики, а устойчивость выступает как сохранение самого этого процесса.

Таким образом, самодвижение, рассматриваемое как со стороны его собственного внутреннего содержания (самодвижение как самоизменение), так и со стороны его формы (самодвижение как функционирование) представляет собой единство устойчивости и изменчивости. Но само содержание противоположностей устойчивости и изменчивости и отношение между ними в том и другом случае носят различный характер.

В движении как изменении вообще противоположности устойчивости и изменчивости в своем исходном значении определяются через их отношение к категориям тождества и различия. Изменчивость есть процесс появления различий, а устойчивость выступает как сохранение тождества в этом процессе. Исходное содержание устойчивости и изменчивости в данном случае формируется на базе синтеза противоположностей тождества и различия, и синтез противоположностей устойчивости и изменчивости является лишь результатом их взаимодействия.

В движении как функционировании синтез устойчивости и изменчивости – не результат, а предпосылка их взаимного отношения. В функционировании устойчивость – не просто небытие изменчивости, ее отрицание, но сохранение самой этой изменчивости, самого процесса движения в единстве его устойчивого и изменчивого моментов в их первоначальном значении. Собственное содержание устойчивости и изменчивости в понятии функционирования своим исходным пунктом имеет взаимопроникновение этих противоположностей. В результате изменяется и значение каждой из них. Если в самодвижении как самоизменении ведущая роль принадлежит изменчивости, то в функционировании в качестве положительной стороны противоречия выступает устойчивость. Именно устойчивость определяет главное содержание функционирования, результатом которого является сохранение изменяющейся системы, ее целостности и качественной определенности. Поэтому если самодвижение, рассматриваемое со стороны его внутреннего содержания, представляет собой *самоизменение*, то с точки зрения формы осуществления этого процесса самодвижение выступает уже как *самосохранение*.

Самосохранение, таким образом, есть собственное содержание функционирования, определяемое через диалектику его самоот-

рицания. Но функционирование имеет и свою собственную форму. По своей форме функционирование есть обратимый процесс, постоянно возвращающийся к своему исходному пункту. Поскольку функционирование есть процесс, направленный на сохранение изменяющейся системы, постольку в нем преобладают обратимые изменения. В этом смысле функционирование является противоположностью развития, характеризующегося в основном необратимыми изменениями. Обратимость – неперенное условие сохранения функционирующей системы. Процесс самодвижения системы, для того чтобы сохраняться в рамках данной качественной определенности, должен совершаться с возвратами к исходному пункту движения, т. е. должен обращаться. Вместе с тем обратимость не может быть полной, абсолютной, поскольку тогда невозможно будет развитие функционирующей системы, выход ее за пределы данной качественной определенности.

Обратимость в функционировании содержит в себе момент необратимости как свое собственное отрицание. Каждый цикл изменений, завершающийся возвратом к исходному пункту движения, приобретает новые связи, создающие в своей совокупности необратимые изменения. В целом необратимость в рамках функционирования носит количественный характер, поскольку она не выводит систему за пределы данного уровня организации. Но по мере накопления количественных изменений необратимость приобретает качественный характер и ведет к переходу функционирования в развитие.

Осуществляясь в движении противоположностей обратимости и необратимости, где ведущая роль принадлежит обратимости, а необратимость выступает как ее собственное отрицание, функционирование, рассматриваемое со стороны его формы, предстает как способ воспроизведения противоречий данной целостности, и самодвижение с этой точки зрения выглядит как *самовозобновляющийся процесс*. Потребностями сохранения качественной целостности системы и процесса ее движения обусловлена необходимость периодических возвратов к ее исходному состоянию. Но вместе с тем каждый цикл изменений, завершающийся возвратом к исходному пункту, – это новое звено в осуществлении жизнедеятельности системы, в историческом процессе развертывания ее каче-

ственной определенности. Бесконечная последовательность этих звеньев образует в конечном итоге ту необходимую цепь изменений, через которую осуществляется переход от одной качественной определенности к другой, или развитие как историческое движение. Однако до тех пор, пока эта историческая цепь изменений реализуется в рамках данной качественной определенности, история системы – это история ее самовоспроизводства, самовозобновления процесса ее движения, не сопровождающегося возникновением качественно новых связей. Но вместе с тем процесс самовозобновления движения – это процесс накопления возможностей для появления нового, для перехода от одной качественной определенности к другой.

Самодвижение как самосохраняющийся и самовозобновляющийся процесс превращается в процесс *самообновления*, когда связь противоположностей обратимости и необратимости развивается до такого отношения, где противоположности меняются местами и ведущая роль переходит к необратимости. Этот переход осуществляется в новом синтезе, дающем начало движению как поступательному процессу.

В результате взаимодействия противоположностей обратимости и необратимости, ведущего к изменению их взаимного отношения, происходит включение процессов функционирования в процессы развития. Развитие так же, как и функционирование, осуществляется в форме круговорота, представляющего собой единство обратимых и необратимых изменений. Однако единство противоположностей обратимости и необратимости в развитии отличается от их единства в функционировании не только тем, что в функционировании ведущая роль принадлежит обратимости, а в развитии – необратимости. Противоположности обратимости и необратимости в развитии наполняются и новым, более богатым содержанием. Если в функционировании единство обратимости и необратимости выступает результатом синтеза противоположностей устойчивости и изменчивости, то в развитии само противоречие обратимости и необратимости находит разрешающую форму своего движения. Развитие, рассматриваемое с точки зрения единства обратимости и необратимости, осуществляется уже как результат синтеза самих этих противоположностей. Поэтому

содержание противоположностей обратимости и необратимости в развитии обогащается и принимает форму противоположности между поступательностью и повторяемостью.

Обратимость в развитии проявляется в повторении пройденных ранее этапов, сообщающем всякому развитию циклический характер. Необратимость же выступает как выражение определенной направленности процесса, проявляющейся в переходе от одного качественного состояния к другому. Но повторяемость в развитии не сводится к обратимости, а поступательность – к необратимости. Как повторяемость, так и поступательность имеют в своей основе единство обратимости и необратимости.

Поступательность включает в себя обратимость, поскольку в процессе движения от одной качественной определенности к другой происходит «повторение в высшей стадии известных черт, свойств etc. низшей», «возврат якобы к старому»¹⁸. Повторяемость же включает в себя необратимость, поскольку повторение ранее пройденных этапов осуществляется на иной, изменившейся основе. Поэтому круговорот как единство обратимости и необратимости, имеющий место в процессах функционирования, принимая в процессах развития форму единства повторяемости и поступательности, видоизменяет свою спиралевидность.

Диалектическое отрицание в развитии выступает как историческая связь различных качественных состояний изменяющегося объекта, как отношение старого и нового. «Всякое развитие, – писал К. Маркс, – независимо от его содержания, можно представить как ряд различных ступеней развития, связанных друг с другом таким образом, что одна является отрицанием другой... Ни в одной области не может происходить развитие, не отрицающее своих прежних форм существования»¹⁹. Но это «не голое отрицание, не зряшное отрицание... а отрицание как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного»²⁰. С этой точки зрения развитие может быть представлено как отношение преемственности и отрицания между различными качественными состояниями, где преемственность выражает тенденцию сохранения, воспроизводства старого в новом, а отрицание – тенденцию обновления, возникновения нового на основе старого²¹. Ведущая роль в поступательном движении от старого к новому принадлежит

отрицанию как тенденции обновления. Поэтому с точки зрения отрицания как закономерности самодвижения процесс развития есть процесс *самообновления*.

Таким образом, диалектическое отрицание есть существенная черта всякого диалектического процесса, характеризующая закономерность развертывания противоречия, его воспроизведения, разрешения и возникновения на новой основе, в новых формах. Вместе с тем диалектическое отрицание есть основание самодвижения, поскольку последнее выступает как способ существования противоречия. Поэтому исследование специфики диалектического отрицания в различных формах процесса движения позволяет выявить особенности самодвижения в его разнообразных проявлениях.

Примечания

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 317.

² См.: Вяккерев Ф. Ф. Проблема самодвижения в материалистической диалектике. Л., 1972. С. 8.

³ Гегель. Наука логики. М., 1971. Т. 2. С. 65, 66.

⁴ Там же. С. 65.

⁵ Там же. С. 66.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 104.

⁷ См.: Вяккерев Ф. Ф. Диалектическое противоречие и самоотрицание // Современные проблемы материалистической диалектики. М., 1971. С. 22.

⁸ Там же. С. 24.

⁹ См.: Стрельцова Г. Я. Критика экзистенциалистской концепции диалектики. М., 1974. С. 15, 30.

¹⁰ Гегель. Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. 1. С. 201.

¹¹ Гегель. Наука логики. Т. 2. С. 68.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 46.

¹³ См.: Голосов В. Ф. Рациональное и мистическое в гегелевской теории являющегося духа. Красноярск, 1969. С. 77.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 563.

¹⁵ Там же. С. 392.

¹⁶ Там же. С. 640.

¹⁷ Свидерский В. И. Диалектический материализм об общих свойствах движения. Л., 1967. С. 19.

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 203.

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 296–297.

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 207.

²¹ См.: Лойфман И. Я. Развитие как базисная категория диалектики // Диалектика прогрессивного развития. Свердловск, 1976. С. 17.

Лекция 8

Тождество противоположностей как их взаимоотражение в процессе развития (методологический аспект проблемы)

Отражение обычно понимается как процесс и результат воспроизведения особенностей и состояний одной из взаимодействующих систем во внутренней структуре другой. Понятно, что при своем взаимодействии предметы и явления взаимно отражают друг друга с той или иной степенью полноты и точности, т. е. репрезентируют себя в другом в форме своих следов – копий. В структуре отражаемого и отражающего эти следы-копии могут при определенных условиях играть довольно активную роль, подчас заметно изменяя общий характер функционирования их носителей. В наиболее развитом виде это присуще субъект-субъектным отношениям, а в зародышевой форме, вероятно, свойственно и фундаменту материи.

Поскольку существуют объективные основания для различения внутренней и внешней сторон взаимодействия, его структуры и функционирования, постольку правомерно абстрагировать взаимодействие и взаимоотражение как два относительно самостоятельных и взаимодополняющих принципа. В литературе все чаще высказывается предположение о том, что «процессы отражения – неотъемлемый компонент “фундамента самого здания материи”, на том основании, что они выполняют роль внутреннего механизма ее развития, обеспечивая саморазвитие материи»¹. Л. Ф. Ильичев и Г. А. Давыдова видят в соединении принципа развития с принципом отражения один из главных путей дальнейшего углубления наших представлений о сущности развития². Особый интерес имеет применение принципа взаимоотражения к анализу взаимодействия сторон диалектического противоречия. В этом случае взаимное отражение противоположностей можно истолковать как их конкретное тождество – тождество, возникающее между копией-следом в структуре отражающего и отражаемым как ее прообразом. Рассмотрим три важных методологических последствия

применения принципа взаимоотражения противоположностей для объяснения процессов изменения и сохранения, а именно для решения парадокса возникновения, проблемы развития объективного закона и вопроса о причине отрицания отрицания.

1. Проблема возникновения нового качества в процессе борьбы диалектических противоположностей обычно решается следующим образом. «Противоречия не статичны, они живут, их стороны меняются местами, значимость одних резко возрастает, а других падает и т. д. Это заранее предопределяет неизбежность крутых изменений в условиях развития»³. Данное утверждение верно, но все-таки оно недостаточно для объяснения того обстоятельства, что при разрешении диалектического противоречия возникает такое новое содержание, которого не было у взятых по отдельности сторон противоречия. Если обращать внимание лишь на перевес одной из противоположностей над другой, то мы приходим к выводу о том, что содержание «крутого изменения» ничем не должно отличаться от содержания победившей противоположности. Причем, если ограничиваться идеей «перетягивания» и не вводить иных онтологических допущений, то остается признать фактическую неизменность содержания побеждающей противоположности до и после ее победы. Например, обсуждая борьбу двух противоположных точек зрения на один и тот же предмет, мы должны были бы сказать, будто победивший взгляд на предмет полностью определяется содержанием оставшейся альтернативы. Но это далеко не так: победившая альтернатива чаще всего включает в себя в преобразованном виде некоторое положительное содержание своей противоположности, т. е. отражает его и изменяется под его воздействием. Тем самым альтернативы становятся в конце своей борьбы в определенном смысле более тождественными, чем были вначале.

Если же рассматривать процесс борьбы противоположностей как процесс их взаимного отображения и в то же время учитывать момент неравновесности сторон диалектического противоречия, то становится более ясной онтология нового качества, возникающего в результате борьбы противоположностей. Победившая противоположность отличается от своего прежнего состояния потому, что включила в себя в отраженной форме некоторые ранее не при-

сущие ей черты побежденной противоположности. Чем острее борьба противоположностей, тем интенсивнее происходит процесс их взаимоотражения и тем в большей степени совершается изменение каждой из них под воздействием приобретаемых отражений-следов. В особенности это характерно для социально организованной материи. Скажем, в ожесточенных сражениях двух армий каждая из них так или иначе познает способы и средства ведения войны с другой. Результаты такого взаимного отражения материально сказываются в корректировании их воздействий друг на друга. Чем упорнее противодействие противника, тем более качественно измененной становится армия-победительница. Новое качество возникает в результате диалектического отождествления существенно различных сторон объективного противоречия. Носителем нового качества чаще всего оказывается победившая противоположность, однако сама она существует уже не в прежнем виде, а изменена под воздействием относительно длительного отражения своей альтернативы. Последняя может уже не существовать в своем прежнем вещественном, энергетическом и информационном качестве, но она продолжает тем не менее свое существование в форме своего представителя-копии в ином материале, в иной структуре. Можно высказать предположение, что для относительно замкнутых материальных систем справедлив своеобразный *закон сохранения и аккумуляции информации*. Этот закон в общем виде мы формулируем так. *Результатом взаимного воздействия и отождествления различающихся или противоположных элементов и сторон относительно замкнутой системы является увеличение ее информационной емкости.*

Там, где отражение носит активный характер, а его результаты заметно сказываются на изменении поведения отражающих систем, действие закона самовозрастания информации (за счет внутренних взаимодействий элементов системы) прослеживается довольно четко. Прежде всего он распространяется на биогеоценозы и социальную форму движения материи, для которых в целом характерен антиэнтропийный способ развития, хотя и диалектически дополняющийся разрушительными энтропийными процессами. Если критерий прогресса связывать не столько с вещественными и энергетическими, а сколько с информационно-отражательными

параметрами, то там, где доминирует активное отражение, и происходит самовозрастание информации, магистральной линией развития оказывается прогресс.

В узкой форме – только по отношению к научно-теоретическому познанию, протекающему как столкновение альтернативных концепций, – закон самовозрастания информации в явном виде одним из первых сформулировал К. Поппер. В своей книге «Объективное знание» он индуктивным путем приходит к выводу: при столкновении и взаимной критике двух альтернативных теорий получаемая в итоге информация будет больше, чем ее заключалось в этих теориях, взятых по отдельности⁴. Любопытно, что эта идея фактически разрушает исходные идеалистические предпосылки эпистемологии Поппера, который полагает, будто всякое знание построено на песке, а истину как цель научного познания надо вынести «за скобки». Но сам философ не обсуждал это явное логическое противоречие публично. Материалистически – в духе ленинской теории объективной истины – толкуя индуктивное обобщение Поппера, можно заключить, что метод альтернатив⁵ является важнейшим общенаучным средством саморазвития знания, а искусственное устранение из науки альтернатив до периода их максимального взаимоотражения объективно оказывается тормозом научного прогресса.

При помощи принципа взаимоотражения (тождества) противоположностей, по нашему мнению, удастся в общем виде разрешить сформулированный в нашей философской литературе В. В. Орловым парадокс возникновения. Парадокс заключается в теоретической трудности согласования друг с другом двух положений: а) новое не может заключаться в старом, иначе оно не было бы новым; б) новое не может возникнуть из старого, иначе его появление было бы чудом⁶.

Обсуждая эту действительную теоретическую трудность, В. В. Орлов находит только один выход – объявить способность к порождению нового ниоткуда не выводимым и изначальным, атрибутивным свойством материи. «С введением понятия об изначальности и невыводимости развития парадокс возникновения теряет свою антиномическую неразрешимость, снимается и оказывается не чем иным, как реально существующим противоречи-

ем возникновения, развития, которое является предельно широким, всеобщим противоречием материи, т. е. имеет изначальный и невыводимый (из каких-либо общих свойств) характер», – пишет он⁷. А. С. Богомолов констатирует, что объяснение феномена нового В. В. Орловым тавтологично: «...в лучшем случае это тавтологическая фиксация установленного наукой факта развития: возникновение нового имеет своей основой способность возникновения нового»⁸.

А. С. Богомолов полагает, что парадокс возникновения легко снимается, если его проанализировать в терминах закона перехода количественных изменений в качественные⁹. На это В. В. Орлов резонно замечает, что ссылка на данный закон есть видимость объяснения, «ибо проблема парадокса как раз в том и заключается, почему количество переходит в качество, почему возникает новое качество, которого не было в прежней качественной и количественной определенности»¹⁰. По нашему мнению, парадокс возникновения имеет свое рациональное разрешение уже в рамках закона единства и борьбы противоположностей, а закон перехода количественных изменений в качественные является лишь аспектом и теоретическим обобщением предельного состояния взаимоотражающихся противоположностей.

В самом деле, в процессе напряженного взаимодействия и взаимоотражения сторон диалектического противоречия его ведущая сторона синтезирует в себе собственное содержание и принципиальные особенности своего антипода, существующие в виде отражения-копии, но синтезирует постепенно, количественно изменяясь под воздействием копии до определенного момента. Если отвлечься от воздействия различных внешних по отношению к диалектическому противоречию факторов и рассматривать только его внутреннее естественное течение, то можно обнаружить в каждом конкретном случае тот момент, когда относительно самостоятельное существование подчиненной противоположности оказывается излишним, поскольку оно уже перестает насыщать господствующую сторону противоречия собственным содержанием. Когда предел возможного (на прежней субстратной основе) отражения достигнут, за ним следует диалектический скачок, отрицание старого противоречия; остается только одна, перевесившая сторона противоре-

чия, обогащенная отражением исчезнувшей стороны. Это и есть новое качество. Таким образом, *новое действительно возникает из старого, но не просто из старого, а из взаимодействия отличающихся друг от друга разновидностей старого*. Новое – уникальный синтез элементов старого. Идея нового теоретически выводима из идеи тождества противоположностей, поэтому не следует, умножая сущности, постулировать существование особого, отличного от развития, атрибута материи – свойства возникновения.

2. Проблема развития объективного закона является частным, но в мировоззренческом отношении весьма значимым случаем проблемы возникновения нового качества. В нашей философской литературе широко распространено мнение, что объективный закон природы существует как-то иначе, чем отдельные вещи: последние появляются и исчезают, а закон как будто остается непреходящим, вечным. Отсюда тезис: все в мире развивается, кроме законов вещей и законов их развития. По крайней мере для большинства естествоиспытателей сегодня пока вообще неприемлем разговор об изменении и эволюции мировых констант. Тем не менее нам, как и ряду других авторов (например, М. Н. Руткевичу, Е. Ф. Молевичу), данный тезис представляется недиалектичным и телеологичным.

Ключом к построению правдоподобной онтологии развития объективного закона может служить идея Ф. Энгельса о взаимодействии как предельной причине всего существующего. «Мы не можем пойти дальше познания этого взаимодействия именно потому, что позади его нечего больше познавать»¹¹, – писал Ф. Энгельс, и с этой точки зрения «вечные законы природы также превращаются все более и более в исторические законы»¹². Взаимоотражение противоположностей – внутренняя сторона этой всеобщей причины развития. Объективный закон природы не может существовать до и вне взаимодействия и взаимоотражения отдельных предметов. Он появляется в самом контакте вещей, формируется в процессе их взаимодействия, развивается, хотя и значительно незаметнее, чем несущественные связи явлений. «Чем дальше мы углубляемся в сферу сущности, тем более общим характером отличаются связи между сущностями, тем они относительно менее подвижны и изменчивы», – отмечает М. Н. Руткевич¹³.

Становление объективного закона можно представить себе следующим образом. Пусть два предмета впервые вступают во взаимодействие, образуя некоторую относительно замкнутую систему. Допустим также, что до момента воздействия у них было мало сходных, общих свойств. Но вот они начинают взаимоотражаться, и чем теснее их контакт, тем больше признаков одного предмета становятся моментами внутренней структуры другого. Происходит частичное отождествление обеих сторон данного взаимодействия. В структуре взаимодействия развивается относительно устойчивая связь. Допустим теперь, что это взаимодействие прекратилось. Однако «впечатанная» предметами друг в друга информация о самих себе продолжает передаваться по цепям все новых и новых взаимодействий этих предметов с уже иными предметами. Так или иначе эта информация включается в процесс управления динамикой последующих взаимодействий, в которые втягиваются другие предметы.

Обратившись снова к приведенному выше примеру борьбы армий враждующих государств, в ходе которой противоположности частично отождествляются и взаимоотражают друг друга, можно наглядно представить себе предложенную онтологию развития закона. Данные армии прекратили взаимодействие, между ними либо установлено перемирие, либо одна из них разгромлена. Но вот одна из сохранившихся армий начинает военные действия с армией какого-либо третьего государства. Ясно, что она уже использует накопленный опыт, новые операции и средства действия, сформировавшиеся в контакте с первой армией. Обмениваясь с нею ударами, третья армия рано или поздно учитывает и перенимает данный опыт. Так возникают устойчивые стратегические и тактические схемы ведения войн, характерные для многих народов в течение сравнительно длительного исторического периода. Устанавливающийся закон и есть нечто вроде накапливающегося общего опыта.

Дальнейшее необратимое усложнение связей между частично отождествившимися во взаимодействии предметами приводит к следующему. По мере того как эти связи становятся более устойчивыми и существенными, охватывая все более широкий круг взаимодействующих сторон, происходит долговременная стабилизация закона, хотя положившие ему начало единичные инициаторы мог-

ли уже исчезнуть. Общее, появившееся и усилившееся при все новых и новых взаимодействиях и взаимоотражениях предметов, теперь как бы начинает доминировать над единичным, управлять им. В этом нетелеологичном смысле можно говорить, что закон подчиняет себе явление, правит миром.

Теперь можно представить себе происхождение новых законов той или иной степени общности. Если предметы, закрепившие в своей внутренней структуре информацию об отождествившихся с ними других предметах, вступают во взаимодействие с существенно отличающимся от них классом предметов, то в их контакте может возникнуть принципиально новая существенная связь. В развитии материальных систем происходит диалектический скачок, дающий начало новым субстратным и функциональным законам. Например, при уникальном пересечении таких распространенных в биосфере тенденций в организации организмов, как стадный образ жизни, использование подсобных орудий и сигналов, возникли законы общественного производства и общения¹⁴.

С этой точки зрения объективный закон обретает тот же статус своего существования, что и отдельные вещи. Он обладает потенциально воспринимаемыми свойствами: пространственно-временным существованием, относительной изменчивостью и развитием. Закон кажется невоспринимаемым непосредственно потому, что чувства фиксируют сиюминутность, моментальность бытия и без помощи разума не могут отразить всю цепь взаимодействий предметов, ее историю. Закон чувственно отражается так, что оказывается неотличимым от отражения явлений. В постоянно повторяющихся практических действиях с предметами стихийно накапливаются тождественные объективным законам алгоритмы и схемы действий, которые со временем интериоризируются в операции мышления. Сравнивая на уровне рационального познания предметы друг с другом, исследуя историю их взаимодействия, наука формулирует законы объективного мира в их абстрактно-чистом виде. Современное естествознание подходит сегодня к постановке вопроса о развитии законов природы, ставит, например, проблему изменения гравитационной постоянной в процессе расширения Вселенной¹⁵. Остается неизменным лишь сам факт существования материи с ее бесконечным превращением и развитием.

Если абстрагироваться от взаимоотражения материальных процессов как внутреннего механизма продуцирования новых качеств и законов, то остается две альтернативы: а) либо признавать изначальную неизменность законов природы, б) либо рассматривать появление новых законов природы как проявление некоего атрибутивного свойства материи. Интерпретированный в свете диалектики необходимости и случайности принцип тождества (взаимоотражения) противоположностей в известной степени позволяет преодолевать концепцию изначальной предзаданности фундаменту материи всего множества известных и неизвестных человечеству законов природы, начиная с закона Ома и кончая «потенциально заключенными уже в электронах» (В. В. Орлов) законами общественного развития.

3. Принцип взаимоотражения противоположностей выполняет эвристическую методологическую функцию в решении *проблемы повторного отрицания* в процессах развития. Почему первоначально существовавшее качество, отрицаясь и переходя в свою противоположность, со временем вновь восстанавливается на новой основе? Известно, что недостаточная разрешенность этой проблемы дает идейным противникам диалектического материализма основание для обвинения в мистицизме.

Так, известный неотомист Г. Веттер в своей книге «Диалектический материализм» (раздел «Материалистическая диалектика») следующим образом оценивает марксистское понимание отрицания отрицания¹⁶. Пусть некоторое качество A отрицается и превращается в не- A . Следовательно, A исчезает, остается только не- A . Марксисты утверждают, что на третьей ступени развития не- A , в свою очередь, подвергается отрицанию, а вместо него вновь воспроизводится A на какой-то иной основе. Но если A исчезло на ступени не- A , то как же оно может вновь появиться из не- A ? Либо A сохраняется в каком-то виде на второй ступени развития (тогда существует не только не- A , но и A), либо A появляется из ничего, а это уже явная мистика.

Постановка вопроса Г. Веттером вполне логична. И действительно, подчас некоторые авторы-марксисты при изложении закона отрицания отрицания обходят молчанием проблему сохранения A на ступени не- A , либо считают достаточной ссылкой на снятие

и переход в свое иное. Но если снятие понимать как взаимоотражение противоположностей, то можно в значительной степени преодолеть указанную теоретическую трудность. Качество *A* не может полностью исчезнуть в тот период, когда начинает господствовать не-*A*, в силу того, что *A* и не-*A* взаимодействовали и взаимоотражались. В не-*A* остается след-отражение *A*, хотя этот след трансформирован под определяющим воздействием победившей противоположности не-*A*.

Первое отрицание, по мнению В. И. Свидерского, «связано с проявлением и временным господством тенденции неравномерного, одностороннего развития»¹⁷, когда не-*A* явно выдвигается на первый план, подавляя *A*. Второе отрицание является завершением ускоренного развития следа-отражения *A* в недрах не-*A*. Вначале *A* восстанавливается как тенденция в составе не-*A*, затем ускоряет свое развитие, и если темпы этого развития превышают развитие не-*A*, то может наступить отрицание отрицания: *A* подавляет не-*A*. Но это уже не прежнее *A*, а качество, в котором отражено некоторое принципиальное содержание не-*A*. При таком толковании причины появления отрицания отрицания снимается всякий налет мистицизма в трактовке реальных процессов развития.

Как видим, принцип тождества (взаимоотражения) противоположностей дает возможность увязать логически в единое целое основные законы диалектики, преодолевая существующие еще представления об их простой рядоположенности. Причем закон перехода количества в качество и закон повторного отрицания являются разными аспектами тождества противоположностей: первый закон фиксирует предел тождества (взаимоотражения) противоположностей на одной субстратной основе, второй – на измененной субстратной основе. Известно ленинское определение диалектики как учения о том, как становятся тождественными противоположности, «при каких условиях они бывают тождественны, превращаясь друг в друга, – почему ум человека не должен брать эти противоположности за мертвые, застывшие, а за живые, условные, подвижные, превращающиеся одна в другую»¹⁸. Заметим, что В. И. Ленин писал эти слова, конспектируя идеи Гегеля о рефлексивности парных категорий. Если понимать идею тождественнос-

ти не в духе ленинской теории отражения, то будет неясно, почему стороны противоречия (коль скоро между ними различие все усиливается и усиливается) становятся тождественными. Принцип же отражения противоположностей дает ключ к правильному пониманию ленинской формулы сущности диалектики.

В заключение скажем, что принцип взаимоотражения противоположностей может проявить свои серьезные методологические возможности при исследовании субъективной диалектики, а также при рассмотрении диалектики общественного бытия и общественного сознания. Так, обсуждая проблему противоречия практики и теоретического познания, можно сказать, что, отрицаясь теоретическим познанием, практика продолжает в нем свое существование в отраженной форме – в форме мысленного эксперимента с абстрактными объектами, замещающими материальные объекты практики. Развиваясь в лоне абстрактного мышления, мысленный эксперимент на определенном этапе отрицает само это абстрактное мышление и превращается в новую практику, в свою очередь несущую на себе печать теории в виде усовершенствованной цели действия с материальными объектами. Аналогичное рассуждение правомерно в отношении диалектики общественного бытия и общественного сознания, которое дало бы более ясное объяснение тому, почему, возникая как отражение экономики, политика в определенные периоды исторического развития начинает господствовать над экономикой.

Примечания

¹ Пахарь Л. И. О взаимосвязи движения, отражения и развития // Понятие развития и актуальные проблемы теории социального прогресса. Пермь, 1985. Ч. 1. С. 131.

² См.: Ильичев Л. Ф., Давыдова Г. А. Материалистическая диалектика и проблема развития // Вопр. философии. 1985. № 3. С. 21.

³ Туркин Л. П. Принципы диалектического материализма. Красноярск, 1984. С. 84.

⁴ См.: Popper K. Objective Knowledge. Oxford, 1972. P. 149.

⁵ См.: Пивоваров Д. В. Метод альтернатив в современной «философии науки» и его границы // Филос. науки. 1979. № 6.

⁶ См.: Орлов В. В. Материя, развитие, человек. Пермь, 1974. С. 98–116.

⁷ Там же. С. 110.

⁸ Богомолов А. С. Разрешает ли «концепция уровней» парадокс развития? // Филос. науки. 1970. № 3. С. 69.

⁹ См.: Там же. С. 70.

¹⁰ Орлов В. В. Материя, развитие, человек. С. 111.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 546.

¹² Там же. С. 553.

¹³ Руткевич М. Н. Диалектический материализм. М., 1973. С. 378–379.

¹⁴ См.: Плотников В. И. Социально-биологическая проблема. Свердловск, 1975.

¹⁵ См.: Чечев В. П., Краматорский Я. М. Радиоактивность и эволюция. М., 1978. С. 101.

¹⁶ Wetter I. A. Dialectical materialism. L., 1960.

¹⁷ Свидерский В. И. О современном понимании закона отрицания отрицания // Диалектика отрицания. М., 1983. С. 69.

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 98.

Лекция 9

Операциональный аспект категории развития

Диалектика как логика и методология есть наука о наиболее общих, универсальных способах освоения человеком материальной и духовной действительности. Вместе с тем правильная система действий с предметами в той или иной мере согласуется с законами бытия этих предметов, моделирует доступный деятельности их срез и придает продуктам познания истинностное значение. Поэтому диалектика как логика в то же время является и картиной мира. Такая двойственная трактовка сущности диалектической логики вытекает из знаменитых ленинских замечаний: «практика человека, миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании человека фигурами логики», и в то же время «самые обычные логические “фигуры” ...самые обычные отношения вещей»¹. Экспериментальное подтверждение этих идей В. И. Ленина дано, например, Ж. Пиаже, который показал, что логика изучает прежде всего «абстракции от самих действий и их координации»². Хотя В. И. Ленин и Ж. Пиаже имели в виду логику формальную, их выводы можно отнести и к логике диалектической. Последняя тоже

исследует исторически сложившиеся универсальные способы действий, но способы иные, нежели те, которые фиксируются формально-логической рефлексией. Попытаемся в первом приближении проанализировать операциональное содержание описывающих развитие категорий, почти не исследованное в философской литературе.

Всякое знание, в том числе и знание философское, есть сплав из далеко не всегда совпадающих друг с другом операционального и предметного значений³. Чем глубже человеческая деятельность осваивает объект, тем точнее совпадение предметной и операциональной сторон знания. Решить, что в сплаве предметного и операционального значений в знании обусловлено нашей деятельностью, а что – самими вещами, позволяет только последующий прогресс науки. Независимо от того, осознается это обстоятельство учеными или не осознается, законы и категории диалектики заключают в себе и такое содержание, которое детерминировано спецификой человеческого бытия. Именно поэтому совокупное философское знание является квинтэссенцией эпохи и нередко черпает из требований эпохи решающие аргументы в пользу той или иной концепции мироздания. Например, концепция однонаправленности всего мирового развития на человека подспудно выражала требование считать человека превыше всего, «вершиной конуса развития». В эпоху же намечающегося экологического кризиса получает развитие противоположная концепция диалектического круговорота материи, в которой несколько иначе трактуется проблема подчинения природы человеку и сущность гуманизма.

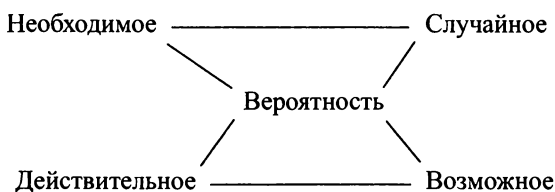
Каждая пара категорий непосредственно выражает специфический и в то же время универсальный способ практического или производного от практического мысленного обращения с действительностью. Опираясь на какой-либо конкретный парой категорий, субъект мысленно расчленяет предмет или реальность в целом на две противоположности. Сумма полученных частей в полном объеме представляет определенный срез реальности и становится абстрактным объектом диалектического рассуждения. Если, например, человек ищет скрытые от непосредственного взгляда глубинные и закономерные связи вещей, этот его тип деятельности в конечном счете интериоризируется в понятие «сущность».

Сопутствующий тип деятельности, связанный с фиксацией непосредственно наблюдаемого в вещах, порождает понятие «явление». Аккумулируя в себе прошлую схему действия, категория диалектики обретает методологический заряд, определяя согласно этой схеме процессы исследования новых объектов.

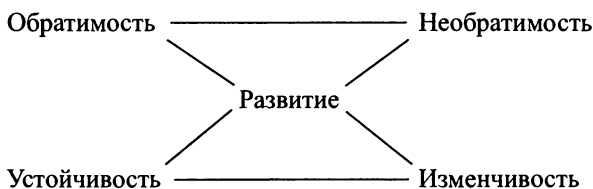
Все пары категориальных операций, каждая из которых по-своему препарировывает объект и генерирует соответствующий характеру деятельности субъективный образ объекта, в какой-то мере тождественны, так как в их структуре (хотя и по-разному) моделируется одна и та же реальность. Поэтому каждая пара категорий не только рядоположенно дополняет иные пары, но и частично совпадает с ними по своему содержанию. Это позволяет, во-первых, связывать воедино информацию, получаемую при оперировании диалектическими категориями, как информацию об одной и той же действительности, а во-вторых, определять одну категорию через другую. Совокупный мысленный образ объекта, возникающий из набора категорий диалектики, не есть некая мозаика признаков. Образ в значительной мере целостен, подобно тому как целостно чувственное восприятие предмета, составленное из различных модальностей – цвета, звука, запаха, вкуса.

Предмет отображается в разных категориальных парах по-разному. В зависимости от избранного дихотомичного способа действия с ним, от его сечения, возникают своеобразные абстрактные объекты, которые в процессе определения философских понятий мысленно уравниваются: A и не- $A = B$ и не- B , где A и B – категории. Важно подчеркнуть, что уравниваются при этом не отдельно взятые категории, а пары категорий, т. е. нечто третье, *что* не сводится к каждому порознь взятому элементу пары. Это третье представляет собой интервалы, границы применимости той или иной пары диалектико-логических приемов, за которыми вступают в силу уже иные действия с тем же объектом. Скажем, рассуждая о необходимом и случайном в процессе развития объекта, мы рано или поздно обращаемся к иному типу действия, например, к тому, который закреплен в категориях возможного и действительного. Границы анализа в рамках первого и второго способов действий смыкаются на категории вероятности, не имеющей своего антипода. Вероятность определяется в связи с этим как мера необхо-

димого в возможном⁴, т. е. посредством пересечения между собой категориальных пар:

Категории диалектики подразделяются на парные и непарные. Непарные категории (вероятность, закон, мера и т. д.) представляют собой, на наш взгляд, интервалы, в которых применим один тип дихотомического оперирования с реальностью, а за их пределами вступают в силу уже иные способы анализа. Категория развития относится к числу категорий, не имеющих своих антиподов. Какие мысленные дихотомические операции мы проделываем, когда говорим о развитии? Чаще всего при этом применяются две пары категорий: обратимость – необратимость и изменчивость – устойчивость. Категория развития возникает на перекрестном их пересечении как мера необратимого в устойчивом (повторяющемся, цикличном):

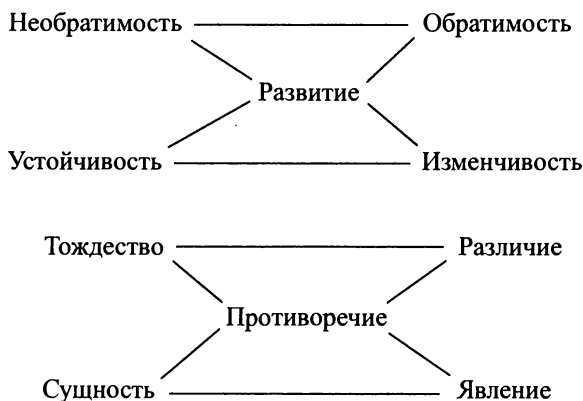

Развитие связывает воедино эти категории, отображая одну из сторон всякого изменения.

Можно ли сегодня построить логически непротиворечивую систему категорий, характеризующую развитие всесторонне – и как процесс превращения возможности в действительность, и как взаимосвязь необходимости и случайности, качества и количества, как проявление диалектически противоречивой неравновесности процессов? Пока, на наш взгляд, такую систему, подходящую для всех случаев, создать невозможно.

Реально существовавшие в истории философии классические системы философских категорий, по сути дела, в неявном виде воспроизводили последовательность человеческих действий по освоению объекта. Начинались эти системы с категории бытия (человек должен убедиться в существовании предмета, прежде чем действовать с ним), продолжались категориями, характеризующими ту или иную определенность предмета (исследование человеком формы, содержания предмета, внутренних связей и т. д.) и заканчивались категориями причины и действия (следствия). В этом нетрудно убедиться, исследуя системы категорий Аристотеля, Канта, Гегеля. У Гегеля это особенно ясно видно: абсолютная идея есть не что иное, как деятельность субъекта, преобразующая бытие. Однако и система категорий, характеризующих развитие, даже если она составлена как описание последовательности человеческих действий по преобразованию внешнего мира, не может быть универсальной, так как последовательность действий в значительной мере определяется конкретными и разнообразными условиями действия и может меняться в любом направлении.

Поэтому насыщение категории развития содержанием других диалектико-логических категорий есть в основном процесс поочередного сравнения и отождествления развития и какого-либо выбираемого в зависимости от аспекта исследования гнезда категорий. Если, например, нас интересует источник развития, мы можем обратиться к категориям тождества и различия, сущности и явления, отождествив развитие и противоречие:

При этом мы пользуемся термином «развитие» точно так же, как и термином «противоречие», вкладывая в них одинаковое операциональное содержание, но тем самым приписывая развитию новый предикат.

Если же мы выбираем иной аспект исследования, например, рассматриваем развитие как возможность превращения предмета A в предмет B , то приходится обращаться к иному гнезду категорий – к категориям «необходимость» и «случайность», «возможность» и «действительность». Тогда развитие трактуется уже как вероятность прироста у предмета A нового содержания Δh , необратимо изменяющего A до B ($B = A + \Delta h$):

Таков, на наш взгляд, постоянно изменяющийся процесс насыщения категории развития операциональным содержанием, заимствованным из всего арсенала категорий диалектической логики. Чем богаче категориальные связи и отношения, в которые втягивается категория развития, чем больше она сопряжена с конкретно-научным материалом, тем более точной моделью объективных процессов развития она становится.

Последовательность категорий диалектики, выбранная для отображения процессов развития, предопределена как конкретно-научным материалом, на который ориентируется философ, так и целями его исследования. Переход на жестко дедукционистские позиции при построении теории развития, а также забвение того бесспорного факта, что субъект видит реальность сквозь призму

своей деятельности с объектом, неизбежно приводят к чрезмерной онтологизации картины мира и фактически снижают ее методологическую эффективность.

Примечания

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 198, 159.

² Пиаже Ж. Роль действия в формировании мышления // Вопр. психологии. 1965. № 6. С. 50.

³ См.: Пивоваров Д. В. Предметность и операциональность научного знания // Объективное содержание научного знания. Свердловск, 1975.

⁴ См.: Руткевич М. Н. Диалектический материализм. М., 1973. С. 452.

Лекция 10

Принцип тождества противоположностей и проблема гибкости понятий

Единство (тождество) противоположностей как методологический принцип В. И. Ленин рассматривал в качестве важнейшего условия (предпосылки, установки) познания движения (самодвижения). «Условие познания всех процессов мира в их “самодвижении”, в их спонтанном развитии, в их живой жизни, есть познание их как единства противоположностей»¹. «В абстрактных понятиях (и в их системе) *нельзя* иначе выразить принцип движения как принципом тождества противоположностей»².

Вместе с тем В. И. Ленин подчеркивал, что применение этого принципа в познавательной деятельности органически связано со специфической особенностью мышления (абстрактных понятий) огрублять, упрощать в процессе познания само движение. «Мы не можем представить, выразить, смерить, изобразить движения, не прервав непрерывного, не упростив, угрубив, не разделив, не омертвив живого. Изображение движения мыслью есть всегда огрубление, омертвление... И в этом *суть* диалектики. *Эту-то суть* и выражает формула: единство, тождество противоположностей»³.

Это ленинское высказывание в нашей литературе получает различные толкования. Приведем наиболее крайние из них. Так,

по мнению Д. П. Горского, В. И. Ленин здесь отстаивает мысль о том, что познание глубоко диалектично по своей природе и совершается через противоположность: движение не может быть познано иначе, как через его остановку, непрерывное познается через дискретное, сущность – через явление, целое – через его части и т. д. Поэтому, утверждает Д. П. Горский, познание всегда связано с «омертвлением», «огрублением» действительности, которое является, таким образом, средством более глубокого понимания мира. С помощью этого огрубления происходит выделение жесткого инварианта в меняющихся предметах и их взаимосвязях, для чего используются соответственно понятия, обладающие вполне однозначным жестким содержанием, создающим надежную базу для вполне определенных предсказаний⁴. Итак, здесь утверждается, что средствами более глубокого познания движущегося, самодвижущегося, живого и т. д. является их огрубление, производимое жесткими понятиями.

Другая точка зрения на этот счет изложена М. М. Розенталем. По его мнению, огрубление – это лишь подготовительный этап в процессе познания движущегося объекта, связанный с рассудочным мышлением, которое рассматривает объект еще абстрактно, в обособленности его противоположных сторон. Но это огрубление полностью снимается на ступени разумного мышления, когда объект постигается как единство противоположностей, как заключающий в себе движущее противоречие. Не огрубление, а снятие огрубления и омертвления есть средство более глубокого познания движения, самодвижения, жизненности⁵.

На наш взгляд, более близкой к ленинской постановке проблемы об отображении движения в мышлении является точка зрения, представленная М. М. Розенталем и разделяемая многими авторами, хотя она требует существенного уточнения, что и будет сделано ниже. Однако и первая точка зрения, согласно которой познание движения, самодвижения, живого совершается через свою противоположность – остановку, огрубление, омертвление, т. е. через выделение жесткого инварианта в изменяющихся предметах, имеет рациональный смысл, который игнорируют сторонники второй точки зрения.

Действительно, «пробиться» к самодвижению материальной системы можно только раскрыв ее субстанциальное начало – основание, которое представляет собой сущностное, инвариантное отношение системы, заключающее в себе ее имманентное противоречие – источник ее самодвижения⁶. Субстанциальное основание – «клеточка» – это то, что постоянно воспроизводится в движении системы и выражает специфичность, тождественность системы самой себе, взятой в качестве предмета познания. Поэтому вряд ли можно признать корректным утверждение М. М. Розенталя о том, что объект в процессе рассуждений о нем всегда берется не как равный самому себе, а как движущийся, изменяющийся вследствие заключенных в нем противоречий⁷.

Словом, огрубление, понимаемое как выделение инварианта в изменяющихся предметах (системах), если под этим инвариантом иметь в виду субстанциальное основание, является необходимым условием познания самодвижения. При этом такое огрубление совершается не на ступени рассудочного мышления, как утверждает М. М. Розенталь, а как раз наоборот, на ступени разумного, т. е. теоретического, мышления, характерной чертой которого и является постижение субстанции как наиболее глубокой сущности системы.

Однако существенным недостатком первой точки зрения на познавательное огрубление (выделение инварианта) является, на наш взгляд, то обстоятельство, что оно непосредственно не связывается с понятием субстанции, не раскрывается в рамках системно-субстанциального подхода к движению объекта. Дело здесь представляется таким образом, что всякое огрубление, остановка движения, т. е. всякая жесткая абстракция, идеализация, модель, теория и т. д., служит средством отображения движения объекта, точнее, верным приближением к нему, поскольку сами средства всегда неполны, относительны, всегда упрощают отображение. Наиболее полное отображение движения (на пути к абсолютной истине), с этой точки зрения, достигается путем уточнения и совершенствования (развития) этих идеализаций, моделей, теорий, которые при этом не утрачивают своей жесткости и определенности. И в этом усматривается диалектический характер процесса научного познания.

Полагаем, что такое истолкование диалектики процесса познания является односторонним, и прежде всего потому, что познавательное отношение между субъектом и объектом (движением) здесь утрачивает свои подлинно диалектические черты как единство противоположностей и рассматривается в плане их абсолютного противоположения. Этот принципиальный недостаток концепции Д. П. Горского об отражении движения в познании был подмечен, в частности, В. С. Барашенковым, В. А. Лекторским и Г. А. Свечниковым в рецензии на книгу «Проблемы общей методологии наук и диалектической логики». «Дело в том, – пишут они, – что хотя знание и действительность, бесспорно, являются противоположностями, это такие диалектические противоположности, которые постоянно отождествляются в процессе развития познания. Поэтому приписывать действительности такие атрибуты, как непрерывность, текучесть, конкретность, сложность, а познанию только такие атрибуты, как прерывность, жесткость, абстрактность, простота, по-видимому, было бы неточно, так как подобная абсолютная противопоставленность не дает возможности соизмерить одно с другим. Мышление бесконечно приближается к адекватному воспроизведению действительности, но это приближение, предполагающее неполноту охвата знанием реальности, очевидно, в то же время было бы невозможным, если бы движение мысли и изменение действительности совершались в разных плоскостях. Вероятно, правильнее было бы сказать, что единство непрерывного и прерывного, конкретного и абстрактного и т. д. присущи как действительности, так и мысли»⁸.

Приведенные аргументы достаточно убедительны; они исходят из признания универсального, категориального значения принципа единства противоположностей: бесконечное приближение мысли к адекватному воспроизведению движения объекта идет не через противоположность, а через единство противоположностей, одинаково присущих как объекту, так и исследующей его мысли.

Однако было бы неверным отрицать и значение познания движения через противоположность, проявляющееся в остановках, огрублении, совершаемых мыслью (а тем более утверждать, что их в познании вообще не существует). Это огрубление совершается как на эмпирическом уровне в виде формализации эмпирической

(чувственно-конкретной) модели движения системы на языке абстрактно-общих, рассудочных понятий, так и на уровне теоретического познания, в виде конструирования идеализированного объекта, который воплощает в себе глубинные особенности сущности, самый общий закон исследуемой области явлений – иначе говоря, субстанциальное основание этой области, взятой как целостная система.

Идеализированный объект, будучи исходным понятием теории, ее фундаментальной идеей, представляет собой очень сильное огрубление исследуемой системы, по словам И. В. Кузнецова, это «абстрактная модель, наделенная небольшим числом весьма общих свойств и простой структурой»⁹. Но если этот идеализированный объект действительно воспроизводит субстанциальное основание («клеточку») системы, а следовательно, и ее имманентное противоречие, то его структура обязательно включает в себя единство, тождество взаимоисключающих определений, т. е. содержательную антиномию A и $\text{не-}A$ ¹⁰. Последнее означает, что идеализированный объект как форма огрубления движущейся системы, как нечто упрощенное и элементарное, содержит в самом себе и средства снятия этого огрубления: идеализированный объект, сформулированный в виде содержательной антиномии, в процессе разрешения этой антиномии разворачивается в систему определений (понятий), т. е. в теорию, отображающую материальную систему и ее самодвижение, саморазвитие во всей полноте, сложности и конкретности.

Предложенная нами интерпретация огрубления как конструирования идеализированного объекта, воплощающего в себе субстанциальное основание движущейся системы, совсем не предполагает, как мы видим, что это огрубление всегда связано с понятиями, имеющими строго однозначное, жесткое содержание. Напротив, это огрубление, или субстанциальная идеализация, будучи важнейшим средством отображения самодвижения, предполагает прежде всего использование таких гибких и неопределенных по содержанию форм мысли, как содержательная антиномия, тождество взаимоисключающих противоположных понятий.

В этом плане принципиальное значение имеют идеи В. И. Ленина об универсальной гибкости понятий, выдвинутые им в «Фи-

досовских тетрадах» в процессе материалистического прочтения гегелевской логики. «Понятия, обычно кажущиеся мертвыми, Гегель анализирует и показывает, что в них есть движение. Конечный? – значит, *двигающийся* к концу! Нечто? – значит, *не то*, что другое. Бытие вообще? – значит, такая неопределенность, что бытие = небытию. Всесторонняя, универсальная гибкость понятий, гибкость, подходящая до тождества противоположностей, – вот в чем суть»¹¹.

При этом В. И. Ленин, подчеркивая диалектику понятий и отвечая на вопрос, в чем состоит эта диалектика, видит ее в следующих четырех моментах: 1) во взаимозависимости всех понятий; 2) в переходах понятий из одного в другое; 3) в относительности противоположности между понятиями; 4) в тождестве противоположностей между понятиями¹². Можно сказать, что в этих моментах В. И. Ленин как бы определяет различную степень гибкости понятий: одно дело просто взаимосвязь противоположных понятий, а другое – взаимосвязь, подходящая до тождества их взаимоисключающих характеристик; в первом случае мы имеем дело с контрарными (противоположными) понятиями, составляющими контрарную конъюнкцию, а во втором – с контрадикторными (противоречащими) понятиями, составляющими контрадикторную конъюнкцию, т. е. антиномию. Иными словами, только в содержательной антиномии гибкость понятий доходит до тождества противоположностей. Позитивный смысл этого тождества противоположных (точнее, противоречащих) понятий заключается в том, что оно дает начало новому, третьему понятию, в котором предшествующие два понятия превращаются в его снятые моменты.

Следует заметить, что сама по себе антиномия не дает еще синтетического, целостного (и в этом смысле – определенного) понятия; как было подчеркнуто в предыдущей фразе, она лишь его начало. Синтетическое знание, сформулированное в антиномии «и то, и другое – в одном и том же отношении», является еще весьма абстрактным и неопределенным (неопределенным в том смысле, о котором говорит В. И. Ленин: такая неопределенность, что бытие = небытию), ибо неизвестно само это отношение – третье. Поэтому антиномия «и то, и другое» фактически содержит в себе противоположность: и не то, и не другое, а нечто третье. Что именно – это проблема¹³.

Такая проблемная ситуация с необходимостью возникает в научном исследовании в той его точке, где совершается переход от его эмпирического уровня к уровню теоретическому. Определения «это» и «другое» формулируются эмпирическим мышлением и берутся им как самостоятельные, жесткие, выражающие разные отношения. При теоретическом же осмыслении этих определений они должны быть выведены из одной единой сущности-основания, т. е. должны быть рассмотрены в одном и том же, сущностном, отношении, которое еще предстоит найти на теоретическом уровне. Взятые в одном и том же отношении эмпирические понятия «это» и «другое» утрачивают свою самостоятельность, жесткость и определенность и в единении (отождествлении) дают проблемное знание – антиномию, толкающую исследователя на поиски третьего – опосредствующего их сущностного отношения.

Одним словом, антиномия при переходе от эмпирического уровня исследования к теоретическому возникает потому, что здесь противоположные определения непосредственно сопоставляются (сталкиваются) друг с другом, без указания на то основание, на то единое отношение, которое опосредствует их.

Разрешение антиномии, т. е. нахождение третьего, опосредствующего противоположности субстанциального основания, и приводит к рождению нового, собственно теоретического понятия, отображающего это основание. Однако и это понятие антиномично, поскольку в нем как отображающем субстанциальное начало системы схватывается соответственно лишь начало (первоначальная, исходная форма) предметного противоречия, т. е. противоречие еще неразрешенное, заключающее в себе побудительную силу движения.

Таким образом, при рассмотрении содержательной антиномии как способа воспроизведения источника самодвижения следует различать два ее вида в соответствии с двумя различными степенями гибкости понятий. Одна антиномия может быть названа эмпирической в том смысле, что ее образуют противоположные эмпирические понятия. Сформулированная в виде проблемы – «и то, и другое» и одновременно «и не то, и не другое, а нечто третье, которое следует найти», – она стимулирует переход от эмпирической модели движущейся системы к теоретической – идеализиро-

ванному объекту, где раскрывается самопротиворечивость самой глубокой сущности, субстанциального начала – основания этой системы. Разрешить названную антиномию – это значит свести противоположные определения («это» и «другое») к их основе, свести как явления к своей сущности.

Вторая антиномия является теоретической в строгом смысле этого слова: она отображает противоречие в самой сущности движущейся системы, ее самоотрицательность, тождество взаимоисключающих определений. Разрешение этой антиномии предполагает обратную операцию, а именно выведение противоположных определений из их самопротиворечивого основания, прослеживание форм движения его имманентного противоречия, в которых оно (противоречие), разрешаясь, поляризуется на самостоятельные противоположности. Если в первом случае антиномия формулируется как одно сложное суждение (конъюнкция противоположных высказываний), то во втором – как сложное теоретическое понятие, развертывающееся в теорию, т. е. систему многих суждений, адекватно отображающую весь процесс самодвижения, саморазвития системы (стимул, основание, результат).

Указывая на различие между эмпирической и теоретической антиномиями, вместе с тем следует подчеркнуть их органическую взаимосвязь. Эта связь является генетической: в процессе исследования самодвижения системы эмпирическая антиномия всегда предшествует теоретической, так что результат разрешения первой есть одновременно формулировка второй. Только это единство эмпирической и теоретической антиномий как наиболее гибких по содержанию логических форм, взятых вместе со своим разрешением, обеспечивает адекватное отображение в мышлении движущего и функционирующего предметного противоречия системы, т. е. ее самодвижение, саморазвитие.

Рассмотрим это на примере Марксова анализа противоречивости и самодвижения товара. Вначале К. Маркс анализирует товар с двух точек зрения – как потребительную стоимость и как меновую стоимость, т. е. всякий раз, как подчеркивает он сам, односторонне¹⁴. В этой своей односторонности определения «потребительная стоимость» и «меновая стоимость» являются эмпирическими понятиями: они образуются в результате индуктивного (эмпиричес-

кого) обобщения многократно повторяющихся в самом опыте таких двух противоположных черт товара, как быть средством для удовлетворения потребностей и быть средством обмена. (Не случайно эти понятия были выработаны еще задолго до К. Маркса в «эмпирической» политической экономии.)

Взятые вместе, но в разных отношениях, т. е. в своей односторонности, эти понятия не образуют еще антиномии. К. Маркс преодолевает их односторонность, ставя потребительную стоимость и меновую стоимость в одно и то же отношение – в непосредственное единство. «Однако товар как таковой, – пишет К. Маркс, – представляет собой непосредственное *единство* потребительной стоимости и меновой стоимости»¹⁵. Выдвинув это положение, он приходит к необходимости сформулировать эмпирическую антиномию: «товар есть потребительная стоимость... но как товар он вместе с тем есть *не* потребительная стоимость»¹⁶.

И здесь дело не просто в том, чтобы формально заменить (уточнить) затем термин «не потребительная стоимость» термином «меновая стоимость», а в том, чтобы сформулировать проблему: что заставляет отождествлять в товаре потребительную стоимость с ее противоположностью – не потребительной стоимостью, стоимостью меновой. Ведь антиномия «товар есть и не есть потребительная стоимость» включает в себе не только смысл «и то, и другое» (и потребительная стоимость, и меновая стоимость), но и смысл «не то, и не другое» (не потребительная стоимость и не меновая стоимость), а нечто третье – их опосредствование. И К. Маркс находит это третье – это материализованный, овеществленный общественный труд, являющийся субстанцией товара. «Как материализация общественного труда, все товары суть кристаллизация одного и того же единства. Теперь необходимо рассмотреть определенный характер этого единства»¹⁷.

Рассматривая далее труд как субстанциальное единство, К. Маркс обнаруживает в нем самопротиворечивость: труд, создавая товар, одновременно, в одном и том же отношении, выступает и как труд всеобщий (общественно необходимый), и как труд особенный (индивидуальная форма общественного труда). Соответственно этому меновая стоимость, создаваемая всеобщим трудом (всеобщим рабочим временем), и потребительная стоимость, создаваем-

мая индивидуальным трудом, в своем единстве выражают самопротиворечивость сущности товара – его стоимости. «Продукт как потребительная стоимость, – пишет К. Маркс, – находится в противоречии с самим собой как стоимостью; другими словами, поскольку продукт существует в определенном качестве, как специфическая вещь, как продукт с определенными природными свойствами, как субстанция потребности, – он находится в противоречии с той своей субстанцией, которою он как стоимость обладает исключительно в *овеществленном труде*»¹⁸. Обнаружив реальную антиномичность субстанции товара – труда и специфической сущности – стоимости, К. Маркс выражает ее уже в теоретической антиномии – в виде проблемы «совокупности противоречивых требований», предъявляемых к одному и тому же – меновому – отношению, в котором происходит движение товара. «Одно и то же отношение, – пишет он, – должно быть отношением товаров как величин, по существу равных и лишь количественно различных; равенством их как предметов, в которых материализовано всеобщее рабочее время; и вместе с тем оно должно быть отношением товаров как качественно различных вещей, как особенных потребительных стоимостей, удовлетворяющих особенные потребности, словом, оно должно быть отношением, в котором они различаются как действительные потребительные стоимости. Но это равенство и неравенство взаимно исключают друг друга. Таким образом обнаруживается не только порочный круг проблем, поскольку разрешение одной из них уже предполагает разрешение другой, но и совокупность противоречивых требований, поскольку выполнение одного условия непосредственно связано с выполнением другого, ему противоположного. Процесс обмена товаров должен быть как развертыванием, так и разрешением этих противоречий»¹⁹.

Затем К. Маркс показывает, каким образом это имманентное противоречие менового отношения и собственно товара как его носителя – быть особенной потребительной стоимостью (неравенством) и вместе с тем всеобщим эквивалентом (равенством)²⁰ – развертывается и разрешается: возникают деньги как особо выделенный товар, представляющий этот всеобщий эквивалент; мир товаров поляризуется на деньги как адекватное бытие меновой стоимости всех товаров и собственно товары как бытие потреби-

тельной стоимости. Иными словами, имманентное противоречие (внутренняя противоположность) товарной стоимости превращается, или разрешается, во внешнюю противоположность «товар – деньги», которые обретают самостоятельное существование.

В данном случае признание самостоятельности потребительской стоимости (товара) и меновой стоимости (денег) уже не будет являться односторонним подходом к ним, поскольку они поняты и объяснены как формы самодвижения единой субстанции, как моменты осуществления и разрешения ее противоречия; в этом смысле их самостоятельность лишь кажущаяся.

А сами понятия товара и денег становятся теоретическими: они выводятся из единого принципа – фундаментального понятия стоимости, отображающего именно то третье, что составляет субстанциальное основание саморазвивающейся системы товарно-капиталистической экономики.

Эмпирическая и теоретическая антиномии, сформулированные К. Марксом при исследовании товара, взятые вместе со своим разрешением, действительно дают нам адекватную картину самодвижения, саморазвития товара, в данном случае – его саморазвития в деньги.

Подведем итог. Ленинское положение о том, что принцип движения (самодвижения) нельзя выразить иначе, как через принцип тождества противоположностей, получает свою конкретизацию в представлении о диалектической, содержательной антиномии. Принцип единства (тождества) противоположностей в познающем мышлении действует как изображение антиномий, как необходимое использование в научном исследовании таких логических форм, в которых универсальная гибкость понятий «доходит до тождества противоположностей» и которые в силу этого «есть правильное отражение вечного развития мира»²¹.

Примечания

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 317.

² Там же. С. 308.

³ Там же. С. 233.

⁴ См.: Горский Д. П. Проблемы общей методологии наук и диалектической логики. М., 1966. С. 13–14.

⁵ См.: *Розенталь М. М.* Ленинская диалектическая теория познания и ее современное развитие // Ленинская теория отражения и современная наука. М., 1966. С. 55.

⁶ См. об этом более подробно: *Кайдалов В. А.* Диалектико-материалистическая концепция самодвижения и ее современные проблемы. Томск, 1982. С. 29–50.

⁷ См.: *Розенталь М. М.* Ленинская диалектическая теория познания и ее современное развитие. С. 55.

⁸ *Барашенков В. С., Лекторский В. А., Свечников Г. А.* Новое исследование по диалектической логике // Вопр. философии. 1968. № 2. С. 148.

⁹ *Кузнецов И. В.* Избранные труды по методологии физики. М., 1975.

¹⁰ Содержательная (диалектическая) антиномия, в отличие от формальной, это не внешнее соединение двух взаимоисключающих высказываний, а одно высказывание, обладающее истинностью, одна мысль, внутренне и необходимо раздваиваемая на свои взаимоисключающие моменты; эта мысль является конкретным тождеством противоположных определений.

¹¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 98–99.

¹² Там же. С. 179.

¹³ См.: *Шинкарук В. И.* Гегелевское понятие «спекулятивного мышления» и принцип тождества противоположностей // Философия Гегеля и современность. М., 1973. С. 93.

¹⁴ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 28.

¹⁵ Там же. С. 28.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 15.

¹⁸ Там же. Т. 46, ч. 1. С. 382.

¹⁹ Там же. Т. 13. С. 30–31.

²⁰ См.: Там же. С. 35.

²¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 99.

Лекция 11

Тождество противоположностей в диалектической концепции связи

Принцип тождества противоположностей является одним из фундаментальных в материалистической диалектике. Согласно данному принципу, противоположности не могут быть абсолютно противопоставлены друг другу, так как между ними существует отношение совпадения (слияния, равенства, взаимодействия, и т. д.).

Противоположности, являясь крайними формами различия, тем не менее совпадают в «одном», что и выражается понятием «единство». По В. И. Ленину, единство противоположностей «условно, временно, преходяще, релятивно», тогда как борьба «абсолютна, как абсолютно развитие, движение»¹. Эта ленинская мысль лежит в основе утвердившегося в философской литературе мнения, что единство (тождество) противоположностей отражает момент временного равновесия между ними, а потому оно преходяще.

Как отмечено Ф. Энгельсом, «если вещи присуща противоположность, то эта вещь находится в *противоречии* с самой собой»². Значит, раздвоение на противоположности есть также самоотрицание себя, противоречие со своей собственной определенностью. Противоположности определяют характер внутренних переходов, намечают ориентиры становления иного, вычленяют элементы нового и т. д., т. е. являются пунктами самоизменения. Поэтому с точки зрения самообращенности на себя речь может идти только о таком тождестве противоположностей, которое включает в себе момент временного сохранения как необходимого в процессах порождения одного из другого. Противоположности тождественны в том смысле, что одна из них служит началом, а другая – завершением самоизменения.

Но истолкование тождества противоположностей в плане отражения в нем временно устойчивого имеет отношение лишь к отдельному объекту. В одном и том же объекте или на основе одной и той же сущности противоположности сосуществуют, пребывают во временно устойчивом равновесии. Вместе с тем всякое отдельное представляет собой не только форму относительно самостоятельного существования, но и форму взаимоотношения со всей мировой связью событий. Поэтому диалектика обращенности на себя должна быть дополнена диалектикой связи мира в целом с отдельным явлением. Для диалектического материализма это проблема принципиальной важности. Она поднимает вопрос о необходимости исследования связи отдельного с таким всеобщим, которое есть основание всего, а точнее, под которым подразумевается материя как субстанция – основа всякого отдельного существования. Под углом зрения детерминации всеобщим (единой материальной субстанцией) отдельных материальных образований принцип тожде-

ства противоположностей приобретает особое, субстанциальное содержание. В этой связи возникает потребность в анализе тождества противоположностей как субстанциального отношения.

Известно, что противоположности зависят друг от друга (каждая является условием существования другой), взаимодействуют друг с другом (каждая является причиной возникновения другой) и взаимопроникают друг в друга (каждая заключает в себе другую и при своем изменении в нее переходит). Имеют место и другие формы взаимовлияния, свидетельствующие о многообразии связей между противоположностями. Для наших целей представляют интерес именно названные формы, поскольку в них находят свое наиболее полное выражение функциональные, причинно-следственные и генетические связи между противоположностями. Мы полагаем, что в соответствии с каждой формой связанности можно выделить различные срезы диалектического анализа действительности.

Функциональные зависимости между противоположностями находят отражение в диалектике связей и отношений. Это наиболее общий подход к диалектическому процессу, в котором главное заключается в переходах между различными формами функциональной зависимости. Причинно-следственные отношения между противоположностями являются объектом диалектики движения (самодвижения). По отношению к диалектике связи это есть более конкретный уровень диалектического освоения мира. Здесь ведущим является вопрос о внутреннем причинении (самопричинении) и о переходах друг в друга различных состояний движения. Взаимопревращение противоположностей и анализ отношения генетической преемственности между ними требуют еще более конкретного и глубокого знания. Поэтому необходим и особый уровень исследования диалектики мира. Этот уровень реализуется в диалектико-материалистической концепции развития. Основным моментом диалектики развития является порождение одного другим, становление одного из другого.

Так как вопрос о диалектике связи является наиболее общим и абстрактным, то он должен логически предшествовать другим аспектам диалектического анализа. Это значит, что нельзя исследовать проблему движения и причинно-следственных отношений

без установления внутренних функциональных зависимостей, а изучение исторического процесса невозможно без предварительного анализа структуры причинно-следственных связей и отношений. Следовательно, понятие связи есть не только начало, но и дальнейшее движение, в котором происходит обогащение новым содержанием. Так, историческая связь богаче определениями, чем связь причинно-следственная, а последняя содержательнее связи функциональной. Можно сказать, что переходы вдоль линии «связь – движение – развитие» представляют собой восхождение от абстрактного к конкретному³. В этом восхождении исходное содержание не утрачивается, а воспроизводится вновь как все более многостороннее. Говоря словами Гегеля, оно «несет с собой все приобретенное и обогащается и сгущается внутри себя»⁴.

Следует заметить, что диалектика связи является исходной также и в историческом плане. Учения древних мыслителей о все связывающем и разделяющем первоначале представляют собой исторически первую форму диалектического мышления. В Новое время материализм шел по пути утверждения идеи самодвижения, причем выводы древних авторов относительно связи «всё во всём» не были отброшены, а продолжали переосмысливаться с учетом понимания материи как всеобщей субстанции и причины самой себя. В трудах материалистов Нового времени сформировался новый уровень диалектико-материалистического мышления, центральным пунктом которого было принятие тезиса о всеобщем взаимодействии и движении. Выводы материализма о всеобщей взаимосвязи и самодвижении (внутренней активности) материи получили дальнейшее обоснование в диалектическом материализме. Возникло еще более глубокое понимание связи, опирающееся на диалектико-материалистическую концепцию развития.

В современной науке проблемы диалектики связей и отношений решаются на общенаучном уровне в рамках системно-структурного анализа. Поэтому системно-структурная теоретическая ориентация выступает в современной научной методологии как самая всеобъемлющая. Понятие системы применяется настолько широко, что фактически все объекты научного анализа квалифицируются сегодня как системные. В философском плане это объясняется потребностью всестороннего исследования внутренней свя-

занности элементов и частей как необходимой основы выделения целостного объекта. Можно сказать, что всепроникаемость системного подхода имеет глубокое основание в диалектике всеобщей взаимосвязи. Системный объект, входящий в некоторую надсистему, которая, в свою очередь, есть часть метасистемы и т. д., наглядно выражает ту мысль, что в материальном мире все связано со всем.

Особый интерес представляет вопрос о системности как методе анализа внутри философского знания. В философской литературе поднимаются вопросы о понимании развития как сложноорганизованного системного процесса⁵, о возможности системно-структурного анализа диалектического противоречия⁶, о необходимости трактовки материи в целом как системы-субстанции⁷, о единстве в материальном мире самодвижения, организованности и системности⁸ и др. Мы имеем многочисленные свидетельства глубокого проникновения системных представлений в теоретические схемы диалектики.

Системность в диалектике – это выражение относительной самостоятельности концепции связи и ее фундаментальной роли в философском анализе, именно той роли, в которой связь выступает в качестве одного из исходных понятий. По мере конкретизации диалектического процесса понятие связи обогащается, становится содержательнее. При этом обнаруживается, что, во-первых, теория диалектики должна составлять целостную систему, во-вторых, сама диалектика ориентирована на изучение системных объектов. Иначе говоря, диалектика может развертываться только как система и только системы могут служить объектом диалектики.

Обе формы системности отражают две различные тенденции развития философского знания. Системность, относящаяся к теории диалектики как целому, характеризует всеобщую связь элементов диалектики (категорий, принципов, законов), что является теоретическим воплощением действительной всеобщей взаимосвязи материального мира как целого. В данном случае проявляется специфическая особенность философского знания, состоящая в его глубокой ориентации на познание материи как целостного процесса. Системность, относящаяся к отдельному явлению – объекту диалектического анализа, выступает в качестве показателя того,

что только внутренне связанный целостный процесс может обнаруживать признаки диалектического движения. Поэтому целостность и внутренняя связанность (системность) есть необходимое условие проникновения в суть диалектики отдельного материального образования.

Из сказанного следует, что теория диалектики обращена, во-первых, к миру в целом, к выяснению глобальных аспектов связи (всеобщей взаимосвязи), самодвижения (всеобщего взаимодействия) и развития (всеобщего развития) и, во-вторых, к отдельному объекту, к выяснению локальных аспектов бытия частей целостного материального мира. Единство глобального и локального аспектов диалектического миропонимания несет в себе важную методологическую функцию. С точки зрения этого единства, а с ним и диалектического метода вообще, отдельное может обнаруживать себя не иначе, как в качестве частицы всеобщей взаимосвязи и всеобщего развития, следовательно, оно должно смыкаться в своем диалектическом движении с мировым целым.

Возвращаясь к вопросу о тождестве противоположностей, подчеркнем, что этот вопрос принято исследовать лишь в связи с отдельным, в котором только и может происходить зарождение, вызревание и разрешение диалектического противоречия, а значит, и раздвоение на противоположности. Справедливо утверждение, что всякий относительно целостный (системный) объект внутренне противоречив, т. е. имеет собственный импульс активности и самодвижения. Вместе с тем заострение внимания лишь на отдельном ограничивает возможность анализа роли противоречия во всеобщем движении. С нашей точки зрения, противоречие должно раскрываться не только по отношению к отдельному объекту, но и отражать глобальный аспект детерминации материальных явлений. Восхождение отдельного ко всеобщей материальной субстанции, к материальному миру, в целом следует рассматривать как необходимое условие выяснения причины отдельного в мировой исторической связи явлений. Именно в таком восхождении как раз и заключается специфическая особенность философского метода познания действительности. Для философии обращение к глобальным аспектам бытия, в конечном итоге – к миру в целом является основополагающим гносеологическим принципом⁹.

Но тогда и содержание тождества противоположностей не может быть ограничено отдельными явлениями. Тождество противоположностей в его наиболее глубоком и всестороннем выражении заключает в себе взаимосвязанные и взаимодополняющие стороны. Одна сторона отражает диалектику локального бытия в некоторой системе связей и отношений, другая восходит к диалектике всеобщей взаимосвязи, замыкает объект на мир в целом. В единстве этих сторон заключается самая глубокая сущность явлений, а значит, и сущность тождества противоположностей. Очевидно, что эта сущность заключается в обнаружении и раскрытии субстанциального содержания. Тождество противоположностей, будучи единством глобального и локального моментов бытия, тем самым заключает в себе неизменное, абсолютное, инвариантное и т. д. Это есть именно такое тождество, которое отражает как временно устойчивые формы бытия отдельного, так и неуничтожимость материальной субстанции вообще, непреходящий характер ее существования.

Необходимость такой точки зрения на тождество противоположностей заключена в самой сути материалистической диалектики, призванной решать фундаментальный вопрос философского материализма о происхождении всего из единой материальной субстанции. Диалектика не просто констатирует факт всеобщности диалектического движения (развития, самодвижения, всеобщей взаимосвязи), но прежде всего связывает это движение с проблемой порождения из единого материального основания качественного многообразия вещей. В этом плане традиционный вопрос философского материализма о порождении вещей из единой материальной основы остается актуальным и в наши дни.

Заметим, что проблема возникновения решается в философской литературе в основном с точки зрения порождения одного другим. Данная ориентация занимает значительное место в современных философских исследованиях по сравнению с устаревающим, казалось бы, философствованием по поводу ответа на вопрос, как из единой материальной субстанции образуются отдельные вещи. Однако очевидно, что чрезмерное увлечение отдельным оборачивается раскрытием лишь локального аспекта детерминации, а значит, ограничивает возможности выявления действительной диалекти-

ки вещей. Существует глобальный аспект причинной обусловленности событий, который должен дополнять диалектику возникновения отдельного из другого отдельного.

Гносеологическая направленность на мир в целом пробивает себе дорогу не только в рамках философского знания. В настоящее время можно заметить подобную направленность в других областях научного знания. Например, современной физикой установлено, что чем глубже познание проникает в микромир, тем в большей мере ощущается потребность в привлечении для объяснения фундамента физического процесса астрофизических и космологических теорий. Движение нашего познания вглубь приводит к необходимости двигаться также и вширь, в частности обращаться к астрофизическим и космологическим характеристикам бытия Вселенной. Аналогичная ситуация складывается в связи с потребностью проникновения в глубочайшие основы живой материи. Новейшие исследования показывают, что жизнь есть явление космического масштаба¹⁰. Ее возникновение связано с определенным этапом развития Вселенной, когда стало возможным формирование планетных систем, а значит, и геологической формы движения материи. Еще более фундаментальным является вопрос о разумной жизни во Вселенной. В естественно-научном плане неясно, являются ли носители разума необходимыми существами в развитии Вселенной или же возможна иная модель, в которой космологический процесс протекал бы без «свидетелей». Таким образом, стремление выяснить ряд глубинных закономерностей материального процесса выводит нас на мир в целом, на необходимость познания материальной субстанции вообще.

Важно в этой связи понять, что исследуемый объект внутренне противоречив не сам по себе, не в своей обособленной самостоятельности, но прежде всего как единичное проявление мировой связи явлений. Активность отдельного есть частица активности вообще, относящейся к материальной субстанции в целом. Поэтому всякое конкретное противоречие, с которым приходится иметь дело в конкретно-научном анализе, есть так или иначе момент некоторого глобального отношения. В конкретно-научном анализе не всегда имеется возможность довести вопрос о противоречии до уровня понимания его особого места во всеобщем движении.

Во многих случаях это невозможно сделать ввиду незначительной роли исследуемого явления в исторической связи его с другими явлениями. Это, однако, не должно заслонять от нас необходимость признания того, что всякое единичное противоречие через его связь с особенным восходит ко всеобщему и тем самым обнаруживает субстанциальное содержание. И дело здесь не только в том, что конкретное противоречие есть форма выражения внутренней активности материи как субстанции. Активность, реально воплощаемая в раздвоении единого на противоположности и вызревание противоречия, есть также и формирование отдельного, которое в его глобально-генетическом аспекте фиксирует порождение из единой субстанции отдельного материального образования.

Можно указать и на то, что в парных категориях диалектики, характеризующих системность и внутреннюю связанность, одна из противоположностей не является равноправной с другой с точки зрения их гносеологического статуса в отражении наиболее общих принципов бытия. Например, категории «часть – целое» неравнозначны в том смысле, что часть может относиться только к отдельному, тогда как целое, в принципе, ничем не ограничено и в своем абсолютном понимании может относиться к миру в целом. Аналогичное можно утверждать и относительно пар категорий «бесконечное – конечное», «система – элемент», «единое – множественное», «внутреннее – внешнее» и ряда других. Если категории «бесконечное», «система», «единое», «внутреннее» отражают свойства, которые в своем предельном развитии могут быть приемлемыми только для мира в целом, то категории, противоположные данным (конечное, множественное, элемент, внешнее), в большей мере призваны характеризовать свойства отдельного. По-видимому, есть основания полагать, что раздвоение на мир в целом и отдельное явление становится существенным компонентом диалектического миропонимания.

Итак, мы приходим к выводу, что тождество противоположностей, заключая в себе момент единства глобального и локального, тем самым отражает субстанциальное отношение. Данное тождество в качестве принципа диалектического освоения мира ориентирует теорию материалистической диалектики на выяснение проблемы бытия мира в целом, на понимание этого мира как единой

материальной субстанции. В отношении отдельного объекта тождество противоположностей включает не только момент самообращенности объекта на себя, но и момент его обращенности к материи в целом как субстанции всякого отдельного существования. Поэтому тождество противоположностей свидетельствует как о преходящем (релятивном, временном) бытии, так и о наличии в преходящем вечного и неуничтожимого.

В заключение отметим, что тождественное в противоположностях определяет их единую сущность. «Если процессы, противостоящие друг другу в качестве совершенно самостоятельных, образуют известное внутреннее единство, – пишет К. Маркс, – то это как раз и означает, что их внутреннее единство осуществляется в движении внешних противоположностей»¹¹. Следовательно, то, что на поверхности имеет форму относительно самостоятельного существования, есть глубокое внутреннее движение, ведущее к совпадению в едином, в сущности. Но сущность многопорядкова. Поэтому при переходе к более глубокому уровню знания обнаруживаются новые порядки тождественного, а с ними и новые противоположности. В таком движении и заключается бесконечное познание материи как единой субстанции.

Примечания

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 317.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 640.

³ См.: Лойфман И. Я. Развитие как базисная категория диалектики // Диалектика прогрессивного развития. Свердловск, 1976.

⁴ Гегель. Наука логики. М., 1972. Т. 3. С. 307.

⁵ См.: Миклин А. М., Подольский В. А. Категория развития в марксистской диалектике. М., 1980.

⁶ См.: Бородкин В. В. Проблемы противоречия в материалистической диалектике. М., 1982.

⁷ См.: Солопов Е. Ф. Введение в диалектическую логику. Л., 1979.

⁸ См.: Петрушенко Л. А. Единство системности, организованности и самодвижения. М., 1975.

⁹ См.: Богомолов А. С., Ойзерман Т. И. Основы теории историко-философского процесса. М., 1983. С. 64–80.

¹⁰ См., в частности: Югай Г. А. Философские проблемы теоретической биологии. М., 1976.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 124.

Диалектика общего, особенного и единичного

При изложении основ диалектики В. И. Ленин рекомендовал «начать с самого простого, обычного, массовидного etc., с предложения *любого*: листья дерева зелены; Иван есть человек; Жучка есть собака и т. п.». Каждое из приведенных выше предложений есть определение предмета через соотнесение его с более широким классом предметов. Поэтому в каждом из них имплицитно содержится *диалектика взаимосвязи общего и отдельного*: «...отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое общее есть (так или иначе) общее. Всякое отдельное есть (частичка, или сторона, или сущность) отдельного». Приведя в целях разъяснения переход от данных категорий к категориям необходимости и случайности, В. И. Ленин делает вывод общего порядка: «...в любом предложении можно (и должно), как в “ячейке” (“клеточке”), вскрыть зачатки *всех* элементов диалектики, показав таким образом, что всему познанию человека вообще свойственна диалектика»¹.

Переход от категорий общего и отдельного к категориям *общего, особенного и единичного* совершается через раскрытие понятия отдельного. Иван (не Жан, и не Иоганн, а именно Иван) есть одновременно человек *вообще*, *русский* человек, т. е. представитель вполне определенного народа, и *данный*, вполне конкретный, отдельный его представитель – *этот* Иван. Таким образом, в отдельном сплетены неразрывно общее, особенное (в данном случае этнос как часть человечества) и единичное.

Прежде чем перейти к рассмотрению диалектики взаимосвязи этих категорий сначала в статике (т. е. в предположении, что объекты, предметы находятся в состоянии относительного покоя), а затем в динамике (когда противоречия между ними проявляются в тенденциях развития), необходимо хотя бы кратко обсудить под интересующим нас здесь углом зрения два принципиально важных философских вопроса: 1) о соотношении общего в нашем

мышлении, оперирующем, как известно, общими понятиями, и общего в реальном, материальном мире – в вещах, их свойствах и отношениях между ними; 2) о различии между художественным и научным познанием общего и отдельного, а тем самым о соотношении общего, особенного и единичного.

Казалось бы, воззрения так называемых реалистов и номиналистов в средневековой схоластике должны представлять чисто исторический интерес. Но это не так, они продолжают существовать в несколько подновленном терминологически виде поныне в постмодернистской философии и социологии; в частности, это касается идущего от крайнего номинализма отрицания существования общего в уме человека, а также равно присущего тем и другим отрицания существования общего независимо от сознания вообще, человеческого или божественного. Для материализма вообще, обогащенного диалектикой современного материализма в особенности, общее существует в реальном мире, т. е. в явлениях природы, в людях и общественных отношениях, и поэтому может находить более или менее точное, полное отображение в общих понятиях, создаваемых человеческим разумом на основе практики. Об этом приходится напоминать потому, что в атмосфере 90-х гг. XX в. в России, особенно в общественном сознании, оживились давно преодоленные научной мыслью средневековые философские заблуждения. Например, директор Института этнологии и антропологии РАН В. М. Тишков в своих выступлениях в научной (и даже массовой) печати предлагает отказаться от понятия этнической нации, рассматривая нацию только как совокупность граждан данного государства, как «нацию-государство». После того как эта позиция была многократно подвергнута критике, В. М. Тишков предложил отказаться от обоих этих понятий, а значит, и от понятия нации вообще как отражения реально существующих совокупностей людей. Исходя из подобной ложной теоретической основы, он пытается давать практические рекомендации по разрешению острых проблем межнациональных отношений в России и на всем постсоветском пространстве. О характере этих рекомендаций можно судить по тому, что В. М. Тишков резко выступает против признания русских после распада СССР разделенным народом; тем самым судьбу 25 миллионов соотечественников за пределами Рос-

сийской Федерации, по его мнению, должны решать правительства государств, возникших на территории бывшего Советского Союза, хотя многие из них откровенно проводят политику притеснения русского (и вообще русскоязычного) меньшинства, вплоть до отказа в предоставлении гражданства, как это делается в Латвии и Эстонии².

Диалектика общего и отдельного в художественном и научном познании имеет важное, принципиальное значение прежде всего для понимания специфики познания мира вообще и общественных явлений в особенности.

В искусстве неразрывно связаны два момента – отражение объективной реальности и самовыражение человека как субъекта художественного творчества. В разных родах, видах, жанрах искусства и в творчестве различных школ это соотношение складывается по-своему. Мы ограничимся здесь теми видами и направлениями в искусстве, где отражение человеческих отношений, мыслей и чувств в образах наиболее продуктивно, – реалистическими художественной литературой и изобразительным искусством, а также базирующимися на них театре, кино, телевизионных передачах и т. д. О методе реализма в художественной литературе Ф. Энгельс писал: «Реализм предполагает, помимо правдивости деталей, правдивое воспроизведение типичных характеров в типичных обстоятельствах»³. В другом месте он уточняет: «Каждое лицо – тип, но вместе с тем и вполне определенная личность, “этот”, как выражается старик Гегель»⁴. Нам представляется, что данное определение реализма относится и к другим упомянутым выше видам искусства.

Так, описывая события Гражданской войны в романе «Тихий Дон», М. Шолохов, несомненно, с большой глубиной изображает общечеловеческие чувства и мысли, свойственные любой эпохе истории и любой стране: любовь и ненависть, товарищество и соперничество, гибель близких и радость победы над врагом и т. д. (это относится и к театральным – драматическим и оперным – спектаклям, и к кинофильмам по этому роману). Общее (в данном случае свойственное всем людям в любых условиях, т. е. общечеловеческое) выражается через типические характеры в типичных для Гражданской войны в России обстоятельствах, т. е. через о с о -

б е н н о е. Оно, в свою очередь, приобретает конкретность и с нею вместе убедительность через е д и н и ч н о е, т. е. через индивидуальные характеры и внешние черты Григория и Аксины, Листницкого и Кошевого, через своеобразное сплетение их судеб, определяемое логикой разворачивания Гражданской войны на Дону, борьбой в ее ходе различных социальных сил. Подобным же образом в жанровой и портретной живописи русских художников второй половины XIX в. общий поток развития пореформенной России преломляется (мы для примера адресуемся к творчеству И. Репина) в портретах и жанровых полотнах – в образах сановников, деятелей искусства, разночинцев, крестьян, т. е. определенных социальных типов, характерных для того времени. Но вместе с тем детали правдивы, поскольку Репиным были схвачены индивидуальные черты членов Государственного совета, крестьян – участников крестного хода в Курской губернии, вернувшегося из тюрьмы революционного народника, членов его семьи, композитора Мусоргского, врача Пирогова и т. д.

Мы не ставим здесь своей целью дать анализ философской основы абстрактной живописи Малевича, поэзии Вознесенского и иных постмодернистов в живописи, поэзии и других видах и жанрах искусства. Эти произведения могут служить иллюстрациями формального мастерства, и с к у с н о с т и их авторов, могут демонстрировать степень овладения тайнами р е м е с л а. Ремесленник может создавать предметы, достойные восхищения, равно как гимнасты в цирке и фигуристы на льду доставляют зрителям эстетическое наслаждение. И то, и другое может быть включено в достаточно широкое определение искусства как самовыражения человека в процессе художественного освоения действительности. Но если вести речь о х у д о ж е с т в е н н о м п о з н а н и и мира, о воспроизведении реального мира в искусстве, то это прежде всего область реалистического искусства, понимаемого в широком смысле как правдивое отражение реальности. Данное замечание представляется принципиально важным, поскольку реализм подчас понимается очень узко, его пытаются свести к определенным школам в литературе, изобразительном искусстве, театре и кино (критический реализм в русской литературе XIX в., школа Станиславского в театре, социалистический реализм советского времени, неореа-

лизм в послевоенном итальянском кино и т. д.). С нашей точки зрения, веризм в итальянской опере, импрессионизм во французской живописи, театр Мейерхольда и многое иное являются своеобразными направлениями и школами реализма.

В реалистическом искусстве общее отображается через отдельное и поэтому неотделимо от особенного и единичного. Мы хотим это особо подчеркнуть, потому что вслед за Д. Лукачем многие философы склонны полагать особенное *центральной* категорией эстетики⁵. Нам эта позиция представляется упрощенной хотя бы потому, что особенное в одном отношении выступает как общее в другом отношении. Центральными категориями эстетики как философской науки о художественном познании и освоении мира на деле выступает неразрывно связанная пара категорий – *общее и отдельное*. Такое понимание отвечает духу диалектики, ядром которой является положение о единстве и борьбе противоположностей, из чего следует парность всех основных ее категорий. Концентрация внимания на отдельном в живописи при пренебрежении к общему, типическому – прямая дорога к натурализму и далее к фотографии, которая дает правдивое изображение данной, конкретной личности (или ситуации) во всех деталях. Концентрация внимания на общем при пренебрежении к отдельному – прямая дорога к абстрактному графическому изображению человека в виде произвольного сочетания палочек и кругов, а ситуации – как набора переплетающихся символов, как в знаменитой «Гернике» Пикассо. Эти примеры без труда можно было бы умножить, обратившись к творчеству современных постмодернистов в литературе, кино, театре, скульптуре и др. Для наших целей, впрочем, сказанного достаточно, чтобы подтвердить тезис о категориях общего и отдельного, взятых в их противоречивом единстве, как философской основе реалистического метода в художественном освоении действительности.

В противоположность художественному *научное познание* в целях воссоздания отдельного (конкретного) в его неповторимой полноте вынуждено опираться на предварительно проделанную мышлением работу по созданию системы абстрактных понятий, отображающих общее в различных сторонах, фрагментах реальности, чтобы затем построить с их помощью картину того кон-

кретного, которое первоначально предстало перед нами как данное в созерцании представление, как нерасчлененный конкретно-чувственный образ. К. Маркс описал этот процесс следующим образом: конкретное в мышлении «выступает как процесс синтеза, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно представляет собой действительный исходный пункт и, вследствие этого, также исходный пункт созерцания и представления. На первом пути полное представление испаряется до степени абстрактного определения, на втором пути абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного посредством мышления»⁶.

Приведем пример с целью пояснения этой очень важной для понимания сущности процесса человеческого познания мысли К. Маркса. Увиденный миллионами телезрителей во всех странах расстрел Белого дома 3 октября 1993 г. в центре Москвы отобразился в сознании людей в форме нерасчлененного представления, живой, чувственно воспринимаемой картины. Но для научного воспроизведения этого (как и любого иного) исторического события необходимо применить весь арсенал не только понятий обыденного мышления, но и всей совокупности категорий, выработанных экономической, политической, юридической, социологической и другими науками. И лишь при соблюдении этих условий данное историческое событие может быть понято как одно из узловых звеньев общего процесса трансформации социалистического общества в России в капиталистическое; как проявление особенностей начального этапа этого перехода в начале 90-х гг., когда силы сопротивления были еще сильны и обладали большинством в Верховном Совете, т. е. как проявление сложившегося к тому времени в обществе соотношения социально-политических сил; наконец, как проявление общего и особенного в единичном, т. е. зависимости хода событий в период между изданием Указа президента от 20 сентября 1993 г. «Об особом порядке управления страной» и расправой с законодателями от принимаемых ситуативных решений и характеров основных политических фигур того периода – Ельцина, Грачева, Коржакова, Гайдара, Хасбулатова, Руцкого и др. Иначе говоря, для постижения глубокой сущности данного события – обстрела парламента из танковых орудий и гибели сотен людей, его причин и следствий, его места

в истории развития постсоветской России – необходима мобилизация и использование всего научного знания в его понятийной форме, вплоть до усвоения и творческого применения научного метода познания.

Для разъяснения соотношения общего, особенного и единичного в научном познании следует прежде всего исходить из их объективного, реального соотношения в процессах природы и общественной жизни. В целом чем выше форма движения материи и чем выше ступень освоения человеком мира, тем богаче содержание *всех* категорий диалектики, в том числе и рассматриваемых здесь. Примеры из общественной жизни особенно важны для понимания категорий диалектики, поскольку только в обществе сплетаются и взаимодействуют объективные и субъективные факторы, бытие и мышление в деятельности как отдельного человека, так и социальных групп, общества в целом.

Обратимся к соотношению общего, особенного и единичного в *социальной структуре общества*. Социум, прежде всего в современных развитых странах, представляет собой сложнейшую систему, которую в данном случае мы вправе рассматривать в качестве общего, т. е. как единство, состоящее из большого набора противоположностей, определяемых наличием в социуме большого числа связанных между собой, но обладающих относительной самостоятельностью *с т р у к т у р*, каждая из которых предполагает объективное деление социума как системы на подсистемы, выполняющие определенные функции, и предполагает деление общества на большие социальные группы разного типа *по различным критериям*. Большие социальные группы, выступая как первая ступень особенного, делятся на более мелкие, те, в свою очередь, на слои разного типа (все эти образования входят в сферу особенного, находясь между собой в вертикальных и горизонтальных связях). Последней «клеточкой», конечным элементом, из которого строятся все слои и группы, социум в целом, иначе говоря, *единичным* выступает отдельный человек, индивид, личность. Но эта личность, в свою очередь, оказывается сложнейшей системой, поскольку она совмещает в себе деятельность во всех областях общественной жизни (или их большинстве), является составной частью групп разного типа и масштаба и поэтому выполняет самые различные *социальные роли*.

В современной России новая власть, представляющая интересы господствующего класса – бизнес-бюрократии, т. е. симбиоза переродившейся советской бюрократии и возникшей крупной буржуазии, предпринимает попытки теоретически подвести под свое классовое господство социальную базу. Ее уже десять лет ищут в пресловутом среднем классе, который на Западе якобы является опорой стабильности общества и позволяет верхам спокойно властвовать. Еще демократам первой волны очень хотелось, чтобы в российском обществе «преобладающее место занимал бы средний класс, олицетворяющий надежность и требующий гарантий»⁷. Но поиски подобного массового среднего класса, который обеспечил бы стабильность режима, на деле оказались тщетными.

Некоторые ученые пытаются увеличить удельный вес среднего класса в общей численности населения, не беря во внимание богатую верхушку общества, подчас вопреки результатам собственных эмпирических исследований. Например, Т. И. Заславская провела на базе ВЦИОМ опрос, с помощью которого можно было сравнить самооценку разных групп населения своего материального положения с их реальными доходами. Этот прием социологического исследования позволяет сопоставить объективные факторы и субъективные оценки. Однако при обобщении полученных результатов автор решил... исключить из рассмотрения десятый, самый «верхний» дециль (т. е. 10 % наиболее обеспеченных), поскольку «он резко отрывается от всего остального массива, превышая значение девятого в 2,5–3 раза»⁸. Такая процедура теоретического обобщения является совершенно недопустимой с методологической точки зрения. Стоит отметить, что и без десятого дециля Т. И. Заславская вынуждена была признать, что «77 % населения относит себя к нищим, бедным, нуждающимся»⁹.

С позиций философии попытки зачислить в средний класс подавляющее большинство современного российского общества должны быть расценены как *методологически* ошибочные, как пример теоретических рассуждений, не имеющих подтверждения в статистике и социологических опросах, т. е. в эмпирическом материале, и, более того, противоречащих ему. Часто приводимая аналогия среднего класса современной России с третьим сословием во Франции периода революции конца XVIII в., которое включало в

себя буржуазию и составляло большинство населения, не выдерживает критики. Аналогия вообще не может служить доказательством, заменить конкретный анализ конкретной ситуации. По нашему мнению, попытки раздувания удельного веса и социальной роли среднего класса в российском обществе наших дней свидетельствуют о том, что *особенное* понято неправильно, *в ущерб общему*. По форме это преувеличение роли особенного в социальной структуре общества имеет известное сходство с провозглашением особенного центральной категорией эстетики. Но по сути дела это ошибка совсем иного плана, поскольку имеет своей предпосылкой пренебрежение эмпирическими данными или фальсификацию таких данных при их теоретическом осмыслении.

Своеобразно проявляется диалектика общего, особенного и единичного в тенденциях развития общества, в противоречиях процесса глобализации. Под *глобализацией* мы понимаем процесс восстановления реального социального единства человечества во всемирном масштабе, причем не только современный его этап, начавшийся во второй половине XX в. и резко ускорившийся на пороге XXI в. Данное замечание не представляется излишним, так как в большинстве современных публикаций под глобализацией понимается только нынешний ее этап. Начало этому процессу было положено в конце XV в. так называемой эпохой великих географических открытий европейских мореплавателей. Заметим, что она не может рассматриваться в отрыве от одновременного продвижения русских землепроходцев на восток Евразии вплоть до Тихого океана и далее на запад американского континента.

У нас здесь нет возможности проследить историю этого гигантского по масштабам и значению процесса или хотя бы попытаться наметить основные его этапы. Для наших целей важно отметить, что на каждом этапе процесса глобализации общее, особенное и единичное находили воплощение во вполне определенных субъектах действия, которые выступали в качестве носителей противоречивых тенденций развития. Главным среди них было противоречие между завоевателями и покоряемыми (и стираемыми с лица земли) народами, которое теперь обычно называют противоречием между Севером – Югом. В настоящее время оно выступает как противоречие между коренными интересами двух основных

региональных групп (есть промежуточные формы) – так называемых развитых стран и стран развивающихся. Первые выступают носителями тенденции глобализации и стремятся использовать ее в своих корыстных интересах; вторые нуждаются в модернизации хозяйства, образования, здравоохранения, которая не может быть осуществлена без технико-экономической помощи развитых стран, и поэтому тоже являются сторонниками глобализации. Но, отстаивая интересы Юга в целом и свои в частности, они выступают против глобализации по-империалистически, которая превращает развивающиеся страны в вечных должников и сырьевые придатки мирового хозяйства. В течение длительного периода на предшествующих этапах глобализации развивающиеся страны (народы) поневоле выступали в основном как жертвы, т. е. как объекты исторического процесса. Положение стало в корне меняться после Октябрьской революции, раскрепостившей народы России и положившей начало пробуждению Востока, и особенно после поражения фашизма во Второй мировой войне, после превращения СССР в мировую державу и деколонизации «третьего мира». Появились полторы сотни новых государств, которые, при слабости большинства из них, стали членами ООН и – в той или иной мере – субъектами исторического процесса.

Следующее коренное изменение в расстановке политических сил на мировой арене произошло в конце XX в. вследствие поражения СССР и его союзников в третьей мировой («холодной») войне и последующего распада Восточного блока, а затем и Советского Союза. В результате США превратились в единственную супердержаву – в главный финансовый центр капиталистического мира, в центр его военно-политической организации через НАТО и другие блоки, а также в центр сосредоточения научно-технического потенциала и средств массовой информации. При известных противоречиях с другими развитыми капиталистическими странами американская администрация на ежегодных саммитах «семерки», а подчас и с помощью грубого нажима на Европейский союз и Японию, как правило, добивается выработки согласованных решений стран, представляющих «золотой миллиард». По-видимому, две кровопролитные войны за передел мира между империалистическими державами, появление оружия массового уничто-

жения и крушение СССР предопределяют на ближайшее время разрешение противоречий между ними путем компромиссов.

Эти предварительные замечания необходимы для того, чтобы приступить к анализу современного этапа глобализации, в том числе противоречий между глобальными, региональными и локальными тенденциями развития. Современный этап глобализации определяется следующими основными чертами. В экономической сфере – развитием транснациональных корпораций; возможностью мгновенно перемещать колоссальные свободные капиталы с одних континентов на другие и из одних стран в другие (что широко используется финансовыми спекулянтами для обрушивания национальной валюты и экономики регионов, как это было в 1998 г. со странами Юго-Восточной Азии, Бразилией и Россией); безраздельным господством США в международных финансовых организациях (МВФ, Всемирный банк и т. д.) и долларизацией экономики многих стран; закабалением стран, прибегающих к помощи МВФ и других финансовых центров Запада, с помощью долговой удавки и т. д. В военной сфере – безусловным военно-техническим превосходством США и НАТО, что дает возможность проводить карательные экспедиции (Сербия, Ирак) практически без людских потерь в собственных войсках и создавать новые орудия массового поражения. В политической сфере – системой союзов во главе с НАТО, фактическим диктатом США, их союзников и клиентов в международных организациях, уже упоминавшимся согласованием политических решений в рамках клуба наиболее сильных держав Запада и т. д. В информационной сфере – засильем американских СМИ, особенно кино и телевидения, на мировой арене, а в последнее время также расширением сети Интернет («всемирной паутины») и приданием английскому языку статуса главного языка международного общения.

Сложившаяся уникальная ситуация способствует возникновению у правящего класса США желания установить Pax Americana на вечные времена. В теоретической области подобные поползновения пытался обосновать Ф. Фукуяма в нашумевшей статье «Конец истории?»¹⁰. Фукуяма, подобно Гегелю, на которого он постоянно ссылается, полагает, что исторический процесс развития челове-

чества остановится *качественно*. Если у Гегеля несколько улучшенная прусская монархия первой половины XIX в. была представлена как воплощение высших замыслов всемирного духа в процессе его самопознания и тем самым как завершение поступательного движения Абсолютной идеи, то у Фукуямы подобным же образом либерально-буржуазная демократия в форме, установившейся в США, представлена в виде образца, к которому должны якобы стремиться все народы, сама же американская система может только совершенствоваться, испытывать частные улучшения. Таким образом, история всего мира на веки вечные обречена двигаться по накатанной американской схеме.

Если подойти к этой теории с позиций интересующих нас здесь категорий, то получается, что США – это абсолютное воплощение тенденции *глобализации*, которая встречает на своем пути лишь препятствия частного порядка в виде тенденции *регионализации*, т. е. сопротивления, оказываемого глобализации региональными объединениями, и в виде тенденции *локализации*, т. е. сопротивления, оказываемого глобализации отдельными странами и народами. В коммюнике саммита «семерки» на Окинаве в 2000 г. упоминаются в качестве тенденций только глобализация и локализация, т. е. общее и единичное, в то время как особенное на уровне регионов оказалось забытым. Но именно развитие крупных регионов как носителей тенденции, как субъектов процесса регионализации является главным препятствием для глобализации по-американски. Быстро набирает силу Европейский союз, который по объему ВВП уже превосходит США и стал проводить более независимую политику: по-прежнему поддерживая НАТО, европейцы начали возражать против развертывания национальной системы ПРО в США, стали создавать корпус собственных мобильных сил и т. д.

Еще больше опасностей для глобализации по-американски сулит бурное развитие Китая, творчески, с учетом своих условий использовавшего после 1978 г. опыт советской политики НЭПа. К середине XXI в. Китай выйдет на первое место в мире по экономической мощи. По военной мощи он также не уступит никому и будет проводить, как и сейчас, независимую внешнюю политику, в цели которой входит объединение всего региона Восточной Азии. Здесь не место гадать насчет возможностей образования

стратегического треугольника Россия – Индия – Китай, консолидации Южной Америки в результате объединения двух основных экономических группировок и т. п. Заметим, что пока наиболее проблематичными представляются интеграция постсоветского пространства и возрождение России как евразийского гиганта после десятилетия ошибочной социально-экономической политики прошлого и нынешнего руководства и глубочайшей демографической катастрофы.

Заключить хотелось бы выводом общего порядка: *однополюсный* мир неизбежно перерастет в *многополюсный* вследствие роста противоречий между глобальными и региональными тенденциями развития.

Примечания

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 321.

² См.: Руткевич М. Н. Теория нации: философские вопросы // Вопр. философии. 1999. № 5.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве. М., 1976. С. 6.

⁴ Там же. С. 4.

⁵ См.: Лукач Д. Своеобразие эстетического. М., 1986. Т. 3, гл. 12.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве. М., 1976. Т. 1. С. 66.

⁷ Комс. правда. 1992. 9 апр. С. 1–2.

⁸ Заславская Т. И. Доходы работающего населения России: Экономические и социальные перемены // Мониторинг общественного мнения. 1994. № 1. С. 5.

⁹ Там же. С. 9.

¹⁰ См.: Фукуяма Ф. Конец истории? // Философия истории: Антол. М., 1994.

Раздел 2

КАТЕГОРИИ СВЯЗИ, ДВИЖЕНИЯ, РАЗВИТИЯ

Лекция 13

О содержании категорий качества и количества

Закон перехода количества в качество и обратно – один из важнейших законов диалектики, открытый Гегелем и материалистически истолкованный Марксом и Энгельсом. Как всякий закон, он представляет соотношение входящих в него категорий. Однако при чрезвычайно частом употреблении этих понятий они трактуются в современной марксистской философской литературе весьма различным образом, что, естественно, не может не накладывать свой отпечаток и на понимание самого закона. Мы видим свою цель в том, чтобы исследовать содержание данных категорий диалектики.

Для того чтобы выполнить эту задачу, надо исходить из общих принципов определения понятий, выработанных диалектической логикой, и учитывать, что речь идет о наиболее общих понятиях, каковыми и являются категории диалектики. Центральное место закона единства и борьбы противоположностей в диалектике находит прямое выражение в парности основных категорий. Поэтому первое, что необходимо предпринять при выяснении их содержания, это раскрыть их *взаимную связь*. Но взаимные определения парных категорий друг через друга, само собою ясно, еще недостаточны. Каждая данная пара категорий должна быть понята в связи со всеми другими категориями и прежде всего с ближайшими к ней по содержанию.

В логическом аспекте это означает следующее. Суждение, раскрывающее взаимосвязь данной пары категорий и являющееся для каждой из них первичным определением, должно быть дополнено рядом определений, в которых обе изучаемые категории (или одна из них) связываются с иными категориями. Полное определение понятия, отображающего любой предмет (свойство, отношение), может быть достигнуто только при бесконечном суммировании суждений, каждое из которых фиксирует определенную связь данного понятия с другими. Но очень большое и тем более бесконечное число определений лишает задачу смысла: надо знать все, чтобы знать данную вещь. Вот почему В. И. Ленин писал, что «мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвения»¹.

На деле в определении достаточно зафиксировать *основные* связи, притом с учетом конкретной ситуации, диктуемой практикой. Применительно к данным категориям диалектики это означает необходимость раскрытия связи качества и количества с *тождеством* и *различием*, а равно с *тождеством* и *изменением* и, далее, с категориями *сущности* и *явления*, *части* и *целого*.

Мы выделяем тождество и различие (изменение) как ближайшие к качеству и количеству категории потому, что уже в определении количества и качества через закон их взаимосвязи с необходимостью явно или неявно участвуют тождество и различие (изменение). Действительно, если обратиться к Гегелю, то в данных им определениях качество и количество выражаются друг через друга с помощью категории тождества. «Качество есть вообще, – читаем в «Логике», – тождественная с бытием, непосредственная определенность, в отличие от рассматриваемого после него количества, которое есть также определенность бытия, но уже не непосредственно тождественная с последним, а безразличная к бытию, внешняя ему определенность»².

Гегелевское определение оказало сильное влияние на философскую литературу: определения качества и количества как внутренней и внешней определенности приводятся во многих учебных и справочных пособиях³. Но при этом нередко гегелевская мысль существенно упрощается. Для Гегеля существо приведенных определений не во «внутреннем» и «внешнем». Заметим, что эти тер-

мины, в свою очередь, требуют определения, если не понимать их архипросто, как нахождение внутри и вне вещи. Суть гегелевских определений в том, что качество тождественно с наличным бытием (причем под бытием вовсе не обязательно понимается предмет, но также свойство, отношение), а количество внешне, безразлично, *не тождественно* бытию. Гегель этим выражает весьма простую мысль, а именно, что *изменение количества* не означает потери данного бытия, а изменение качества – означает. Поскольку же определения количества и качества в «Логике» непосредственно идут вслед за определениями бытия, ничто и становления (т. е. изменения), то Гегель ограничивается указанием на связь качества и количества только с введенными ранее категориями. Количество и качество здесь определены *через закон их взаимосвязи*: количество – это то, что изменяется (в определенных границах), не приводя к изменению качества, а качество – это то, что изменяется лишь в результате процесса количественных изменений. Не удивительно, что Гегелем подчеркнут тот аспект связи количества и качества, который В. И. Свидерский и ряд других авторов называют интенсивным, когда различие выступает как результат развития бытия во времени. Другой, не менее важный аспект дается не сравнением стадий процесса изменения, а сравнением сосуществующих в каждый данный момент вещей, а также их свойств и отношений, и эти авторы называют его экстенсивным⁴.

Мы не считаем эти термины особенно удачными, но наличие двух взаимосвязанных аспектов не подлежит сомнению. Если начинать со второго аспекта (таким образом поступает большинство философов), то качество и количество выступают как *качественные и количественные различия* между сосуществующими реальностями, и тем самым категории качества и количества с самого начала оказываются неразрывно связанными с категориями *различия и тождества*. В неявном виде это присутствует и при сравнении стадий развития каждого данного процесса, ибо *различие* стадий предполагает их тождество, а само выступает как результат *изменения*.

Но связь качества и количества с различием и тождеством не должна пониматься упрощенно. Между тем упрощенное представление такого рода с легкой руки В. П. Тугаринова получило

известное распространение в нашей философской литературе. Суть этого представления в том, что понятие качества якобы фиксирует различие, а понятие количества – общность, т. е. тождество. Так, в труде «Соотношение категорий диалектического материализма» читаем: «Дискретность (различность, разделенность), а следовательно, и несравнимость явлений действительности выражает категория качества. С другой стороны, имеется общность явлений действительности, их сравнимость в каком-либо отношении. Эту сторону явлений действительности выражает категория количества»⁵. Эта же точка зрения еще яснее выражена у И. Д. Андреева: «Качество... это то, что отличает одни предметы и явления от других»⁶.

Выраженное здесь представление о качестве как специфике данного предмета в отличие от всех остальных базируется, во-первых, на связывании качества только с различием, а количества – только с тождеством и, во-вторых, на признании однокачественности вещей. Второй из этих пунктов будет рассмотрен ниже, в то время как первый пункт, поскольку он прямо вытекает из неумения связать категории качества и количества с категориями тождества и различия (и далее – общего, особенного и единичного), необходимо обсудить сейчас.

Точка зрения, усматривающая в качественной определенности синоним единичного, отличающего данную вещь от всех остальных, имеет своим исходным пунктом не диалектическое, а скорее плюралистическое понимание единства мира как внешнего взаимодействия не имеющих внутренней, генетической связи тел. В действительности же единство мира предполагает единство строения тел и единство законов, по которым они движутся. Телам, явлениям, состояниям объективно присуще общее, а тем самым совпадение, тождество в этом общем и, следовательно, различие в особенном и единичном. Отсюда само собою вытекает, что качество не может быть отнесено только к различиям, а количество – только к тождеству в вещах.

Чтобы это было еще более ясно, разберем простейший пример, а именно суждения типа: «это – вода», «это – стул» и т. д., которые обычно рассматриваются как указание на качественную определенность вещей. На первый взгляд (на самый первый взгляд)

может показаться, что в этих определениях качества зафиксировано только различие. Но небольшое размышление показывает, что это не так, ибо различие диалектически связано с тождеством. Действительно, утверждая, что *это* (данная масса воды – то ли в озере, то ли в графине, то ли в капле) есть вода, мы относим *эту* воду к воде *вообще*, т. е. данный конкретный предмет – к определенному *классу* предметов. Но тем самым мы одновременно фиксируем и общее, присущее воде как таковой, включая «нашу» воду, и отличие воды от других тел. То же самое со стулом. Качественная определенность данного предмета (быть стулом), неотделимая от его бытия, есть качество, общее всем стульям, созданным людьми для вполне определенных практических целей, и тождественное «нашему» и всем стульям и вместе с тем отличающее стулья от всех иных видов мебели (столов, кроватей, шкафов и т. д.) и, далее, от всех иных предметов домашнего обихода, от всех иных созданий рук человеческих, от всех иных вещей вообще.

Поскольку ни в природе самой по себе, ни в созданной нами искусственной природе нет вещей, которые не имели бы общего с иными вещами, качественная определенность одновременно объединяет данное тело с более или менее широким классом предметов, тождественных данному благодаря наличию в них общего, и разъединяет данное тело с предметами остальных классов. Иначе, попросту говоря, эта категория, фиксируя различие в одном отношении, тем самым фиксирует тождество в ином отношении.

Все сказанное выше относится и к категории количества, с той только разницей, что количественные различия суть различия *иного порядка*, чем качественные. Различия между количеством воды в капле, в графине и в озере по массе очевидны, но количественные различия не исчерпываются величиной массы – этого всеобщего свойства тел. Вода может отличаться по примесям, по температуре, по цвету, по доле тяжелой воды в ней и т. п., и все эти различия в *данном случае* выступают как различия несущественные, количественные. Данный конкретный стул отличается от своих собратьев по размерам, материалу, окраске, весу и т. п., и опять все эти различия в *данном случае* несущественные, т. е. количественные, поскольку все стулья имеют одну и ту же качественную определенность, обусловленную тем, что на них можно сидеть⁷.

Количество есть, следовательно, и указание на тождество предметов данного класса в том, что определяет их принадлежность к нему, а тем самым на общее им всем качество, и указание на различия между предметами внутри этого класса, т. е. внутри данного качества.

Итак, связь категорий качества и количества с категориями различия и тождества состоит не в том, что качество «прикреплено» к различию, а количество – к тождеству. Категории количества и качества отображают *различия между предметами* (свойствами, отношениями) *на базе тождества*, а отличаются они друг от друга как раз по *степени, порядку* различия. Различие же данного порядка предполагает существование тождества, общего в более глубокой сущности вещей. А это значит, что категории качества и количества требуют для своего раскрытия привлечения не только категорий тождества и различия, но и категорий *сущности и явления*. Следует заметить, во-первых, что здесь и далее термин «явление» мы употребляем в категориальном смысле, т. е. как категорию, полярную сущности и сопряженную с ней, а не как синоним предмета, процесса, и, во-вторых, что речь будет идти об онтологическом значении этих категорий.

В процессе познания мы можем углубляться в сущность, переходя от сущности n -го порядка к сущности порядка $n + 1$, потому что в самой объективной реальности сущность «многоэтажна», имеет различные порядки, причем для сущности более глубокой все лежащие выше, более близкие «к поверхности» этажи сущности выступают как явление. Уже поэтому категории сущности и явления, существенного и несущественного относительно: то, что в одном отношении выступает как сущность, в другом отношении выступает как явление. Для наших целей особо важно подчеркнуть, что речь здесь идет об объективных отношениях, которые только познаются нами с помощью сравнения. Сравнение же различных порядков сущности есть необходимый, объективный, обязательный момент познания вещей, а также стадий развития каждой из них.

Действительно, с помощью сравнения мы познаем объективно наличествующее общее, тождественное в вещах, и одновременно различие между ними. Не требует доказательства мысль, что

сравнений между двумя данными вещами (и состояниями) можно провести бесконечно много, и поэтому сравнение всегда является *сравнением в каком-либо отношении*, которое отображает одно из реальных, объективных отношений между сосуществующими предметами и между состояниями процесса развития.

Поскольку существенное есть общее и необходимое, то сравнение различий оказывается сравнением сущности разных порядков, постольку различие имеет своей основой тождество *в более глубокой сущности предметов*. С другой стороны, как известно, тождество в объективной реальности не существует без различия, абсолютная тождественность предметов есть плод нашей абстракции. Даже атомы одного и того же кристалла отличны друг от друга, а электроны в нем, согласно правилу Паули, могут обладать только разным набором квантовых чисел. Два близких по времени состояния одного и того же процесса также различны. Степень различия между отдельными предметами, принадлежащими одному ряду и имеющими общую сущность, возрастает по мере усложнения организации материи. Так, различие между двумя людьми, личностями несравненно больше, чем между особями, принадлежащими к одному и тому же виду млекопитающих, например лошадью, а различие между лошадьми на несколько порядков выше, чем различие между одноклеточными данного вида, не говоря уже о различии между двумя молекулами одного и того же соединения или атомами одного и того же химического элемента.

Насколько бесконечны и многообразны связи, отношения между двумя вещами или состояниями, настолько же многообразны и различия между ними. Но эти различия не однопорядковы, не одностепенны, среди них важно в первую очередь выделять такие, которые в данной системе отношений оказываются различиями фундаментальных свойств и параметров вещи, т. е. различиями в сфере сущности, различиями существенными. Различия же в данной системе несущественные есть различия между внешними, единичными свойствами вещей. Категории качества и количества выражают степень различий. *Так, различия в данном отношении существенные называют качественными, в то время как различия в этом же отношении несущественные суть количественные.*

С другой стороны, одно и то же различие есть количественное в одном отношении и качественное в ином отношении прежде всего вследствие «многоэтажности» сущности. Различие качественное в рамках сущности данного порядка оказывается уже количественным в отношении сущности более глубокой. Так, например, изменения, происходящие в веществе при переходе из одного агрегатного состояния в другое (вода превращается в лед или в пар), будут качественными по отношению к молекулярной структуре вещества, к характеру связей между молекулами. Но молекулы H_2O при этих переходах остаются теми же, и происходящие в них при перестройке связей типа «твердое тело – жидкость – газ» несущественные изменения могут рассматриваться как количественные.

Аналогичным образом различия между фазами данной общественно-экономической формации (например, домонополистическим и монополистическим капитализмом) суть различия существенные, качественные в рамках данной системы общественных отношений. Но эти же различия при сравнении разных формаций, когда история берется в более широком аспекте, есть уже различия совсем иного порядка, которые ни в коем случае нельзя приравнивать к различиям между формациями. В отношении всего исторического развития человеческого общества структурные изменения в рамках формаций суть различия несущественные, т. е. количественные. Отсюда вытекает, что различие между двумя слоями, группами одного и того же класса вполне определенной эпохи выступает как качественное различие при рассмотрении внутриклассовой структуры и как различие количественное при рассмотрении социальной структуры общества в целом. Так, различие между дворянами и боярами на Руси XVII в., рассматриваемое как различие в системе отношений внутри господствующего класса, есть различие существенное, качественное, в то же время по отношению к крестьянству феодалы выступали как один класс, и различия внутри этого класса относительно системы основных классовых отношений феодализма должны рассматриваться как несущественные, т. е. количественные. То же самое можно сказать о различиях между торговой и промышленной буржуазией при капитализме. Наконец, и при социализме различия между квалифицированными и неквалифицированными рабочими есть раз-

личия количественные, несущественные для всей системы социальных отношений, но вместе с тем различия существенные, качественные, поскольку изучается структура рабочего класса.

К этому надо добавить, что данное различие может оказаться несущественным в одном отношении и существенным в ином отношении на данном «этаже» сущности вследствие многосторонности, многоплановости той системы отношений, которая является объектом познания, примеры чему будут даны ниже. Само собою ясно, что все сказанное в равной мере приложимо и к процессу развития любого объекта (интенсивный аспект), где различия есть результат изменения. Одно и то же изменение, являясь в одном или более отношениях качественным, выступает в остальных отношениях как количественное.

Теперь мы можем и должны перейти ко второй посылке критикуемых исходных определений качества и количества. Из всего сказанного выше вытекает, что один и тот же предмет, поскольку он находится в самых различных отношениях с иными предметами, обладает бесконечным числом качеств. Представление об однокачественности предметов в свое время господствовало в нашей литературе, отдал ему дань и автор. Следует заметить, что в настоящее время эта точка зрения в ее чистом виде, как у Н. А. Будрейко или И. Д. Андреева, встречается редко. Обычным стало признание множественности качеств, но ряд авторов пытается совместить оба эти представления, настаивая на выделении некоего *основного*, *главного* качества. Вот рассуждения двух авторов, придерживающихся этого взгляда. С. Т. Мелюхин пишет: «Каждый предмет как конкретная форма материи обладает одним каким-то качеством, без которого он перестал бы быть тем, чем он является. Но материя, составляющая его, обладает бесконечно многими качествами, ибо она неисчерпаема вглубь»⁸. Еще яснее выражается А. П. Шептулин: «Каждый предмет, явление наряду с основным, выражающим его специфическую природу качеством, может иметь множество неосновных качеств, которые, проявляясь в одних условиях, отсутствуют в других»⁹.

Признание *основного* качества вещи безотносительно к ее отношениям с другими вещами, таким образом, есть, по сути дела, то же самое, что признание *единственного* качества. Сторонники

этой точки зрения нередко ссылаются на Гегеля, но у Гегеля в определении качества и количества речь идет о бытии, под которым может пониматься отнюдь не только предмет, тело, вещь как носитель свойств и отношений, но также сами эти свойства и отношения. У этих же авторов речь идет о предмете, теле, что существенно ухудшает гегелевское определение, поскольку предопределяет представление, будто каждое тело имеет какое-то одно, только ему присущее качество. А это уже просто неверно. Ф. Энгельс писал: «Существуют не качества, а только вещи, обладающие качествами, и притом бесконечно многими качествами»¹⁰. По прямому смыслу этих слов Энгельса «многие качества» существуют у *каждой* вещи, т. е. она *многокачественна*, имеет бесконечно много таких определенностей своего бытия, которые неотделимы от нее как данной вещи.

Представления об однокачественности вещей и о наличии основного качества тем не менее несут в себе кое-что рациональное, но это рациональное понято односторонне. Два реальных момента порождают это представление.

Во-первых, каждая данная вещь есть отдельное, а отдельное – это сочетание общего с единичным. И далее, каждое такое отдельное есть целое, притом специфическое целое. Следовательно, вещь есть не только «слоеный пирог» различных отношений, она не только имеет на разных ступенях общее с другими видами предметов, но она обладает также неповторимым сочетанием особенностей и единичных свойств. По мысли названных авторов, понятие качества должно отобразить как раз именно отличие от всех остальных вещей этой вещи, этого отдельного как *специфической целостности*.

Мы уже отмечали, что категории качества и количества весьма тесно связаны с категориями *целого и части*. Каждая данная вещь, будучи элементом самых различных систем и входя в них как часть в целое, несомненно, есть вместе с тем определенная, более или менее целостная система, имеющая свои элементы, части. Эта вещь, взятая как целое, есть не аморфное нечто, она есть определенная система отношений между элементами. Насколько же применимы категории качества и количества для характеристики данной конкретной целостности, например, данного человека, данной

особи в животном мире, данной планеты, данного куска материала и т. д.? Прежде всего, конечно, речь должна идти о категории качества, поскольку цитированные выше и многие другие наши философы полагают, что каждая конкретная целостность и есть особое качество. И в этом плане не имеет особого значения определять качество как «совокупность существенных свойств того или иного предмета»¹¹, или как «совокупность свойств, указывающих на то, что собой данная вещь представляет»¹², или как «целостную совокупность свойств, их связей и отношений, отличающих один предмет или явление от других предметов или явлений»¹³.

Все эти определения сходятся в главном, а именно в том, что специфика вещи и есть ее качество, притом либо *единственное*, либо, по крайней мере, *основное*. В первом случае качество рассматривается как специфическая совокупность свойств (или существенных свойств), во втором случае основное качество выполняет ту же самую роль, поскольку остальные качества получают название существенных свойств. Для нас дело, безусловно, не в терминологии, а в сути разбираемого воззрения.

Что же выступает у этих авторов в роли единственного (или основного) качества? В литературе мы находим два ответа на этот вопрос.

Ответ первый, обсуждение которого фактически уже было начато выше. Под качеством понимается любая данная конкретная целостность как *отдельное*, в котором общее слито с единичным. Если следовать этой логике, то каждый определенный стул есть особое качество, равно как каждый кусок минерала, каждая особь данного вида в живом мире и тем более каждая человеческая личность. Поскольку отличаются друг от друга отдельные предметы не общим, а как раз единичным, качество *выступает как совокупность единичных признаков*. Не удивительно, что у этих авторов для количества остается немного – величина и размеры вещи, т. е. ее чисто пространственные характеристики. Так, А. П. Шептулин считает, что количество есть «совокупность свойств, указывающих на размеры вещи, ее величину»¹⁴.

Не приходится говорить о том, что закон перехода количества в качество при таком понимании категорий сводится к его сугубо частному случаю, когда уменьшение (или увеличение) размеров

может повлиять на изменение характера взаимодействия предмета с окружающими телами. Ни одна химическая реакция, не говоря уже о превращении одного общественного строя в другой, не может быть понята как качественное изменение, если количественное изменение, ему предшествовавшее и его подготовившее, понимается столь односторонне и плоско. Как применить такое определение количества, а тем самым количественных изменений к росту производительных сил, к овладению идеологией массами и т. д.? Вывод может быть только один: категория качества не должна подменять и заменять категорию отдельного, поскольку такая подмена лишает категорию количества ее основных признаков, а закон взаимосвязи количества и качества – всеобщности.

Нетрудно обнаружить истоки этого взгляда в *антропоморфизме*. Каждый человек есть личность, притом личность неповторимая, сохраняющая многие свои признаки во всех процессах изменения вплоть до смерти. Преувеличение значения единичного в человеке – весьма общий порок многих философских направлений, особенно идеалистических, отождествляющих специфику личности с душой человека. Каждая душа есть нечто отличное от других, особое качество. Если это рассуждение годилось для Лейбница, а сегодня годится для неокантианства или экзистенциализма (а также для авторов, печатающихся в загребском журнале «Праксис»), то марксизм его принять не может. Признание того факта, что *сущность* индивида определяется *совокупностью общественных отношений* эпохи, нисколько не унижает человека и свободу его личности. На деле каждый член в обществе, при всей неповторимости его личности, есть часть данного класса и данной нации как исторически обусловленных общностей. Но в таком случае качественную определенность индивида надо усматривать не только в его личных особенностях, но и в специфике класса, народа, эпохи.

Не случайно с суждения «Иван есть человек» Ленин предполагал начинать изложение диалектики, усматривая в этом и подобных простейших суждениях ячейку, «клеточку», в которой, как в зародыше, наличествуют все категории и законы диалектики. Поскольку в данном суждении отдельное противопоставляется общему, то оно есть пример тождества противоположностей.

Наличие в нем общего означает, что «всякое отдельное тысячами переходов связано с другого *рода* отдельными вещами, явлениями, процессами», Ленин прямо указывает на присутствие здесь категории сущности и явления, говоря: «Иван есть человек ... мы отделяем существенное от являющегося и противопоставляем одно другому»¹⁵.

Но мы уже показали выше, что многоступенчатость сущности прямо связана с многокачественностью предметов. Путь к общему лежит через «лестницу» особенного. Для того чтобы оказаться человеком, наш Иван должен, кроме того, быть не только данной личностью, но также мужчиной, крестьянином, представителем русского народа, принадлежащим к такой-то, например феодальной, эпохе – и только через все эти (или иные) посредствующие ступени – человеком. Но каждая из этих определенностей является в некотором отношении качественной, с таким же на то основанием, как и первая, исходная, указывающая на то, что данный Иван есть человек и, следовательно, личность.

Ответ второй, по видимости, противоположен первому: качественную определенность ищут не в единичном, а в *общем*.

Наиболее общая характеристика бытия суть материальная, но сказать о любой вещи, что она есть материя (как и о любой идее, что она есть продукт духа) – это значит сказать очень немного. Поэтому обычно останавливаются на первой ступеньке на пути от всеобщего к единичному, т. е. на *виде материи* и соответствующей *форме движения*. Возьмем в качестве примера рассуждение В. И. Свидерского: «Главное качество явления, высшее в процессе развития явления выступает как выражение его целостности. Примером такого качества является природа человека как *социального существа*, как животного, производящего орудия производства»¹⁶.

Что значит сказать о человеке, что главное качество его в том, что он есть социальное существо? Это значит указать на социальную форму движения материи, этот общий признак *всех* людей, как на качественную определенность, т. е. признать *главным* качеством *общее*.

Вернемся еще раз к суждению «Иван есть человек». Оно дает указание на качественную определенность, притом весьма общую,

поскольку общее, отмеченное в слове «человек», отделяет каждого человека, включая нашего Ивана, от всех остальных тел природы, указывает на особое положение человека как социального вида материи и общественной жизни – как высшей формы ее движения. Но мы уже видели выше, что у Ивана есть и другие качественные определенности, поскольку *каждая* ступень особенного на пути от всеобщего к единичному отличается *своей* степенью общего, своим «этажом» сущности и, следовательно, находится в *своем* отношении к ниже- и вышестоящим этажам, а поэтому содержит в себе бесконечную гамму качественных различий. К тому же на каждой данной ступени сущности качественные различия также весьма многообразны, и наш Иван может оказаться одновременно брюнетом, мужем, отцом, охотником, любителем музыки и т. д. и т. п.

Аналогичным образом что значит сказать об организме, что главное его качество состоит в том, что он есть живая материя? Есть ли это качественная определенность, отличающая все живые тела от неживых? Безусловно. Но разве только в этом заключается качественная определенность, например, муравья? Он принадлежит также к отряду перепончатокрылых, к семейству насекомых и к определенному виду муравьев, и каждая из этих определенностей тоже есть качественная, но каждая – в своем отношении.

Таким образом, оба ответа неудовлетворительны, ибо называют качеством тела то, что более всего бросается в глаза, т. е. либо очень общий признак, либо совокупность индивидуальных черт. И то и другое, безусловно, есть качество тела, но в разных отношениях; кроме того, тело имеет бесконечное множество других качеств.

Но, может быть, имеет смысл называть либо то, либо другое основным, главным качеством? Второй реальный момент, содержащийся в представлении об основном качестве, таков: диалектика действительно требует – в отличие от эклектики – выделять основной признак предмета. Но диалектика требует выделять основной признак в определении предмета, а тем самым и основное объективное отношение предмета к остальным предметам в данных, *конкретных условиях*. Поскольку это требование было сформулировано В. И. Лениным во время дискуссии 1920–1921 гг. о проф-

союзах и в качестве примера фигурировал знаменитый стакан, то нам необходимо вернуться ненадолго к стакану.

Действительно, стакан не имеет какой-то одной качественной определенности. В понятии «стакан» прежде всего зафиксировано отличие стакана от всех иных предметов, созданных людьми для своих практических нужд, и в этом отношении различия между стаканами несущественны. Но если идти далее, то качественные различия возникают при разных способах употребления стакана. Согласно Ленину, стакан есть и инструмент для питья, и пресс-папье, и помещение для пойманной бабочки, и предмет, имеющий художественную ценность, и т. п. Качественных различий в связях стакана с действиями человека бесконечно много. Но если стакан мне сейчас нужен как инструмент для питья, то качественное различие пролегает не между стаканом и всеми другими предметами, а внутри «царства стаканов» – между стаканами, из которых можно напиться, и стаканами, для этой цели непригодными. В этой практической ситуации определение стакана как инструмента для питья станет главным определением, несущим в себе указание на качественную определенность действия, в котором стакан применяется. Но это есть и качество предмета, ибо в применении к созданному нами стакану общее требование диалектики брать предмет в его развитии означает необходимость учитывать, что «меняется назначение стакана, употребление его, связь его с окружающим миром»¹⁷. Следовательно, наличие главного, основного качественного отличия и, что то же, главной, основной качественной определенности есть требование диалектики постольку, поскольку оно отнесено к конкретной ситуации, к определенной системе отношений, а не выдвинуто вообще. Толковать о главном, основном качестве предмета вне определенной системы отношений – это уже значит *не* считаться с требованиями диалектической логики.

Подведем итог сказанному. Категории качества и количества могут быть поняты лишь в связи друг с другом и с рядом других категорий диалектики. Наиболее близки к ним категории тождества и различия, настолько близки, что без понимания качества и количества как степени различий и изменений нельзя дать даже самые первичные определения этих категорий. Тождество предполагает наличие общего, а различные степени общего, притом

необходимого общего, выражаются в категориях сущности и явления. Качественные различия есть различия существенные, количественные – несущественные. Поскольку же сущность имеет разные порядки, противоречива и многообразна, то качественные (и тем более количественные) различия относительно, различие в одном отношении качественное в ином отношении выступает как различие количественное. Каждая данная вещь (свойство, отношение) имеет много различных качеств, поскольку объективно находится в самых различных отношениях с другими вещами (свойствами, отношениями). Ни целостность данного конкретного предмета, ни его принадлежность к определенному классу предметов не могут рассматриваться безотносительно к системе отношений как основное, главное и тем более единственное качество.

Примечания

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 72.

² Гегель. Энциклопедия философских наук. М.; Л., 1930. Ч. 1: Логика. С. 157.

³ См., напр.: Мелюхин С. Т. О диалектике развития неорганической природы. М., 1960. С. 116; Он же. Материя в ее единстве, бесконечности и развитии. М., 1966. С. 331; Будрейко Н. Философия, физика, химия. М., 1964. С. 140; Кузьмин В. В. Категория меры в марксистской диалектике. М., 1996; Воробьев Л. В., Каганов В. М., Фурман А. Е. Основные категории и законы материалистической диалектики. М., 1962. С. 208.

⁴ См.: Свидерский В. И. К проблеме многокачественности явлений // Вестн. ЛГУ. 1958. № 17.

⁵ Тугаринов В. П. Соотношение категорий диалектического материализма. Л., 1956. С. 77.

⁶ Андреев И. Д. Основные законы и категории материалистической диалектики. М., 1959. С. 126.

⁷ Вопрос о соотношении понятий «количество», «величина», «число» требует специального рассмотрения.

⁸ Мелюхин С. Т. О диалектике развития неорганической природы.

⁹ Шептулин А. П. Диалектический материализм. М., 1965. С. 203.

¹⁰ Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 200.

¹¹ Андреев И. Д. Основные законы и категории материалистической диалектики. С. 130.

¹² Шептулин А. П. Диалектический материализм. С. 201.

¹³ Диалектический материализм / Под ред. А. Д. Макарова, А. В. Вострикова, Е. Н. Чеснокова. М., 1962. С. 184.

¹⁴ Шептулин А. П. Диалектический материализм. С. 201.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 321.

¹⁶ Свидерский В. И. К проблеме многокачественности явлений. С. 71.

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 72.

Лекция 14

Структура как философская категория

Прогресс научного знания в XX в. находит свое философское обобщение в развитии диалектического материализма. Диалектический материализм как всякая теоретическая наука представляет собою систему категорий, в совокупности своей отображающих наиболее общие связи и законы мира. Развитие диалектического материализма находит концентрированное отражение в совершенствовании системы категорий, притом двояким образом: обогащаются устоявшиеся, «классические» категории, которые можно уподобить узлам в логическом каркасе философской системы, и происходит становление новых либо ранее уже намеченных пунктиром узлов этого каркаса.

Если в столь общей форме данная мысль обычно не встречает возражений, то несколько иным образом обстоит дело при конкретном рассмотрении философских категорий или «кандидатов» в таковые. Здесь дают о себе знать крайности. Нередко приходится наблюдать опрометчивые попытки причислить к философским категориям понятия, заимствованные непосредственно из физики (например, инвариантность), кибернетики (например, информация) и других наук, которые либо не обладают всеобщностью, либо их всеобщность по своей природе физическая, т. е. такова же, как, например, всеобщность тяготения. Эти попытки вызывают ответную реакцию: во многих трудах по диалектическому материализму перечень категорий ограничивается только теми, которые встречаются у Энгельса, а любые дополнения к этому перечню прямо либо подспудно расцениваются как нечто противоречащее установкам, сформулированным классиками марксизма.

В данном случае истина оказывается лежащей где-то посередине. Но для того, чтобы найти в этой «середине» истину, требуется конкретный анализ конкретной ситуации, т. е. анализ философского содержания каждого данного общенаучного понятия. Сказанное в полной мере относится и к понятию структуры, которое в философской литературе употребляется постоянно и, более того, стало объектом специальных исследований. Можно ли считать структуру философской категорией? И если да, то каково ее содержание и место в системе философских категорий? Вот вопросы, на которые мы хотели бы дать достаточно полный ответ.

Нам представляется бездоказательной точка зрения, будто понятие структуры порождено научно-технической революцией XX в. и, в частности, появлением новых областей знания, таких как кибернетика и семиотика. Значение этого понятия действительно возросло в связи с появлением названных наук, но и – в не меньшей степени – в связи с прогрессом математики, лингвистики, этнографии и т. д. Однако понятие структуры отнюдь не ново, оно обладает достаточно внушительным стажем. Латинское слово «структура» переводится на русский как «строение». Классическая химия XIX в. выдвинула теорию строения молекулы; физика начала XX в. создала теорию строения атома; квантовая физика и квантовая химия развили эти теории дальше. Следовательно, по существу своему понятие *строение, структура* в науке не отличается новизной. Другое дело, что именно в середине XX в. оно получило распространение и в общественных науках и, более того, «вошло в моду».

Но точно так же, как использование эмпириокритиками понятия «опыт» не может поколебать нашего почтения к опыту, так и использование термина «структура» так называемым структурализмом (а также близкими течениями, например, функционализмом в социологии и т. д.) не должно как-либо сказываться на нашем отношении к структуре реальных объектов, а тем самым и к отображающему ее понятию. Но при этом, само собою ясно, надо отделять структуру как чрезвычайно богатое по своему содержанию научное понятие, имеющее философский смысл, от спекуляций вокруг этого понятия.

Если говорить о марксистской философской литературе, то указанные выше крайности проявляются в ней в трактовке структуры следующим образом. С одной стороны, появилось немало статей и книг, в которых системно-структурные методы исследования, развитые Соссюром, Бертраланфи, Леви-Строссом и другими учеными применительно к той или иной конкретной области знания, пересказываются от лица философии марксизма, притом пересказываются так, что либо вовсе не ставятся в связь с диалектикой, либо неявно противопоставляются ей. Встречающееся в ряде эстетических работ определение сущности искусства по произвольному набору признаков демонстрирует нарушение элементарных требований диалектики. Между тем такого рода определения подчас оцениваются лишь как нестрогий системный подход, поскольку совокупность взятых признаков не является необходимой и достаточной для характеристики объекта. Безусловно, выбор из многих, а строго говоря, из бесконечного числа признаков объекта существенных и выяснение характера взаимосвязи между ними есть важнейшее требование научного познания, которое вытекает как из диалектики, так и из системного подхода, поскольку последний стихийно или сознательно опирается на диалектику. Однако это не дает оснований более широкие и более общие требования, предъявляемые теоретическому мышлению диалектикой, подменять более узкими требованиями системно-структурного подхода.

Другие авторы увязывают диалектику и системно-структурный подход, но так, что диалектика оказывается подчиненной стороной. Весьма характерна в этом отношении постановка вопроса у В. С. Тюхтина, который пишет, что, по его мнению, «эффективная переработка философских категорий лежит... на пути *перееосмысления* содержания категорий и законов материалистической диалектики *на основе системно-структурного подхода...*»¹. О. С. Зелькина попыталась выполнить намеченную В. С. Тюхтиным программу², хотя по существу (и к счастью) отошла от этой программы и не без успеха рассмотрела ряд категорий диалектики в их связи с категориями элемента и структуры.

С другой стороны, реакция на модничанье подчас оказывается чрезмерной. В интересующем нас случае это находит свое проявление в попытках объявить системно-структурный подход не име-

ющим отношения к философии, поскольку, мол, это метод конкретных наук, который не несет в себе философского содержания. Верная мысль о неправомерности противопоставления системно-структурного анализа диалектике и тем более о «переработке» диалектики утрируется настолько, что сам этот анализ – вопреки фактически уже сложившемуся положению – объявляется не имеющим отношения к философии, а используемые им категории (система, элемент, структура, функция) «отлучаются» от системы философских категорий марксизма. Нам такая постановка вопроса представляется также неправомерной. Системно-структурный анализ и лежащая в его основе теория систем не могут быть полностью отнесены к философии, ибо включают в себя чисто математические разделы и технические приемы исследования. Но они имеют свои *философские основания*, которые к тому же допускают разную интерпретацию. Эти философские основания более всего как раз и дают о себе знать в исходных понятиях системно-структурного подхода, которые обладают всеми признаками философских категорий. Действительно, перечисленные нами выше категории применимы ко всем областям реального мира, также к мышлению и к процессу познания, а не в этом ли основной признак философских категорий? Ниже мы еще вернемся к этому вопросу.

Преодоление указанных крайностей необходимо для того, чтобы развивать диалектику за счет философского обобщения достижений теории систем и системно-структурного подхода. Это означает не переработку диалектики, а обогащение ее категорий, в отношении же понятий «система», «элемент», «структура», «функция» – включение их в общую систему категорий диалектического материализма. Интересы критики структурализма как философского течения также требуют преодоления этих крайностей. Бездумное переписывание у Берталанфи, Леви-Стросса или Парсонса (а примеров такого переписывания можно было бы дать немало), обрамляемое «для приличия» несколькими ссылками на Маркса, вызывает решительные возражения. Но точка зрения, выносящая эти концепции за рамки философии, преодолению этих ошибок не способствует, ибо она тем самым, во-первых, безоговорочно уступает им философское господство в конкретных науках и, во-вто-

рых, не желает видеть тот несомненный факт, что эти концепции фактически используются как философский противовес материалистической диалектике, так как в них выдвигается вполне определенная *философская концепция связи*. В связи с этим нельзя согласиться с позицией В. А. Лекторского и В. С. Швырева, которые полагают, что системный подход тождествен «конкретно-научной разработке методологии» и поэтому не имеет философского характера³. Мы уже писали ранее, что борьба диалектики и ее противников сегодня – это *борьба двух концепций связи и развития*, причем материалистическая диалектика есть научная концепция, в то время как структурализм (в широком смысле) дает одностороннюю трактовку принципа всеобщей связи и разрывает принцип связи и принцип развития⁴.

В данной лекции, специально посвященной анализу категории «структура», мы исходим из того, что системно-структурный подход поневоле оказывается в большей или меньшей степени философским подходом. И все дело, следовательно, в том, какое содержание вкладывать в используемые им основные категории, начиная с основного понятия структуры, которое в наши дни явно приобрело философский характер, притом у самых различных по своей ориентации философских направлений.

Органическое включение этого понятия (и ряда сопряженных с ним) в систему категорий диалектического материализма нам представляется назревшим. Это необходимо как для обогащения системы категорий диалектического материализма, так и для того, чтобы разграничить в системно-структурном подходе техническую сторону (приемлемую при различном мировоззрении) и философскую сторону и, наконец, для критики философских течений, сделавших структуру (систему, функцию) своим знаменем.

Характерная черта «классических» категорий диалектики состоит в том, что каждая из них – в полном соответствии с учением о единстве и борьбе противоположностей – имеет сопряженную категорию, причем они настолько тесно связаны, взаимопроникают друг в друга, что их нельзя рассматривать иначе, как совместно. Более того, случайное всегда в определенном отношении есть необходимое, количественное различие в ином отношении выступает как качественное, сущность выступает как явление по отно-

шению к сущности более глубокой и т. д. и т. п. Иначе говоря, все категории диалектики характеризуют связи, все они соотносительны и все они содержат в себе свою противоположность.

Нетрудно заметить, что структура не имеет «противопонятия» *такого рода*. Наиболее часто сопоставляемое со структурой понятие элемента отображает прежде всего вещественные элементы, а не связи между ними. Диалектическим дополнением элемента как части выступает не структура, а система, т. е. целое. А соотношение части и целого удовлетворяет всем указанным выше требованиям: то, что выступает как часть в одном отношении (к обширному целому), есть целое по отношению к своим частям.

Дело, по-видимому, заключается в том, что диалектический материализм шире, чем диалектика, а философские категории не сводятся к категориям диалектики. Нам уже приходилось говорить о том, что система категорий диалектического материализма включает в себя ряд подсистем, в частности, система гносеологических категорий выступает в качестве одной из таких подсистем⁵. Попытки выделить в системе категорий диалектического материализма ряд связанных между собою подсистем были сделаны рядом ученых⁶. Не обсуждая здесь дискуссионные моменты, содержащиеся в этих трудах, отметим, что категории «вещь», «свойство» и «отношение», как правило, выделяются в группу, в подсистему онтологических категорий, т. е. категорий, характеризующих самоё объективную реальность, а не процесс познания. Специфика этой группы (узла, подсистемы), ее отличие от категорий диалектики, отображающих связь и развитие, несомненна, поскольку именно в этой группе категорий фиксируется соотношение материи, ее свойств, присущих ей отношений. Если «вещь» – понятие того же ряда, что и понятия «тело», «материя», то понятие «отношение» в своем исходном, базисном смысле выступает как отношение между материальными телами, вещами. Отношения между вещами обладают объективностью, т. е. существуют независимо от сознания, и в этом смысле материальны. Они присущи материи, но они не есть сама материя как таковая.

Здесь уместно сделать два замечания. Во-первых, мы не будем рассматривать вопрос о свойствах, которые проявляются через отношения, – это нас уводит от темы в сторону. Несомненно, что

объективность в указанном смысле присуща и свойствам материи, включая такие коренные ее атрибуты, как пространство, время, движение. Во-вторых, отношение может быть, безусловно, не только отношением между вещами, но и соотношением вещей и свойств, отношением объективных отношений, отношением мысли к объекту и, наконец, отношением мыслей, т. е. отношением в духовной сфере между идеальными объектами. Иначе говоря, над объективными отношениями между вещами как отношениями первого порядка надстраиваются отношения второго и т. д. порядков в материальном мире и вся эта иерархия отношений находит отображение в сознании, включая изучение отношений между понятиями высокой степени абстракции. Но этот общеизвестный факт не должен закрывать собой то, что объективные отношения между вещами лежат в основе всей иерархии отношений. Именно объективные отношения между вещами должны быть в центре внимания при анализе понятия структуры в его первоначальном, исходном значении.

Понятие «структура» – вместе с понятием «элемент» – появляется при пересечении двух различных плоскостей сечения объективной реальности. Одна из этих плоскостей была уже упомянута выше: она членит объективную реальность на материю как таковую и присущие ей отношения (и свойства), на *вещи и отношения*. Первое выступает как носитель, как субстанциальная основа второго, вещи не существуют вне отношений и помимо них, но вместе с тем отличны от них. Так, притягивающиеся тела, будучи носителями сил гравитации, отличны от этих сил и от закона тяготения; взаимодействующие в химической реакции атомы отличны от электромагнитных сил химического сродства, люди – от существующих между ними общественных отношений.

Вторая плоскость сечения появляется тогда, когда мы переходим от общего к отдельному, от вещей вообще – к отдельной вещи и тем самым от отношений вообще – к отношениям, объективно существующим внутри данной вещи, а также между данной вещью и иными вещами. Неисчерпаемость материи, ее бесконечность вширь и вглубь находит свое выражение в категориях *целого* и *части*. Любой предмет, любое отношение, самостоятельное бытие выступает как нечто ограниченное от других предметов, как це-

лое. Но целое состоит из взаимосвязанных, взаимодействующих, переплетающихся друг с другом частей. В свою очередь, каждая из этих частей выступает как целое, и так без конца. Эта старая философская идея вполне может быть выражена и в понятиях теории систем. Целое есть система, которая состоит из элементов (частей, подсистем), а элементы, в свою очередь, суть системы низшего порядка. Иначе говоря, каждое тело, взятое в определенном «разрезе», выступает как система, обладающая определенной структурой, а *структура есть взаимосвязь элементов* или, что то же, *взаимоотношение элементов*. Мы не видим принципиального различия между категориями «связь» и «отношение», полагая их однопорядковыми.

Само собой разумеется, что части системы, ее элементы обладают «элементарностью» во вполне определенном отношении. Так, атом элементарен как носитель сил химического сродства, но вовсе не элементарен и даже, напротив, выступает как система по отношению к ядру и элементарным частицам. Последние, будучи элементами в системе атома, обладают строением, которое ныне подлежит выяснению: «Электрон так же неисчерпаем, как и атом, природа бесконечна...»⁷

Итак, структура и элементы суть не что иное, как *отношения и вещи*, конкретизированные применительно к *отдельному* объекту, который рассматривается как *целое*, состоящее из *частей* или, иначе, как система, состоящая из элементов, находящихся в определенной связи. *Структура есть связь элементов системы, отношение между элементами системы.*

Изложенное понимание структуры как философской категории, на наш взгляд, имеет опору в известном предисловии «К критике политической экономии». Объектом рассмотрения К. Маркса являлось общество на определенном этапе развития производительных сил и производственных отношений: «Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества»⁸. Под структурой К. Маркс понимает, таким образом, *совокупность отношений*. Поскольку объект был определен ранее (общество), угол рассмотрения объекта как системы (экономическая система) был также точно указан, под вещественными элементами общества подразумеваются классы, социальные груп-

пы и в конечном счете индивиды, то определение структуры как *совокупности отношений между входящими в систему элементами* может быть кратко воспроизведено как «совокупность отношений».

В отечественной философской литературе, однако, доминируют иные определения. В основном они сводятся к двум типам. Первый из них представлен прежде всего В. И. Свидерским, много сделавшим для анализа структуры и близких к ней категорий.

В одном пункте наше определение существенно отличается от определения, данного В. И. Свидерским и многими иными за ним следующими авторами. В. И. Свидерский пишет: «Под понятием структуры мы будем понимать *принцип, способ, закон* связи элементов целого, систему отношений элементов в рамках данного целого»; в другом месте о структурах говорится, что это «*способы, принципы, законы* связей и отношений»⁹ (выделено мной. – М. Р.). Заметим мимоходом, что термин «принцип» в данном случае не подходит, так как принципы принадлежат познанию, мышлению, а речь идет о самой объективной реальности. Не очень удачно также употребление в данном контексте термина «система», ибо одновременно речь идет о целом как системе, включающей в себя и элементы, и структуру. Если структура есть «система отношений», то чем она отличается от системы как целого, вещи, объекта? Именно из таких терминологических неточностей могут вырасти попытки отождествления структуры с системой, и об этом речь впереди.

Но главное не в этих неточностях. Если определить структуру просто как закон связи элементов (опустив «способы» и «принципы»), то это определение, на наш взгляд, сужает понятие структуры, ограничивая совокупность отношений *законом* этих отношений, или, что то же, выбирая из всех связей только *существенные*.

Но почему структура – это только *закономерные* связи? Кристалл полупроводника, например германия, имеет определенную структуру. Закон этой структуры – вполне определенный геометрический порядок расположения атомов в узлах решетки при отсутствии дефектов и примесей. Но реальный кристалл всегда имеет нарушения решетки и примеси, и, кстати сказать, способ практического использования кристалла германия определяется тем, насколько велики эти нарушения и примеси.

Реальная структура кристалла есть совокупность конституирующих данное целое связей между элементами (атомами, молекулами, ионами – в зависимости от типа кристалла). Эта структура подчинена у каждого кристалла определенному *закону*, который, как все законы, как всякая общая необходимость, проявляется через случайности. Безусловно, при познании строения кристалла главная наша задача – выяснить закон его строения. Но из этого не следует, что закон исчерпывает реальную структуру, реальную совокупность связей.

Аналогичным образом обстоит дело и при рассмотрении экономической структуры общества. Эта структура есть совокупность связей между элементами, т. е. между классами, социальными группами, индивидами, взятыми в их отношении к производству. При познании экономической структуры главное внимание обращается, безусловно, на познание закономерностей экономической жизни общества данной формации, на законы его деления на классы, на законы классовых отношений, классовой борьбы. Но реальная структура и в данном случае не исчерпывается законами. И в познании, и в практической деятельности необходимо учитывать не только экономические законы и законы классовой борьбы, но также конкретные формы их проявления на данном этапе, не только закономерные тенденции развития классовой структуры, но и флюктуации, отклонения, через которые тенденции только и могут действовать. Так, мелкое производство в целом сокращается в развитых странах, но в данном году в данной отрасли оно может расширяться, так что число мелких собственников временно возрастет. Подобные флюктуации социальной структуры, безусловно, также подлежат изучению. Нам представляется несомненным, что Марксово понятие экономической структуры общества вбирает в себя не только законы, но и формы их проявления.

Иначе говоря, если главное и в самой структуре, и в процессе ее познания – законы, то из этого не следует, что структура – это *только* закономерная связь между элементами. Многие авторы это чувствуют и в своих определениях структуры пытаются смягчить достаточно жесткую формулировку В. И. Свидерского. Например, в книге «Структура и формы материи» читаем: «Структура может характеризоваться как некоторое относительно устойчивое отношение связей вещественных элементов»¹⁰.

Опустим вопрос о вещественности элементов. Применительно к материи справедливо говорить прежде всего о них, более общее определение системы, элементов и структуры должно включать в себя системы, элементами которых могут выступать акты обмена или вообще взаимодействия между людьми (из чего исходит, кстати сказать, вся «теория социального действия» Т. Парсонса), т. е. система и ее элементы могут быть взяты целиком в сфере отношений. Но здесь нас интересует иное, а именно слова «относительно устойчивое». То, что структура обладает относительной устойчивостью, несомненно. Но столь же несомненно, что она обладает и «относительной подвижностью» (изменчивостью и развитием). Если в определение вводится только одна сторона диалектической противоположности, то это означает, что в определение введен закон, сущность, которая обладает сравнительно с явлением большей устойчивостью. Связывать структуру только с устойчивостью – значит делать шаг во вполне определенном направлении. Структурализм в этнографии, структурно-функциональная школа в американской социологии и т. д. – все они так или иначе противопоставляют структуру развитию¹¹.

Преувеличение этой стороны, соединенное с отказом от выяснения специфики структуры, находит свое выражение во втором типе определений, когда под *структурой* понимают *закон системы*. Подобное понимание структуры так или иначе сводит систему к структуре. Но в известной мере подобная точка зрения получила распространение и в философской литературе, подчас даже в справочной. Например, Н. Ф. Овчинников полагает, что структура покрывает собой и элементы, и систему, вмещая в себя «устойчивость» последней, вследствие чего он вводит «три аспекта» структуры: аспект элементов, аспект связей и аспект целостности¹². В своей статье в «Философской энциклопедии» этот же автор определяет структуру как «относительно устойчивое единство элементов, их отношений и целостности объекта, инвариантный аспект системы»¹³.

В этом определении структура, во-первых, поглощает элементы, их отношения (т. е. структуру как таковую) и связь первого и второго, т. е. полностью равнозначна системе, целостному объекту. Во-вторых, для того чтобы разделить структуру и систему, под

структурой понимается «относительно устойчивое». А это, как мы уже подчеркивали, есть иное название закона, ибо закон как существенное отношение обладает большей устойчивостью, чем система в целом. Дополнительное определение («инвариантный аспект системы») еще более его ухудшает. Инвариантность есть сохраняющееся в процессе превращений. Инвариантностью обладают наиболее фундаментальные законы физики; применять этот термин в других областях, например в биологии или общественных науках, нет нужды. Следовательно, вводить это понятие и в общее определение структуры не следует.

Итак, нам представляется, что определение, отождествляющее структуру с законом системы, не выдерживает критики. Оно противоречит как этимологии слова «структура» (строение), так и общепринятому его употреблению в науке. Что же касается философского содержания понятия структуры, то истолкование структуры как закона приводит всего-навсего к появлению синонима у категории «закон», и тем самым категория структуры как особая категория становится просто ненужной.

Совершенно иным образом обстоит дело, когда мы исходим из философского содержания категории «структура» – как *отношения элементов в системе*. Система, элементы и структура, появляясь на пересечении категорий «вещь» и «отношение», «часть» и «целое», заполняют намеченные ранее лишь пунктиром узлы в системе категорий диалектического материализма. И если первоначальный смысл понятия структуры вытекает из применения этого понятия к связи между вещами, телами как материальными объектами, состоящими из материальных же частей, то надстройка над этим базисным значением поистине необъятна. Мы уже отмечали выше и хотим еще раз подчеркнуть, что элементами материальной системы могут быть не только тела, но и отношения и что система может быть мыслительной, а это предопределяет для данного случая идеальный характер как элементов, так и структуры.

Именно это обстоятельство эксплуатируется позитивизмом, который, находя идеальные элементы в создаваемых нашим мышлением системах, переносит это правило и на объекты, включая объекты природы, вследствие чего исходное различие между элементами и структурой как вещами и отношениями затемняется

и вовсе исчезает. Если для структурализма структура в общем представляется чем-то застывшим, не подлежащим развитию, то для материалистической диалектики развитие объектов, безусловно, включает в себя развитие их структур.

Онтологические проблемы находят свое продолжение в проблемах гносеологических. Если структура есть связь элементов системы в реальном мире, а также в мышлении, то как соотносятся между собой структура объекта и структура нашего представления о нем? Из общих посылок теории отражения следует, что структура наших представлений об объекте является более или менее точным отображением структуры объекта. Но то, что представляется весьма простым в случае наглядного представления, не столь просто в случае наиболее абстрактных продуктов сознания, к каковым относятся и научные теории. На наш взгляд, теория отражения, стоящая на позициях диалектики и кладущая практику в свою основу, позволяет обнаружить в иерархической структуре научной теории более или менее полное и точное отображение иерархии реальных структур объекта. Именно это имеет решающее значение для критики структурализма, склонного отождествлять реальные структуры либо с бессознательными структурами человеческого поведения, либо с конструкциями, сознательно создаваемыми мышлением.

Примечания

¹ Тютин В. С. Системно-структурный подход и специфика философского знания // Вопр. философии. 1968. № 11. С. 57.

² Зелькина О. С. Системно-структурный анализ основных категорий диалектики. Саратов, 1970.

³ Лекторский В. А., Швырев В. С. Актуальные философско-методологические проблемы системного подхода // Вопр. философии. 1971. № 1. С. 150.

⁴ См.: В. И. Ленин и диалектика. Свердловск, 1970. С. 7–11.

⁵ См.: Руткевич М. Н. Актуальные проблемы ленинской теории отражения. Свердловск, 1970. С. 21–22.

⁶ См.: Тугаринов В. П. Соотношение категорий диалектического материализма. Л., 1956; Уемов А. И. Вещи, свойства и отношения. М., 1963.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 277.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 6–7.

⁹ Свидерский В. И. О диалектике элементов и структуры. М., 1962. С. 18, 26 и след.

¹⁰ Структура и формы материи. М., 1967. С. 154.

¹¹ См. об этом, напр.: Угринович Д. М. Марксизм, структурализм, функционализм // Вестн. МГУ. Сер. филос. 1970. № 3. С. 49–50.

¹² См.: Овчинников Н. Ф. Принципы сохранения. М., 1970. С. 271.

¹³ Философская энциклопедия. М., 1970. Т. 5. С. 140.

Лекция 15

Структура и отношение

В различных областях знания в настоящее время широко используются такие понятия, как организация, упорядоченность, строение, структура, закон. Это близкие, родственные, но не совпадающие друг с другом понятия¹. В данной лекции ставится цель выявить взаимосвязь этих понятий, рассматриваемых как различные характеристики *отношений*.

Авторы, анализирующие понятия организации, упорядоченности, строения, структуры, связывают их с представлением об объекте как некоем целом, состоящем из частей, как системе, состоящей из элементов. Но вопрос о соотношении указанных понятий решается по-разному. Так, по мнению В. А. Маркова, «упорядоченность – это область отношений. Структура же в самом общем ее понимании охватывает и вещи, и свойства, и отношения»². На наш взгляд, упорядоченным, т. е. обладающим определенным порядком, может быть не только множество отношений, но также множество вещей и их свойств. В. А. Марков сближает понятие «порядок» с понятием «организация», которое выражает соотношение элементов системы друг с другом.

Пожалуй, наиболее широким в ряду обсуждаемых понятий выступает понятие *организации*. У. Р. Эшби, к примеру, исходит при определении понятия «организация» из предположения о существовании некоторого абстрактного пространства – «пространства возможностей», наличие организации при этом связывается с зависимостью и обусловленностью и эквивалентно «существованию ограничений в пространстве возможностей»³. Иначе говоря,

организация допускает варьирование характера и степени зависимости между элементами, определенное разнообразие их взаимосвязей и взаимоотношений.

Одной из форм организации является *упорядоченность*. Вся система отличается определенной упорядоченностью своих элементов «Система, – пишет Ст. Бир, – есть одно из названий порядка, противоположность хаосу»⁴. Под упорядоченностью при этом понимается некоторая закономерная последовательность элементов «в пространстве, времени, определенное закономерное их соотношение по величине, интенсивности, согласованности всех функций и т. д.»⁵

Представление о *законах и закономерностях* связано с упорядоченностью. В. И. Ленин отмечал как очень важный момент то, что Гегель сближает понятие закона с понятиями порядка, однородности, необходимости и т. п.⁶ Такие же выводы следуют из системно-структурного анализа. И. Б. Новик, например, отмечает, что упорядоченность системы необходимо должна быть связана с соответствующей данной системе некоторой объективной закономерностью⁷. Еще более определенно высказывается Е. Вигнер, сопоставляя законы физики с беспорядочным характером начальных и граничных условий, определяющих область существования тех или иных закономерностей. «Законами природы, – пишет Е. Вигнер, – называют те регулярности в явлениях природы, которые пытается раскрыть физика»⁸; понятие регулярности близко к понятию упорядоченности. Дж. Займан проводит ту же самую мысль, утверждая, что теорию физических свойств твердых тел практически невозможно было бы создать, если бы большинство из них не было построено по типу регулярных кристаллических решеток⁹.

Изменение данного типа упорядоченности в связях между элементами системы приводит к преобразованию объекта, переходу его в иное качественное состояние. Например, различные комбинации операций точечной симметрии (поворотов, отражений, инверсий, поворотов с последующей инверсией) кристалла приводят к 14 различным типам пространственных решеток (решетки Браве), которые обуславливают специфическую форму кристалла и многие его свойства¹⁰. Изменения агрегатных состояний веще-

ства также обусловлены изменениями в характере упорядоченности молекул.

Упорядоченность не существует без своей противоположности. Наряду с отношениями порядка, в любой системе существуют отношения беспорядка, причем на каждом «уровне» это противоречие должно рассматриваться особо. Так, в физике различают модификации упорядоченности: ближний порядок, дальний порядок, высшие степени порядка. Каждая из модификаций упорядоченности характеризует конкретные свойства вещества с точки зрения ее организации. Так, ближний порядок характерен для жидкостей, дальний порядок – для кристаллов. В качестве высших степеней порядка могут выступать отношения изоморфизма, гомоморфизма и др.

Не любой порядок, организация элементов (частей) выступает в качестве устойчивого инварианта. Например, куча камней «организована», «упорядочена» в отличие от камней, хаотически разбросанных по некоторой площади; но нельзя говорить о сохранении этой упорядоченности данного относительно устойчивого образования при различных внешних воздействиях. Когда же появляется инвариантность данной упорядоченности, организации? По-видимому, тогда, когда из ограниченного круга возможных связей, отношений между частями (элементами) объекта выделяются наиболее существенные, необходимые связи и отношения, которые сохраняются при различных внешних взаимодействиях, будучи направлены на сохранение целостности данного объекта и его функционирования.

Подчас высказывается мнение, согласно которому структура включает в себя упорядоченность, организацию, поскольку, мол, структура есть «инвариант системы, то есть устойчивые элементы, связи и отношения»¹¹. На наш взгляд, подобное толкование структуры является расширенным, поскольку структура тем самым оказывается *законом, сущностью* системы. С другой стороны, стремление охарактеризовать систему единым структурным инвариантом сужает понятие системы.

Первоначально мысль о структуре как инвариантном аспекте системы была в нашей философской литературе высказана Н. Ф. Овчинниковым. В этой идее конкретизировано представле-

ние о стабильной основе, которая делает объект системой. Но, согласно Н. Ф. Овчинникову, инвариантность выступает как закон сохранения вещей, свойств и отношений в системе¹². Из этого следует вывод, который был подвергнут критике М. Н. Руткевичем, а именно вывод о структуре как законе функционирования системы, законе, покрывающем не только сферу отношений между элементами, но и сами элементы.

На наш взгляд, для полной характеристики системы представляется целесообразным различать три взаимосвязанных аспекта системы: *субстанциальный*, связанный с природой элементов, составляющих систему; *организационный*, связанный с разнообразием отношений, связей между элементами системы; *функциональный*, связанный с поведением элемента в системе и системы в более широком системном образовании. Каждый из этих аспектов может быть охарактеризован специфическим инвариантом, раскрывающим существенные стороны объекта, понимаемого как система, соответственно составом, структурой и функцией. *Состав, структура, функция* представляют собой не только три важнейшие стороны системного объекта, но вместе с тем и три основных уровня его исследования¹³.

С этой точки зрения структура системы включает в себя совокупность конституирующих данную систему отношений между элементами. Главное в ней – существенные связи, которые не изменяются при преобразованиях данной системы из одного состояния в другое. Это главное в структуре – поскольку речь идет, по крайней мере, о природных объектах – может рассматриваться как инвариант организации системы. Инвариантны не все проявления организованности, но только наиболее устойчивые отношения, сохраняющиеся в данной системе при различных внешних и внутренних взаимодействиях. Учитывая, что структура шире, чем ее закон, нельзя не видеть тесной связи категории структуры с категориями закона и сущности.

Как и структура, законы выражают инвариантное, устойчивое в организации системы и ее поведении. Но каждый закон, взятый в отдельности, есть существенное отношение между отдельными сторонами или группами сторон системы. В своей совокупности законы взаимодействия, присущие данной системе и характеризующие ее поведение как целого, определяют структуру системы.

Структура показывает, как возникает целое из элементов, каким образом элементы связаны друг с другом, какие устойчивые связи между ними делают закономерным существование данного целого. Структура выражает принципиальную неотделимость элементов и подсистем друг от друга и от самой целостной системы благодаря наличию глубоких и тесных взаимодействий как между элементами подсистем, так и между ними и всей системой. Структура, указывая предел возможного варьирования взаимозависимости в некотором «пространстве возможностей», предел возможных изменений в организации системы, выступает той мерой, за границами которой количественные изменения зависимостей определенного типа ведут к качественному изменению. Переход через границу меры есть коренное изменение структуры материального объекта, что, в свою очередь, влечет за собой качественное изменение самого объекта.

Выше мы говорили о структуре материальных систем, притом состоящих из определенного вида материи. Тип структуры определяется видом исследуемой системы. Но структура присуща и идеальным системам, в которых наука отображает реальные системы, знаковым системам и т. д. Конкретный характер структуры различен для материальных и концептуальных систем.

В математике, например, широко распространено понимание структуры как совокупности отношений безотносительно к природе изучаемых объектов¹⁴, так как математика абстрагируется от качественных различий в объектах. Чтобы определить математическую структуру некоторого множества элементов, задают одно или несколько отношений, в которых находятся элементы множества; взаимодействия между ними определяются через совокупность некоторых математических операций. Поскольку отношения могут быть по своей природе весьма разнообразными, в математике выделяют основные структуры и сложные структуры, которые органически скомбинированы при помощи одной или нескольких аксиом из основных структур¹⁵.

Математическая структура моделирует некоторые определенные объективные отношения. Наиболее общие отношения в математике выступают как «порождающие структуры»¹⁶. Прежде всего это алгебраические структуры, которые характеризуются законом композиции, т. е. таким отношением между тремя элементами,

которое определяет однозначно третий элемент как функцию двух первых; структуры порядка, определяемые отношением порядка, которое чаще всего выражается словами «некоторый элемент больше (меньше) или равен другому»; топологические структуры (топологии), в которых находят абстрактную математическую формулировку интуитивные понятия окрестности, предела и непрерывности.

Математическое понимание структуры пригодно при исследовании материальных систем в пределах возможного отвлечения от природы элементов, составляющих систему, когда мы выделяем наиболее общие стороны объектов данного уровня организации. Например, в кристаллографии с помощью теории групп было теоретически выделено 230 возможных типов кристаллов. Справедливость теоретического вывода была впоследствии подтверждена практически.

Изучение математикой структуры объекта вне связи с определяющими ее элементами возможно вследствие определенной автономности¹⁷ структур, которая проявляется, в частности, в изоморфизме – подобии структур качественно различных систем. На основе этого в различных науках (к примеру, в гидродинамике, теории упругости, акустике, теории электричества и магнетизма, теплоты) формулируются аналогичные с математической точки зрения задачи, разрешающиеся одними и теми же математическими методами.

Однако выяснение этих «чистых» отношений не исчерпывает всей сложности, многообразия материальной системы, для достаточно полной характеристики которой необходимо учитывать природу элементов, составляющих систему и объединенных определенной структурной связью. Именно так обстоит дело, например, в кристаллофизике. Поэтому нельзя сводить структуру к «чистой схеме отношений».

Перейдем к вопросу о взаимосвязи понятий «строение» и «структура». На наш взгляд, понятие структуры характеризует более высокий уровень внутренней организации системы, чем понятие строения.

Под строением физического объекта обычно понимают единство элементов и их связей, необходимое для поддержания устойчиво-

сти, сохранения объекта как определенной системы. Для характеристики строения системы преимущественное значение имеют отношения порядка, накладывающие ограничения на положение и движение элементов (частей) объектов. Структура накладывает ограничения на специфические отношения – взаимодействия между элементами. Именно взаимодействия обуславливают дифференцированность, многоярусность системы, определяют наличие подсистемных уровней, поддерживают систему в состоянии динамического равновесия.

Структура как высший уровень организации материальных объектов не отрицает существования более низкого уровня организации – строения. Например, атомам всех химических элементов присущ один и тот же способ связи ядра и электронов в атоме – электромагнитное взаимодействие. Но хорошо известно, что атомы химических элементов различаются по своему строению: расположение электронных орбит соответствует количеству нуклонов в атомном ядре и электронов в атомной оболочке.

Современная физика часто не позволяет говорить о геометрических формах физических объектов. Это относится уже к атому, точнее, к электронному облаку, окружающему атомное ядро. В наибольшей степени это относится к элементарным частицам. Но и здесь в определенном смысле говорят об их строении. Современная теория позволяет охарактеризовать различие масштабов характерных деталей микрообъектов, в частности выделить у некоторых элементарных частиц (например, в нуклоне) периферическую оболочку и ядро (сердцевину) в центре. Периферическая оболочка также не является однородной. В ней различают пространственные области, которым можно приписать существование различного рода виртуальных частиц, связанных с взаимодействиями разного рода. Правда, эти «детали» не есть части элементарных частиц в том смысле, в каком говорят о частях в случае атомов и молекул. Поэтому, характеризуя композицию элементарных частиц, различают понятия «состоит» и «составимо»¹⁸.

Имея относительно самостоятельное существование и свои закономерности, строение как низший уровень организации определяется более высоким уровнем организации – структурой. Р. Кристи и А. Питти, например, утверждают, что определенный

тип кристаллического строения вещества определяется его «физическим строением»¹⁹. Понятие «физическое строение», которое используют Р. Кристи и А. Питти, по своему смыслу совпадает с используемым нами понятием структуры. Физическое строение кристаллов противопоставляется ими чисто геометрическому расположению атомов на том основании, что последнее как раз и определяется характером сил взаимодействия между атомами. Так, симметрия межатомных сил может привести к геометрической симметрии в кристалле: «...сферически симметричные атомы благородных газов при кристаллизации образуют плотно упакованную гранецентрированную кубическую структуру, в то время как несимметричные органические молекулы обычно имеют кристаллические структуры значительно более низкой симметрии»²⁰.

Понятие структуры возникло как необходимое лишь при исследовании достаточно высокоорганизованных систем, что порой используется для отрицания всеобщности структуры. «Структурой обладают только достаточно высокоорганизованные объекты, – пишет А. Э. Воскобойников. – Для описания более простых объектов достаточно такой организационной характеристики, как строение»²¹.

Действительно, при характеристике достаточно простых систем можно не учитывать результат взаимодействия элементов при их объединении в систему. Например, частицы, образующие газ, находятся во взаимодействии, позволяющем им свободно обмениваться энергией и в то же время достаточно слабым для того, чтобы при всех расчетах можно было пренебречь взаимным потенциалом частиц и считать энергию системы равной сумме энергий составляющих ее частиц. Однако познание, идя от явления к сущности, от сущности первого порядка – к сущности второго порядка и т. д., приводит к убеждению, что структурность есть всеобщее, атрибутивное свойство материи²². Так, уже для неидеального газа в случае очень большой плотности частиц приходится учитывать наличие взаимодействия между ними. В более сложных зависимостях приходится учитывать взаимодействие трех, четырех и т. д. частиц, как это имеет место, например, в плазме газового разряда. Как пишут В. С. Барашенков и Д. И. Блохинцев в «квантовой теории поля было осознано, что абсолютно не взаимодей-

ствующих частиц в природе не существует и что даже так называемые “свободные частицы” испытывают сложные взаимодействия с флюктуациями вакуумных полей»²³.

Таким образом, связь таких понятий, как организация, упорядоченность, строение, структура, есть связь категорий, которые принадлежат к одному ряду, но не полностью совпадают. Рассмотрение взаимосвязи этих категорий необходимо для того, чтобы уточнить каждое из них и прежде всего категорию структуры.

Примечания

¹ См.: *Урсул А. Д.* Природа информации. М., 1968; *Марков В. А.* Упорядоченность как категория познания // Изв. АН Латв. ССР. 1968. № 8; *Веденов М. Ф., Кремьянский В. И.* К анализу общих и биологических принципов самоорганизации // Системные исследования. М., 1969; *Кравец А. С.* Вероятность и системы. Воронеж, 1970; и др.

² *Марков В. А.* Упорядоченность как категория познания. С. 21.

³ *Эшби У. Р.* Принципы самоорганизации // Принципы самоорганизации. М., 1966. С. 316, 317.

⁴ *Бир Ст.* Кибернетика и управление производством. М., 1965. С. 277.

⁵ *Кравец А. С.* Вероятность и системы. С. 93.

⁶ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 167.

⁷ См.: *Новик И. Б.* О некоторых методологических проблемах кибернетики // Кибернетику на службу коммунизму. М., 1961. С. 35.

⁸ *Вигнер Е.* События, законы природы и принципы инвариантности // Успехи физических наук. 1965. Т. 85. С. 728.

⁹ См.: *Займан Дж.* Принципы теории твердого тела. М., 1966. С. 13.

¹⁰ См.: *Киттель Ч.* Элементарная физика твердого тела. М., 1965. С. 10.

¹¹ *Урсул А. Д.* Природа информации. С. 96.

¹² См.: *Овчинников Н. Ф.* Категория структуры в науках о природе // Структура и формы материи. М., 1967. С. 11.

¹³ *Кедров Б. М.* Энгельс и диалектика естествознания. М., 1970. С. 437–442.

¹⁴ *Бурбаки Н.* Очерки по истории математики. М., 1963. С. 251.

¹⁵ Там же. С. 255.

¹⁶ Там же. С. 252.

¹⁷ См.: *Зелькина О. С.* Системно-структурный анализ основных категорий диалектики. Саратов, 1970. С. 50.

¹⁸ См., напр.: *Берестецкий В. Б.* Динамические симметрии сильно взаимодействующих частиц // Успехи физических наук. 1965. Т. 85, вып. 3. С. 396.

¹⁹ *Кристи Р., Питти А.* Строение вещества: Введение в современную физику. М., 1969. С. 263.

²⁰ Там же.

²¹ *Воскобойников А. Э.* Формирование понятия «структура» в системно-структурных исследованиях: Дис. ... канд. филос. наук. М., 1967. С. 43.

²² См.: *Зелькина О. С.* О понятии структуры // Некоторые философские вопросы современного естествознания. Саратов, 1959. С. 4; *Свидерский В. И.* О диалектике элементов и структуры. М., 1962. С. 18; *Бранский В. П.* Философское значение «проблемы наглядности» в современной физике. Л., 1962. С. 132.

²³ *Баращенко В. С., Блохинцев Д. И.* Проблемы структуры элементарных частиц // Материалы к симпозиуму «Диалектика и современное естествознание». М., 1966. Вып. 2. С. 81.

Лекция 16

Сущность, явление, взаимодействие

Сущность и явление – «традиционные» категории, они принадлежат к числу основных в материалистической диалектике. Будучи всеобщими, эти категории характеризуют определенные отношения в сфере действительности (онтологический аспект), отношение субъекта к объекту в процессе познания (гносеологический аспект), определенные отношения в сфере мышления (логический аспект). Их онтологическое содержание – основное, определяющее, и в данной лекции эти категории будут рассматриваться только в указанном плане.

Как и любые другие полярные категории¹, явление и сущность должны определяться прежде всего друг через друга, и поэтому исходным моментом в их определении следует считать ленинское положение: «...сущность является. Явление существенно»². В. И. Ленин здесь подчеркивает диалектический характер взаимосвязи явления и сущности, а именно то, что это такие противоположности, которые не могут существовать самостоятельно, одна без другой.

Аналогично обстоит дело и с другими парными категориями: качеством и количеством, содержанием и формой и др. И в той же мере, как явление существенно, форма – содержательна, количество – качественно и т. д. Следовательно, рассматриваемое определение, будучи необходимым, еще недостаточно для раскрытия специфики соотношения между явлением и сущностью и должно

быть поэтому уточнено путем раскрытия их взаимосвязи с рядом других категорий диалектики, столь же общих, как и данные. Рассматриваемые категории не могут быть определены путем подведения под понятия более широкие по той простой причине, что таковых не существует. Действительно, бессмысленно было бы ставить вопрос, какие из категорий более всеобщие – сущность или качество, сущность или содержание и т. д.

Поскольку принципиально невозможно вывести явление и сущность из каких-то других категорий, постольку невозможно избежать «круга», содержащегося в приведенном ленинском положении. Дальнейший анализ должен быть направлен на выяснение отношений координации исследуемых категорий с другими, не менее общими категориями.

Представляется целесообразным попытаться развернуть содержание сущности и явления в соответствии с представлением о мире как совокупности взаимодействующих вещей и, следовательно, исходить из категории «взаимодействие».

Наиболее сжато и вместе с тем точно содержание категории «явление» выражает термин «для-других-бытие». Так, В. И. Ленин писал: «...в частности, диалектика есть изучение противоположности вещи в себе, сущности, субстрата, субстанции, – от явления, “для – других-бытия”»³.

Если же не прибегнуть к не принятому в русском языке гегелевскому термину, то основное содержание этого понятия можно раскрыть следующим образом. К сфере явления относятся те признаки объекта рассмотрения (вещи, предмета, процесса, события, а также явления в широком смысле слова), которые обнаруживаются непосредственно в отношениях объекта с остальным миром. Явление – это та сторона объекта, которой он «предстает» перед остальной действительностью в процессе взаимодействия. В. И. Ленин выписывает из Гегеля в отделе «Явление» следующее: «Вещь имеет свойство, состоящее в том, чтобы производить в другом то или иное и обнаружить себя своеобразным способом в своем отношении к этому другому»⁴.

Но явление – это не сам процесс обнаружения вещи при взаимодействии с другими вещами, а только то, что принадлежит вещи и обнаруживается во взаимодействии. К. Маркс писал, что «свой-

ства данной вещи не возникают из ее отношения к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении...»⁵. Аналогично обстоит дело и с явлением.

Однако мы фиксируем здесь явление через отношения к остальному миру, поскольку в таком случае появляется критерий различения явления и сущности, а именно: явление обнаруживается в них *непосредственно*, в отличие от сущности, которая обнаруживается *только через посредство явления*.

В онтологическом плане не следует отождествлять явление с непосредственно доступным чувственному восприятию; такое отождествление было бы антропоцентрическим.

Явление есть характеристика материальных образований на всех структурных уровнях организации материи. Например, атом имеет определенную валентность, атомный вес, размер – непосредственные характеристики его как целого, в отличие от его сущности. Тезис «Непосредственно чувствам доступны только явления, но не сущность» правилен, но неправилен был бы тезис «Явление – то и только то, что непосредственно доступно чувствам».

Перейдем к сущности. Сущность объекта – это такая его сторона, которая обнаруживается перед остальным миром через посредство явления и оказывается при этом *определяющей* в отношении явлений. Это совокупность основных факторов, обуславливающих в своей необходимой связи существование объекта. Явление – интегральная характеристика объекта как нерасчлененного целого. В категории «сущность» отражается его механизм, объект рассматривается со стороны расчлененности и необходимой связи между частями целого.

Любой объект не представляет собой вечного и неизменного образования, он имеет историю своего становления, оказывается результатом совокупного действия множества факторов. С этой точки зрения, явление выступает как *следствие*, имеющее свою причину. По-видимому, В. И. Ленин видел нечто общее в понятиях «сущность» и «причина явления». «С одной стороны, надо углубить познание материи до познания (до понятия) субстанции, чтобы найти причины явлений. С другой стороны, действительное познание причины есть углубление познания от внешности явлений к субстанции»⁶, – писал он.

Для того чтобы понять сходство и различие сущности и причины, следует различать прежде всего причину в широком смысле слова (полную причину)⁷ и причину в узком смысле слова. Под причиной в широком смысле слова понимается совокупность всех без исключения факторов, необходимых и достаточных для существования данного следствия. Применительно к нашему случаю речь идет о причине того, что объект выступает именно как такое, а не иное явление (к примеру, обладает именно таким цветом, такой формой и т. п.).

Все факторы, входящие в полную причину (а их бесконечно много), имеют определяющий характер, так как без любого из них следствие перестало бы быть таким, а не иным. Однако они неравноценны как по своей роли в механизме образования следствия, так и по своему вкладу в его определенность. Одни из них имеют преходящий характер, угасают в следствии; их выделяют обычно в качестве причины в узком смысле слова, причины действующей. Другие, будучи также необходимыми, оказываются относительно постоянными в ходе становления объекта и его последующего проявления. Их следует отнести к сущности рассматриваемого процесса. Совместное действие этих факторов и причины в узком смысле слова обеспечивает сам факт существования процесса и его характер.

Сходство между действующей причиной и сущностью заключается в том, что они играют определяющую роль в отношении своих противоположностей. Это означает, что причина необходима для существования следствия, сущность – для существования явления; при этом причина и сущность относительно самостоятельны по отношению к следствию и явлению соответственно (одна и та же причина в разных условиях вызовет разные следствия, одна и та же сущность проявляется по-разному).

Разница же между причиной и сущностью заключается в том, что причина всегда *во времени* предшествует следствию, в то время как сущность относительно постоянна, устойчива в процессе становления объекта и в его проявлениях. Поэтому теряет смысл противопоставление сущности и явления во времени: изменение сущности одновременно влечет за собой изменение всех ее проявлений; или же одно проявление может смениться другим, а сущность останется той же.

Проиллюстрируем нашу мысль примером. Ферромагнетик, побывавший во внешнем постоянном магнитном поле, приобретает остаточную намагниченность, т. е. способность воздействовать на движущиеся заряды или на другие ферромагнетики. Такое явление становится возможным потому, что ферромагнетик имеет области спонтанной намагниченности (домены), существование которых, в свою очередь, определяется наличием у элементарных частиц такой характеристики, как спин. В этом и заключается сущность ферромагнетизма. Внешнее же магнитное поле, которое вызвало остаточную намагниченность и исчезло, представляет собой причину явления в узком смысле слова. Различие между причиной и сущностью и их сходство в этом примере очевидны.

Итак, к сущности относится та сторона объекта, которая определяет явление (входит в полную причину) и в то же время относительно постоянна, устойчива, приводит к единству различные стадии несущественных изменений объекта. В сущность входят те факторы, которые не исчезли в ходе становления объекта, присутствуют в нем. Но было бы ошибкой на основании сказанного полностью отождествить сущность объекта с «механизмом» его образования, с его внутренним «устройством», например, отнести к сущности кристалла какого-то вещества всю без исключения совокупность его элементов и связей между ними. Остановимся на этом подробнее.

Сущность обладает не одним возможным проявлением, а множеством. Бывают разные проявления одной и той же сущности.

Действительно, представление о сущности и явлении возникает и развивается как идея о единой основе многообразия вещей, процессов, событий при всей их индивидуальности, неповторимости. Такой основой оказываются, например, вода у Фалеса, атомы у Демокрита. В соответствии с этой идеей разные вещи различаются только по своим поверхностным характеристикам, оказываясь тождественными по своей сущности (например, все вещи в сущности – атомы). Таким образом, разные явления имеют одну и ту же сущность, сущность – всегда общее. Поскольку между сущностью и явлением нет однозначного соответствия, то должны существовать факторы, обуславливающие именно такое, а не иное

проявление сущности. Это прежде всего воздействие на объект той обстановки, в которой он находится. Понятно поэтому, что явление всегда богаче сущности.

Внешняя обстановка, абстрагировавшись от которой можно лишь временно, «деформирует» объект, изменяет в той или иной степени его структуру. Зачастую эти «деформации» могут стать доминирующим фактором среди определяющих явление, особенно когда они необратимы. В таких случаях сущностью становятся те реальные связи (взаимодействия), в которых находился и находится объект: например, сущность жизни – обмен веществ, сущность человека – совокупность общественных отношений. Поэтому мы считаем нецелесообразным связывать явление и сущность главным образом с внешним и внутренним, хотя определения через эти категории широко распространены. Всегда имеется опасность понимания внешнего и внутреннего в геометрическом смысле, а это не соответствует действительному положению дел с сущностью и явлением.

Различие между существенным и несущественным относительно, и граница между ними определяется тем кругом взаимодействий, в котором находится объект. Это, конечно, не означает релятивизма в понимании «механизма» объекта, его «устройства» – оно однозначно. Но в зависимости от внешнего взаимодействия одни из факторов, определяющих объект, выдвигаются на первый план, другие же оказываются «нейтральными» в этом взаимодействии. Вместе с тем для любого реально существующего фактора можно найти такой круг взаимодействий, где он имеет существенное значение.

Так, кристалл какого-то вещества, например германия, обладает определенными механическими и тепловыми свойствами, обнаруживающимися в соответствующих внешних взаимодействиях. Сущностью по отношению к этим свойствам оказывается способ организации атомов в кристалле. Незначительные примеси не влияют существенно на эти свойства и относятся к числу несущественных факторов. Но картина резко меняется при рассмотрении электрических свойств этого же кристалла, его проводимости. Германий – полупроводник, и характер проводимости существен-

ным образом зависит от незначительных примесей в кристалле: примесь пятивалентных фосфора или мышьяка обуславливает так называемый донорный характер проводимости, примесь трехвалентных бора, индия или галлия – акцепторный.

Противоположность сущности и явления относительна, имеет место их взаимопереход. Здесь следует прежде всего сказать о многоступенчатости сущности.

Многоступенчатость сущности означает в онтологическом плане, что фактор, входящий в сущность определенного круга явлений, в свою очередь, сам раздваивается на такие же противоположности – на для-других-бытие и на то, что в нем обнаруживается. Так, по отношению к кристаллу явлением будут его механические, оптические, электрические свойства как целого. К сущности кристалла принадлежит способ организации субстратных элементов – от этого зависят свойства кристалла. Атомный вес, валентность – таковы параметры атомов. Но атом тоже объект, имеющий соответствующие противоположные стороны. Атомный вес, валентность, в свою очередь, оказываются его поверхностными характеристиками, его для-других-бытием, а определяющим по отношению к ним – число протонов и нейтронов в ядре атома. Указанная «сущность сущности» представляет собой сущность второго порядка по отношению к исходному явлению. Многоступенчатость сущности ничем не ограничена, так как природа неисчерпаема. В частности, соотносятся как сущности разного порядка так называемые структурные уровни организации материи: элементарные частицы, атомы, молекулы, живые организмы, общество. Здесь каждый уровень играет в определенном смысле роль сущности в отношении вышестоящего уровня⁸.

Однако тезис о многопорядковости сущности не сводится к идее «состоять из чего-то», не ограничивается учением о структурных уровнях.

Понятие сущности не совпадает с понятием субстрата. Как уже говорилось, в зависимости от внешних связей объекта на первый план выдвигаются те или иные факторы из числа образующих его «механизм». Такими факторами в качестве сущности какого-то порядка могут оказаться как субстратные элементы, так и свойства или отношения, хотя в конечном итоге за всякими явлениями

стоит субстрат. Например, с точки зрения теории автоматического регулирования, охотник и зенитная установка с автоматическим наведением – тождественные системы, обладающие одинаковой сущностью. Сущность здесь – устойчивые функциональные отношения между звеньями системы, природа же субстрата несущественна. Но очевидно, что природа субстрата несущественна только в определенном отношении (в отношении функции «засечь цель и сбить ее»), будучи существенной в других отношениях.

По мере перехода к сущности более глубокого порядка расширяется множество возможных ее проявлений, поскольку это множество включает в себя в качестве особых случаев все проявления сущностей менее глубоких. К примеру, множество проявлений элементарных частиц включает в себя в числе прочего и проявления жизни, так как в живом нет ничего, кроме совокупности определенным образом связанных элементарных частиц. В пределе мы имеем категорию материи (ее онтологический аспект), обозначающую наиболее глубокую сущность всех без исключения объектов.

Признание многоступенчатости сущности вещи с неизбежностью приводит также и к признанию многоступенчатости ее явления. Действительно, мы отнесли к явлению вещи те ее признаки, которые обнаруживаются в отношениях с внешним миром непосредственно. Но эти отношения бывают разными: то, что в одних отношениях обнаруживается опосредованно, может обнаружиться непосредственно в других. Возьмем тот же кристалл. Его явления в определенном круге взаимодействий – цвет, форма, твердость, проводимость и пр. В сущности же кристалл – совокупность определенным образом организованных атомов. Но при взаимодействии с нейтронным потоком это уже не кристалл в прежнем смысле слова (цвет, форма, проводимость и пр.), а *непосредственно* совокупность определенным образом организованных атомов. Это и есть явление, сущность же перемещается в сферу элементарных частиц.

Взаимопереход явления и сущности заключается не только в факте многопорядковости сущности объекта в каждый данный момент времени. В самой действительности происходят *процессы* взаимоперехода сущностей разного порядка.

Во-первых, имеет место становление новых сущностей на базе старых. Процесс развития затрагивает не только сферу явлений (количественные изменения), но и сферу сущности (качественные изменения). Качественный скачок в ходе прогрессивного развития представляет собой в то же время и образование новой сущности, а значит, и целого круга новых проявлений, например, возникновение высшей формы движения материи на базе низшей. Этим самым прежняя сущность первого порядка уступает место новой сущности, превращаясь в сущность второго порядка. Здесь нужно подчеркнуть (хотя это и не является темой лекции), что основной источник развития – противоречие в самой сущности объекта. Поэтому сам факт существования какой-либо сущности должен быть объяснен, исходя из противоречия в сущности более глубокой.

Во-вторых, в действительности имеет место не только становление новых сущностей, но и противоположный процесс. Скачок в регрессивном развитии означает утрату объектом наиболее высокой сущности; в таком случае сущность второго порядка становится сущностью первого порядка. Происходит объективное «уменьшение количества» сущностей объекта (имеется в виду, что оно бесконечно), «деградация» сущности. Источником такого движения может быть как противоречие в самой сущности, так и внешние разрушающие воздействия. Поясним последнее. Сущность качественно устойчива в своих проявлениях, но ограничена в этой своей устойчивости некоторым кругом взаимодействий. Так, в широком круге взаимодействий ядро атома ведет себя как качественно устойчивое образование, представляющее собой один из компонентов сущности процессов, в которых оно участвует. Но ядро как целое перестает выполнять роль сущности в пределах ядерных реакций, эта роль переходит к нуклонам ядра.

И, наконец, сущность второго (или более глубокого) порядка может обнаруживаться непосредственно (в качестве сущности как бы первого порядка), но без утраты при этом сущности первого порядка. Подобное обнаружение происходит при взаимодействии объекта с объектом, имеющим сущность меньшего порядка. Это бывает, например, при получении животным несмертельной дозы радиации. Такое взаимодействие не приводит к исчезновению об-

мена веществ – сущности жизни, но вместе с тем в нем обнаруживается непосредственно более глубокая сущность – совокупность элементарных частиц.

Рассмотрение сущности явления в связи с концепцией всеобщего взаимодействия позволяет взглянуть с несколько иной точки зрения на известную формулу Ф. Энгельса о том, что случайность – форма проявления и дополнение необходимости. К сущности принадлежат элементы и связи, необходимые для существования данного объекта. В действительности объект не существует вне взаимодействий, и поэтому сущность необходимо должна проявиться тем или иным образом. Но проявляется сущность в каждый данный момент в случайном по отношению к ней взаимодействии, необходимость которого не вытекает из этой сущности (случайность – форма проявления необходимости).

Данное взаимодействие, «деформируя» структуру объекта, изменяет отчасти характер явления, вносит свой вклад, большой или малый, в его определенность (случайность – дополнение необходимости). Таким образом, дополняет необходимость та же случайность, через посредство которой проявляется необходимость (дополняют необходимость также случайные факторы, идущие из глубины сущности).

Таковы некоторые стороны диалектики сущности и явления, раскрыть которые представляется возможным, исходя из взгляда на мир как на совокупность взаимодействующих вещей.

Примечания

¹ Термин «явление» употребляется в широком и узком смысле (см., напр.: Руткевич М. Н. Диалектический материализм. М., 1959. С. 560). В широком смысле слова явление равнозначно вещи, процессу, событию, т. е. включает в себя и существенное. В данной лекции всюду, где это специально не оговорено, явление понимается только как категория, противоположная сущности.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 227.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 134.

⁵ Маркс К. Капитал. М., 1963. Т. 1. С. 67.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 142.

⁷ См., напр.: Бунге М. Причинность. М., 1962.

⁸ См., напр.: Шляхтенко С. Г., Шляхтенко Г. П. О сущностях разных порядков // Некоторые вопросы диалектического материализма. Л., 1962.

О соотношении закономерного и уникального в развитии

Диалектико-материалистическая философия, признавая принципиальную познаваемость бесконечно многообразного и изменчивого материального мира, необходимо включает в себя также и признание закономерного раздвоения этого мира на *существенное и являющееся*, признание закономерности явлений материального мира. «Самое непонятное в мире, – говорил А. Эйнштейн, – то, что он понятен»¹. Та объективная основа, благодаря которой возможно как эмпирическое, так и научно-теоретическое знание, отображена категориями сущности и явления. А момент, реляционная сторона сущности, как известно, есть закон². Понятием закона общепризнанно в нашей философской науке охватываются устойчивые, повторяющиеся, необходимые связи, отношения в материальном мире. Диалектический подход подразумевает при этом, что повторяющееся, регулярное находится в единстве с неповторимым, иррегулярным, устойчивое – с изменчивым, необходимое – со случайным.

Данное положение, несомненно, применимо к законам *организации и функционирования* материальных систем: как в организации, так и в функционировании науке уже известно огромное множество повторяющихся связей, отношений. Однако применительно к процессу развития (этот процесс выходит за рамки организации и функционирования) названная проблема заслуживает дальнейшего исследования и обсуждения.

Под развитием в самом широком и общем смысле слова мы понимаем процесс вечного внутреннего обновления материи, тех форм, которыми она представлена, смену старого новым³. «Нужно понять, – писал Ф. Энгельс, – мир как процесс, как такую материю, которая находится в непрерывном историческом развитии»⁴. Категория развития отражает единый бесконечный материальный мир с точки зрения его процессуальности, учитывая все те существенные результаты, к которым приводит совокупность совершающихся в нем изменений. Наиболее выпукло названные результаты

представлены на магистральной, прогрессивной линии мирового процесса развития, понимаемой как становление высшего на базе низшего. Становление Солнечной системы, земной коры, биосферы, становление общества – вот главные вехи этого процесса. Весь он отмечен узловыми точками становления принципиально нового, неповторимого, *уникального*. Автор не претендует здесь на конституирование категориального значения данного термина, понимая его в буквальном смысле – как единственное в своем роде, неповторимое. Все новое в первый момент времени рождается как единичное, уникальное, но затем, закрепляясь, перестает быть таковым по отношению ко всей предшествующей и бесконечной истории материального мира. Пока науке достоверно известны одна планетная система, одна жизнь и одно общество, и нет никаких серьезных оснований полагать, будто становление названных систем являет собой лишь повторение, воспроизведение того, что уже существовало в прошлом. Справедлива мысль, что «человек – это явление космическое по сути своего появления и по своему содержанию. Ценностный критерий человека выходит за пределы Земли, становится на уровень Вселенной»⁵.

Даже если принять гипотезу экстенсивной распространенности жизни и цивилизаций в материальном мире, несомненной остается *автономность* процессов становления жизни и общества на Земле в отношении к другим звездным мирам. И в этом смысле названные события уникальны. Такого рода рассуждения справедливы также применительно к событиям меньшего масштаба – к отдельным явлениям в процессе органической эволюции и истории общества. Так, первоначально уникальны все те технические нововведения, которые кладут начало прогрессивным сдвигам в характере общественного производства. Таким образом, сама суть развития подразумевает порождение уникального, неповторимого, не укладывающегося в актуально реализованную обратимость, повторяемость, цикличность. Развитие являет собой диалектически противоречивое единство изменений как обратимых, так и необратимых. Но вся совокупность последних отнюдь не хаотична, а образует в целом определенным образом упорядоченный, направленный, закономерный ряд изменений, отчего весь процесс и характеризуется специальной категорией «развитие».

Внутренне упорядоченный, закономерный характер развития – фундаментальное положение материалистической диалектики – науки о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления. С одной стороны, развитие закономерно, что предполагает регулярность, повторяемость на всех его этапах. А с другой стороны, развитие необходимо порождает уникальное, неповторимое, выходящее в этой своей уникальности за рамки специфических законов предшествующих этапов развития. Такой парадокс создает тупик лишь для мышления антидиалектического, примером чего могут служить взгляды неокантианцев Баденской школы на исторический процесс, утверждавших на основе индивидуальности, неповторимости событий истории отсутствие каких бы то ни было объективных законов исторического процесса.

Проблема соотношения закономерного и уникального в развитии не может решаться, как мы думаем, исключительно на уровне конкретно-научного знания, ибо все особенности, все специфическое (а особенное и есть предмет конкретно-научного исследования) преходяще в процессе развития, и повторяемость особенного, существующая более или менее длительное время, в конечном счете не абсолютна, подвержена отрицанию. Проблема эта решается в диалектике применительно именно к *всеобщим* законам развития. На уровне всеобщего единство закономерного и уникального – одно из тех диалектических противоречий развития, которые не следует затушевывать, переводя на язык других противоречий, редуцируя к ним. Констатируя такое *всеобщее* противоречие, диалектика наиболее выпукло оттеняет существо развития. Диалектичность здесь в том, что уникальное отчасти *включено* в закономерное, но отчасти *выходит* за его рамки, отрицает его, порождая новые специфические закономерности, что закономерность сама складывается как устойчивое сцепление ряда уникальных событий, что всеобщая закономерность существует и проявляется не иначе, как чередование закономерностей специфических, собственных отдельным этапам развития, а в этом и состоит многопорядковость, внутренняя иерархичность самой сущности развития. Всеобщие законы развития – сущность наиболее глубокая, проявляющая себя в конкретно-исторически преходящих законах

организации, функционирования и отдельных этапов развития, но вместе с тем и отрицающая все их конкретные формы. «Вечные законы природы также превращаются все более и более в исторические законы»⁶, – подчеркивал Ф. Энгельс. Противоположность закономерного и уникального относительна: особая закономерность каждого этапа в развитии отрицается уникальным событием, кладущим начало новым закономерностям последующего этапа.

Отказываясь от редукции всеобщего противоречия между закономерным и уникальным в развитии к иным всеобщим противоречиям, можно и нужно показать их взаимосвязь, раскрыть структуру первого через многие и многие иные. Подобное опосредование образует теоретическое обоснование необходимости рассматриваемого противоречия. Наиболее близка по своему содержанию к рассматриваемой проблеме диалектика необходимого и случайного.

В нашей философской литературе все более признанным становится положение о статистическом характере картины мира: связь любых конечных состояний в материальном мире объективно неоднозначна, она, в принципе, могла бы быть и несколько иной. И это не колеблет традиционно трактуемого принципа причинности, если учесть диалектически противоречивый характер всеобщей связи, включающей в себя момент своего собственного внутреннего отрицания, момент автономности, взаимонезависимости отдельных явлений, событий, процессов. Причина с *необходимостью*, однозначно порождает данное следствие в данных *условиях*. Но где взять постоянные условия? Полная причина любого события комплексна и включает в себя, строго говоря, *бесконечное* число факторов, многие из которых взаимонезависимы, автономны. Вот почему какое-то одно сочетание всей совокупности детерминирующих факторов фактически всегда *уникально*, неповторимо. Понятие причины, однозначно порождающей следствие, это научная абстракция, с помощью которой следует мысленно синтезировать целостную картину фактически происходящих в мире событий. Абстракция одного и того же следствия одной и той же причины относится к сфере возможного, а не к сфере действительного, в самой действительности условий для порождения одних и тех же следствий одной и той же причины никогда не возникает⁷.

Признание объективности случая нередко сочетается еще со взглядом на него как на нечто малосущественное, добавочное к необходимости. Однако статус случайного распространяется не только на отдельные, локальные, малосущественные события, явления, но и на всю мгновенную конфигурацию связей бесконечного материального мира. Такое понимание восходит к Лейбницу, для которого, по словам И. С. Нарского, «все в мире неповторимо и уникально», а «случайное есть синоним “фактически происходящего”»⁸. В самом деле, причинно-следственные отношения объективно обладают гибкостью, пластичностью. Но причинность к тому же лишь «малая частичка всемирной связи»⁹. Вся связь, складывающаяся на базе причинности как нечто единое, обладает еще большей внутренней гибкостью, и диалектическим единством необходимого и случайного является не только каждый конечный участок всеобщей связи, но и вся эта связь в целом. Нет никакой абсолютной необходимости в существовании каждой данной конфигурации связей в мире, ее абсолютная необходимость объективно-реально «опровергается» изменением ее, благодаря чему в самой жизни «доказывается» возможность и необходимость других состояний. Общая картина связей в мире удачно выражена в следующих словах Н. Винера: «Вселенная представляет собой не абсолютно жесткую структуру, а нечто, допускающее небольшие изменения в различных частях... Это мир, которому одинаково чужда окостенелость Ньютоновой физики и аморфная податливость состояния максимальной энтропии или тепловой смерти, когда уже не может произойти ничего по-настоящему нового. Это мир Процесса, а не окончательного мертвого равновесия, к которому ведет Процесс...»¹⁰.

Та всеобщая связь, о которой шла речь выше, будучи рассмотрена во времени, и есть процесс развития в самом широком смысле слова. Процесс этот, как видно, обладает внутренней гибкостью, является существенно статистическим, а потому и внутренне многонаправленным процессом, представляет собой диалектическое единство необходимого и случайного. Противоречие необходимого и случайного, как и всякое диалектическое противоречие, под определенным углом зрения, в своем ракурсе раскрывает или описыва-

ет внутренний источник изменения, развития, и его некорректно было бы рассматривать в застывшем, статичном состоянии. Необходимость всегда содержит в себе момент своего внутреннего отрицания – случайность. Это не внешнее отрицание путем отмены, устранения необходимости, а отрицание внутреннее, трактуемое как возможность и неизбежность изменения каждой конкретной формы проявления данной необходимости. Необходимость проявляет себя таковой только в действии, в процессе собственного внутреннего «творчества», только внутренне различившись через совокупность объединенных, связанных случаев. Она и есть связь, единство всех этих различных моментов, реальный переход от одного к другому. Каждый такой момент – *случай*, который *необходим*, будучи включенным в необходимость как ее звено, и вместе с тем он диалектически отрицается ею, заменяется другим случаем. Каждый случай в материальном мире в чем-то уникален, неповторим. Но каждый случай – порождение и звено разворачивающейся во времени необходимости. Если случай включен в необходимость и существует лишь на базе необходимости, то и необходимость, в свою очередь, зависит от случая. Нельзя порвать нить времени из-за «несовершенства» настоящего, исторически случайной формы существования необходимости в каждый данный момент времени, хотя она, эта форма, действительно, лишь однажды случившееся и не представляет собой всей необходимости. «...При общей закономерности развития, – подчеркивал В. И. Ленин, – во всемирной истории несколько не исключаются, а, напротив, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития»¹¹.

Каждая полоса развития обладает своеобразием, отличающим ее от всего предшествующего, а закономерное на каждом этапе всегда окрашено множеством случайных и уникальных событий. Но особый интерес в теоретическом отношении представляет собой переход от одной качественно своеобразной полосы развития к другой. Диалектическое отрицание в процессе развития как момент смены старого новым и тем более низшего высшим поначалу реализуется в форме уникального события, не укладывающегося полностью ни в прежние своеобразные закономерности, ни в не-

кие новые, поскольку последние еще не успели сложиться. Сами законы развития, специфические по своему содержанию, конкретно-историчны, а уникальное событие (хотя и далеко не каждое) выступает *формой связи* одного этапа развития с другим, формой перехода от одних закономерностей к другим, формой отрицания старой закономерности и становления новой.

Весь спектр уникальных явлений, порождаемых развитием, чрезвычайно широк, но все они далеко не равноценны, уникальное уникальному рознь. Так, в свое время уникально было и творчество В. Хлебникова, и творчество В. Маяковского, но если первое остается достоянием сравнительно узкого круга людей, им интересующихся, то второе прочно закрепляется в системе духовной культуры общества. Творчество каждого крупного, великого художника всегда уникально, но вместе с тем открывает новую закономерную полосу в развитии искусства, закрепляясь и воспроизводясь последующими поколениями, находя своих приверженцев и продолжателей, реализующих все те возможности, которые порой не успел реализовать сам первооткрыватель. В конечном счете жизненно только то уникальное, которое кладет начало прочному разрешению специфических противоречий предшествующего этапа развития и становлению нового закономерного этапа.

Всякое уникальное событие содержит в себе и нечто всеобщее, и бесконечную иерархию особых, специфических черт, и единичные, неповторимые и в этой неповторимости неопределенные признаки. Определенность материальных объектов внутренне противоречива, являя единство качественной и количественной определенности. И та и другая (а они соотносительны и не существуют иначе, как через свое соотношение) *опосредована* отношениями тождества с другими объектами или состояниями объекта, т. е. предполагает повторяемость, регулярность. А уникальное, единичное по самому смыслу «определенности» объективно неопределенно, его не с чем отождествить, оно содержит в себе абсолютный момент различий. Последние в большинстве своем смываются течением времени, уступая место новым единичным признакам, а порой порождая более или менее долговременные, но конечные, обрывающиеся, тупиковые ответвления развития. Но некоторые

из таких событий закрепляются, кладут начало новому этапу, связывая тем самым нить бесконечного процесса развития. Каким образом и почему это происходит?

Результаты развития на каждом его этапе закрепляются в виде устойчиво функционирующих *систем*. Таковы основные формы движения материи как этапы, ступени мирового процесса развития – физическая, химическая, биологическая, социальная. Таковы и ступени меньшего масштаба, как, например, общественно-экономические формации в рамках социальной формы движения. Ритмичность, регулярность, закономерность процессов функционирования явно бросается в глаза, устойчивые системы связей внутренне динамичны и существуют в форме круговоротов воспроизводства. Но всякое функционирование сопряжено с малосущественными в каждый момент, однако постепенно накапливающимися необратимыми изменениями, переживаемыми постепенно новые условия, новое состояние среды, в конечном счете – всего мирового континуума. Так, «изменение абиотической составляющей биосферы, ведущее к преобразованию организмов, во многих (если не в большинстве) случаев оказывается неизбежным следствием жизни»¹². Не создавая сами по себе нового качества, такого рода изменения постепенно создают количественные предпосылки для его становления. А в механизме становления нового качества принципиальную роль играют уникальные события, в огромной массе существующие на каждом этапе развития. Периодически и вполне закономерно возникают такие моменты, когда устойчивое функционирование систем старого качества начинает нарушаться, а некоторые уникальные события, напротив, начинают устойчиво воспроизводиться именно в своей уникальности. В сфере бесконечно многообразных и отчасти *неопределенных* уникальных событий происходит отбор новых закрепляющихся качеств. Из неопределенности рождается новая определенность, из индивидуального – типичное, из единичного – новое качество.

Скачок – это нарушение, отрицание старой качественной определенности, когда старого качества уже нет, а нового еще нет. Скачок – это период известной неопределенности в движении, развитии¹³. Его можно отобразить, указав исходный пункт, т. е. ста-

рое качество, и конечный пункт, т. е. новое качество. В скачке есть момент определенности, который складывается из отрицаемого качества и качества, идущего ему на смену, – в той степени, в какой последнее объективно предопределено. Но далеко не всегда бывают известны и объективно однозначно предопределены как тот конечный пункт, в котором завершится скачок, так и траектория движения к этому конечному пункту.

Так, качественный скачок в общественном развитии – социальная революция означает переход от одной общественно-экономической формации к другой. При характеристике этого периода истории, очевидно, недостаточно указать те черты старого общественного строя, которые подвергаются отрицанию; требуется указать также все промежуточные пункты изменения и раскрыть всю качественную определенность конечного пункта. И *post factum* это, конечно, возможно. Но в момент начала скачка однозначной предопределенности всего хода процесса нет, новая определенность находится в процессе становления и не может быть однозначно зафиксирована. «Мы ввязались сначала в октябре 1917 года в серьезный бой, – писал В. И. Ленин, – а там уже увидели такие детали развития (с точки зрения мировой истории это, несомненно, детали), как Брестский мир или нэп и т. п.»¹⁴. Такого рода детали развития есть не только в общественном развитии, но и в любом скачке. Непрерывно нарушая количественную определенность и периодически – качественную, развитие вообще – это то начало, которое отрицает всякую определенность отдельных, конечных объектов, а потому всегда включает в себя момент неопределенности.

Каждое уникальное событие в чем-то тождественно иным событиям, в том числе и свершившимся в прошлом. В этом смысле в нем заключено, проявляется повторяющееся и закономерное; нет таких уникальных событий, которые не служили бы формой проявления закономерного. Но не это является здесь главным. Источник важнейших подлинно новых потенций будущего именно в несколько неопределенной *единичности* уникального. Отрицая специфические закономерности предшествующих этапов развития, не укладываясь в них, она вполне соответствует более глубокой сущности развития, а кроме того, постепенно создавшимся новым условиям. Знаменуя собой разрешение специфических противоречий

предшествующего этапа развития, будучи детерминировано всей совокупностью старых закономерностей, подобное событие служит основанием для становления новой закономерности по мере того, как начинает устойчиво воспроизводиться.

Подобный взаимопереход закономерного и уникального можно проследить на примере становления социальной формы движения материи и на примере становления новой формации. Становление исходной «клеточки» социального саморазвития – элементарной социальной связи трактуется как «необычный способ сцепления обычных для биологического мира явлений»¹⁵. Автономность, взаимозависимость таких явлений служит основанием самой возможности подобного случая. Но подлинно новое в нем начинает далее устойчиво воспроизводиться, чем кладется начало действию специфически социальных законов. И существенно здесь уже не то, что роднит элементарную социальную связь со всеми предшествующими явлениями, а то, что отличает ее от них, то, что в первый момент уникально, но тем самым кладет начало и подлинно новому этапу в развитии, означая становление новой формы движения материи.

Когда В. И. Ленин подчеркивал «историческую неизбежность повторения в международном масштабе того, что было у нас»¹⁶, речь шла о новой закономерности, которая *впервые* проявила себя. Принципиально иную роль начал играть здесь субъективный фактор в историческом процессе: партия, рабочий класс, народные массы впервые становятся субъектами сознательного изменения материальных общественных отношений. И в этой первоначальной уникальности данного исторического события – источник расширяющих масштабы своего действия новых законов, не существовавших в прошлом.

Рождающееся в форме уникального события новое закрепляется в условиях *неравномерности* развития – закона, открытого В. И. Лениным¹⁷. Здесь существенно взаимодействие систем, находящихся на различных этапах, ветвях развития. Для судеб возникающих в развитии новых качеств немаловажно, с какой скоростью они формируются. Необратимому формированию и упрочению новой особенности всегда противостоит тенденция вовлечения ее в тот старый круговорот, из недр которого она вырастает. Новый

устойчивый круговорот воспроизводства может возникнуть при том условии, если темп его формирования достаточен для преодоления инерции прежнего круговорота функционирования. Образно говоря, нужна достаточная центробежная сила, чтобы выйти за пределы прежней орбиты. Этим обстоятельством, возможно, объясняется такая отмеченная Ф. Энгельсом закономерность восходящего развития, как его ускорение¹⁸. Каждый последующий виток спирали возникает с большей скоростью, нежели скорость процессов на нижележащем витке, в противном случае все возникающее новое неизбежно разрушается прежним круговоротом. Вытеснение старого новым совершается в условиях воспроизводства старого. Всеобщее развитие всегда включает в себя процессы, идущие с такой скоростью, что они не укладываются в ранее возникшие круговороты функционирования, а потому сопровождаются становлением круговоротов, все более и более интенсивных. Так, революционным сдвигам в общественной жизни обеспечен успех только в том случае, если становление нового, прогрессивного осуществляется интенсивнее, динамичнее, нежели воспроизводится старое, отживающее. В. И. Ленин вслед за К. Марксом не раз подчеркивал важность наступления в период вооруженного восстания как необходимого условия его победы¹⁹. За этими мыслями относительно переломных моментов общественного развития стоит и всеобщая закономерность становления и упрочения нового.

Уникальное в своих специфических чертах испытывает детерминацию со стороны законов предшествующего этапа развития, но полностью в них не укладывается. Становление подлинно нового этапа в развитии не уложить в схему прямой трансформации одной саморазвивающейся системы в другую. Гораздо чаще это зарождение и становление принципиально новой системы в условиях неустойчивости прежних структур, на основе распада старой системы, когда сужается сфера функционирования и эволюции старых систем. Вот почему трудно согласиться, будто «важнейшим исходным принципом материалистической диалектики в познании законов развития является выделение целостной материальной системы, в рамках которой осуществляется процесс развития и в рамках которой он детерминируется»²⁰. Диалектика конечного (раскрытая в цитированной статье интересно и содержательно)

заслоняет здесь, однако, диалектику бесконечного. Чтобы «выделить целостную материальную систему», последняя *объективно* должна выделиться, конституироваться, а это происходит как *результат* развития. И вот законы развития предлагают вскрывать исключительно в одном из результатов этого развития. Выделение такого рода систем, конечно, важный момент, но трудно согласиться, что это исходный принцип в познании развития.

Все те противоречия, которые характеризуют развитие как *протяженный во времени* процесс – и среди них рассматриваемое здесь противоречие наряду со старым и новым, низшим и высшим, – выходят за рамки локально-системных представлений. Воссоздавая общую картину развития, диалектика не фиксирует жестко ее пространственно-временные границы. Справедливо, на наш взгляд, что «нет никакого автоматизма процессов развития» и что «неправомерно было бы редуцировать структуру законов развития к сумме структур структурных законов и законов движения»²¹.

Уникальное выглядит как отклонение от закономерного лишь на неглубоком, специфическом уровне сущности, но оно же закономерно в отношении более глубоких, общих уровней сущности. Оценка происхождения, роли и значения уникального события требует соотнесения его с различными уровнями многопорядковой сущности процесса развития. В ходе функционирования и эволюции капиталистического общества, как известно, создаются необходимые предпосылки для его отрицания и возникают силы, способные осуществить социалистическую революцию. Но трудно полностью оценить все существенные особенности социалистической революции, соотнося ее исключительно со специфическими законами капиталистической формации. Законы развития социалистического общества, отрицая законы капитализма, в большей степени соответствуют законам общесоциологическим. А стало быть, и детерминирована революция не только одним уровнем сущности, той необходимостью, которую оно диалектически отрицает, но и уровнем более глубоким, в данном случае – общесоциологическим законом соответствия производственных отношений уровню развития и характеру производительных сил. Далее, в жесткие рамки законов капиталистической формации не втиснуть становление идеологии рабочего класса и его политической

организации, ибо детерминирующее воздействие здесь оказывают более общие, сквозные тенденции общественного развития, которые, с одной стороны, сделали в свое время необходимым становление самого капитализма, а с другой – предопределяют его отрицание новым строем.

Диалектическое отрицание, выступающее в первый момент в форме уникального события, кладущего начало новому этапу, новым закономерностям, само является закономерным событием как таковое и регулируется всеобщим законом отрицания отрицания. Возврат к старому на новой основе – это одна из сторон данного закона – означает, на наш взгляд, не обязательное повторение *специфических черт* пройденного, а воспроизведение типичных, описанных выше ситуаций, выступающих, однако, каждый раз в уникальной форме. В. И. Ленин, говоря об «общенаучном критерии повторяемости»²², вытекающем из материалистического понимания истории, обращает внимание не только на сходное в процессе развития различных народов, стран, регионов, но и на наличие повторяемости при сравнении различных достаточно масштабных этапов всего процесса в целом: неизбежность смены формации, воспроизведение общей структуры формации, обусловленность надстроечных отношений базисными и др.

Разрешающиеся противоречия предшествующего этапа вкупе с новыми, постепенно накопленными условиями – это та объективная основа, которая в гносеологическом плане делает предсказуемыми некоторые наиболее существенные черты грядущего нового. Но названная детерминация не абсолютна, и многие черты нового не предопределены заранее однозначно, складываясь в процессе самого становления нового. Таким образом, внимание науки всегда будут привлекать не только *закономерности* явлений материального мира и отображающего его мышления, но и уже свершившиеся или грядущие уникальные события в ходе развития, кладущие начало новым объективным закономерностям.

Примечания

¹ Цит. по: Кузнецов Б. Г. Эйнштейн. М., 1963. С. 56.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 138.

³ См.: Диалектика прогрессивного развития. Свердловск, 1976.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 287.

⁵ Дубинин Н. П. Диалектика происхождения жизни и происхождения человека // Вопр. философии. 1979. № 11. С. 35.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 553. В философской литературе справедливо подчеркивается историчность самих законов. См. напр.: *Griese A. Philosophischer Gesetzensbegriff und dialektisch-materialistische Entwicklungstheorie // Deutsche Zeitschrift für Philosophie. 1971. № 10; Бутаков А. А. Изменчивость и устойчивость и проблема реальной истории объективных законов // Филос. науки. 1973. № 5.*

⁷ Отметим, что для признания фундаментального значения неоднозначности в мире вовсе не надо пересматривать саму абстракцию причинности, вводя «вероятностную причинность», как это сделано, например, в работе: *Философия естествознания. М., 1966. С. 230–238.* Думается, правы те авторы, которые считают подобное понятие неудачным. См.: *Кузнецов И. В. Категория причинности и ее познавательное значение // Теория познания и современная наука. М., 1967. С. 54; Кравец А. С. Вероятность и системы. Воронеж, 1970. С. 73.*

⁸ История диалектики XIV–XVIII вв. М., 1974. С. 195, 204. Признание объективности случая тождественно признанию неоднозначности связи состояний, принципиальной статистичности картины мира, а это, в свою очередь, тождественно признанию уникальности каждой мгновенной конфигурации связей в мире. Таким образом, существует прямое соответствие понятий случайного и уникального.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 144.

¹⁰ Винер Н. Я – математик. М., 1969. С. 314.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 379.

¹² Камшилов М. М. Факторы эволюции биосферы Земли // Вопр. философии. 1979. № 3. С. 136.

¹³ На существование неопределенности в период смены качества указано в статье: *Визир П. И., Готт В. С., Урсул А. Д. Определенность, неопределенность и их взаимосвязь с другими категориями диалектики // Филос. науки. 1972. № 3. С. 39.*

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 381.

¹⁵ Плотников В. И. Социально-биологическая проблема. Свердловск, 1975. С. 134.

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 3.

¹⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 354.

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 347, 620.

¹⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 374; Т. 34. С. 242.

²⁰ Пахомов Б. Я. Детерминизм и принцип развития // Вопр. философии. 1979. № 7. С. 58.

²¹ Герц Г. Закон, развитие, случайность // Вопр. философии. 1978. № 8. С. 63.

²² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 137.

Детерминация развития

В настоящее время существует довольно обширная литература по проблемам развития и детерминизма. Вместе с тем специальные работы, в которых бы рассматривались вопросы детерминации процесса развития, весьма немногочисленны¹. Анализ некоторых аспектов этой детерминации – цель настоящей лекции.

Мы в целом разделяем мнение тех авторов², которые под развитием понимают процесс необратимых направленных изменений или «целостное, закономерное, в основном необратимое изменение качественного состояния системы, включающее в себя возникновение новых возможностей и тенденций в течение достаточно длительного периода существования системы»³. Такое понимание развития позволяет: 1) разграничить движение и развитие, а тем самым функционирование и развитие; 2) учесть многонаправленность развития, многообразие его форм – прогресса, регресса и круговорота.

Детерминизм можно определить как учение о всеобщей обусловленности вещей в их возникновении, существовании и исчезновении⁴. Процесс обусловленности, детерминации непосредственно или опосредованно раскрывается всеми категориями диалектики. Непосредственно детерминацию раскрывают такие категории, как причина и следствие, функциональная связь, необходимость и случайность, общее, особенное и единичное, сущность и явление, закон. Исходными категориями детерминизма являются категории «условие» и «обусловленное». Под условиями мы понимаем совокупность всех тех явлений, от которых зависит возникновение, существование и исчезновение других явлений. Обусловленное – то, что определяется условиями, превратившимися в факторы⁵.

Исследование процесса детерминации развития прежде всего предполагает использование категорий диалектики, непосредственно раскрывающих развитие (возможность – действительность, структура – функция и др.) и детерминацию.

Суть развития – в возникновении нового из старого. Но как возникает новое?

Возникновение всякого явления вообще предполагает как наличие определенного явления *A*, из которого возникает явление *B*, так и наличие определенных внешних условий. Чтобы в дальнейшем в полной мере пользоваться категорией условия, мы явление *A* будем рассматривать как внутренние условия. Итак, для возникновения любого явления необходима совокупность внутренних и внешних условий. Различные компоненты условий между собой неравнозначны. Одни из них только необходимы для возникновения явления, другие – не только необходимы, но, превращаясь в факторы и одновременно превращая из условий в факторы все необходимые условия, осуществляют их производство. Факторы, которые осуществляют производство других явлений, выступают как их причины.

Когда внутренние и внешние условия (факторы) относительно устойчивы, постоянны, то относительно постоянным является и обусловленное. Скажем, токарь в течение рабочего дня может выточить десятки однотипных деталей; от данного вида животных рождается потомство только данного вида и т. д. Возникающие во всех этих случаях объекты в целом не являются абсолютно новыми, определяющим в этих процессах является функционирование, воспроизводство объектов, аналогичных уже существовавшим. Поэтому нельзя признать обоснованным определение нового как того, что возникает после старого⁶. Новое возникает только в процессе развития. Возникновение нового всегда связано с существенными изменениями во внутренних и внешних условиях и всегда является результатом неповторимого, уникального сочетания условий, элементов старого. Это убедительно показано В. И. Плотниковым на примере возникновения элементарной социальной связи в условиях полного господства биологических законов⁷. Мы согласны с автором, что категория «генетическая связь» предназначена для раскрытия специфики детерминации возникновения, рождения нового⁸, т. е. развития. Поэтому исследовать детерминацию развития – значит исследовать генетическую детерминацию. Понятно, что исследование генетической детерминации не исчерпывается анализом условий, а предполагает использование всех категорий, непосредственно раскрывающих развитие и детерминацию. Мы остановимся на роли в раскрытии детерминации

развития таких категорий, как структура и функция, количество и качество, возможность и действительность, необходимость и случайность.

Детерминацию структурой функции обычно называют структурной детерминацией⁹, детерминация же функцией структуры еще не получила особого названия, ее исследование – один из аспектов исследования детерминации развития.

Любая система в процессе своего функционирования включает взаимодействие с внешними условиями, или функциональное взаимодействие, и структурное взаимодействие. В ходе функционального взаимодействия внешние условия непрерывно изменяются, что ведет к изменению функций системы, которое, в свою очередь, оказывает обратное воздействие на структуру и на систему в целом. Одновременно и в самой системе в силу внутренних взаимодействий в ее структуре и элементах также происходят изменения, т. е. изменяются и внутренние условия. Пока изменения внутренних и внешних условий происходят в рамках меры, система функционирует. Когда мера нарушается и количественные изменения переходят в качественные, происходит разрушение старой структуры. Если разрушение структуры вызвано только воздействием изменившихся внешних условий без соответствующих изменений во внутренних условиях, то система просто уничтожается (гибель, например, каких-либо животных в результате наводнения). В этом случае происходят необратимые качественные изменения, но о развитии здесь не может быть и речи. Если одни качественные состояния системы сменяются другими, но возможности системы в принципе остаются одними и теми же, то в этом случае происходят качественные обратимые изменения (например, смена агрегатных состояний воды). Здесь мы имеем дело с особым случаем функционирования.

В процессе развития также происходит разрушение одной структуры и возникновение другой на основе диалектически взаимосвязанного изменения внутренних и внешних условий. Специфика развития, а значит, и его детерминации состоит в следующем: 1) развитие имеет место только при уникальном сцеплении внешних и внутренних условий, с этим обстоятельством связано возникновение принципиально нового; 2) в процессе развития

прежние возможности системы, полностью исчерпавшись, исчезают, что обуславливает необратимый характер ее структурных изменений; 3) в системе с качественно изменившейся структурой возникают принципиально новые возможности изменения. Этими возможностями определяется направленный характер развития.

В связи со сказанным нам представляется более обоснованным под развитием понимать качественные изменения структуры системы, возникающие на основе уникального сочетания внутренних и внешних условий и ведущие к возникновению новых возможностей ее изменения. Это определение развития не противоречит определению развития как необратимого направленного изменения, но оно подводит под него необходимое основание. Другими словами, такие признаки развития, как необратимость и направленность, являются производными от такого качественного изменения структуры системы, которое обусловлено уникальным сцеплением условий и связано с возникновением новых возможностей ее изменения. Из этого следует, что одним из важнейших аспектов развития является преобразование спектра возможностей системы.

Каждая качественно определенная система содержит множество разнообразных возможностей изменения. Но все эти возможности можно свести к возможностям: 1) уничтожения, разрушения системы; 2) функционирования; 3) усложнения уровня организации; 4) понижения уровня организации (с развитием непосредственно связаны только два последних вида). Все эти возможности в системе являются абстрактными. Какая из них станет реальной и превратится в действительность, зависит от внешних условий.

Основанием возможности является необходимость, а мерой необходимого в возможном – вероятность. Поскольку случайность есть то, что может быть, а может и не быть, то она также входит в сферу возможного. Из взаимосвязи внутренних и внешних условий вытекает, что необходимое в возможном включает не только необходимое, содержащееся во внутренних условиях системы, но и необходимое, заключенное во внешних условиях, внешних возможностях.

Таким образом, изменение любой системы определяется целым спектром возможностей, заключенных во внутренних и внешних

условиях, в необходимости и случайности. Из многообразия возможностей вытекает многообразие путей изменения и развития явлений действительности. Вместе с тем многообразие возможностей изменения любой системы одновременно ограничивается внутренними законами данной системы, внутренней и внешней необходимостью и случайностью. Поэтому в любой системе и ее внешних условиях заключены не любые возможности, а лишь вполне определенные. Так, например, в атомах существует возможность возникновения молекул, но в них, в принципе, отсутствует возможность возникновения человека. Следует также учитывать то обстоятельство, что в развитии всегда реализуется лишь определенная возможность, но реализация этой возможности в силу противоречивости явлений осуществляется через борьбу многих возможностей.

Из сказанного вытекает принципиальная невозможность однонаправленного развития либо в сторону прогресса, либо в сторону регресса и принципиальная равноправность прогрессивной и регрессивной линий развития применительно к материи в целом. Среди сторонников диалектического материализма общепризнанным является положение о качественной разнородности материи. Но из этого положения следует, что любая качественно определенная система или класс явлений как выражение дифференциации материи, ее покоя конечны, ибо в определенных условиях места и времени они не только возникают, но и исчезают, уничтожаются всеобщим движением. Не избавлено от этой участи и человечество. Материя «с той же самой железной необходимостью, с какой она когда-нибудь истребит на Земле свой высший цвет – мыслящий дух, она должна будет его снова породить где-нибудь в другом месте и в другое время»¹⁰.

Однозначная направленность развития имеет место, но только в определенных условиях, в определенной пространственно-временной области. Прогрессивная направленность обуславливается усложнением структуры систем, ростом многообразия внутренних и внешних связей, что ведет к увеличению возможностей уникального сочетания условий; регрессивное направление, наоборот, обуславливается упрощением структуры систем, уменьшением многообразия внутренних и внешних связей, что ведет к сужению

круга возможностей неповторимого сочетания условий. Если положение об однозначной направленности распространить на всю Вселенную, то мы должны с неизбежностью прийти к выводу о начале и конце мира. Именно такой вывод, как показал Ф. Энгельс, следует из теории тепловой смерти Вселенной. Это в равной мере относится и к сторонникам понимания развития материи только как поступательного прогрессивного развития, как развития от низшего к высшему. Поскольку эта концепция развития получила наиболее обстоятельную разработку в трудах В. В. Орлова, то представляется целесообразным кратко остановиться на некоторых аспектах его подхода.

По В. В. Орлову, высшее возникает из низшего, которое содержит не только условия своего превращения в высшее, но и необходимость этого превращения¹¹. Что касается внешних условий, то им отводится роль лишь в реализации частных возможностей¹², процесс же реализации возможности возникновения высшего из низшего совершенно безразличен, индифферентен к внешним условиям. Наряду с этим утверждается, что магистральная линия развития опирается на низшее, включенное в высшее и так называемое «свободное» низшее¹³. Аналогичным образом исключается из участия в развитии и случайность. При этом необходимость развития системы всецело определяется ее внутренней необходимостью. Отсюда, естественно, легко сделать вывод, что «в предельно широком теоретическом плане идеи закономерности и направленности развития выступают как тождественные», а направленность развития есть «направленность развития от низшего к высшему»¹⁴. Итак, развитие осуществляется исключительно в силу чистой, голой необходимости. Но как же тогда быть с положениями диалектики о всеобщем характере, органической взаимосвязи необходимости и случайности, о случайности как форме проявления и дополнения необходимости?

Если считать, что система, которая развивается от низшего к высшему, представляет собой абсолютно автономную, изолированную систему, то низшее (абсолютно изолированная система) «имеет двойственное содержание: непосредственные специфические свойства и закономерности низшего как низшего и имплицитное, неразвернутое, зародышевое содержание, которое в процессе

дальнейшего развития развертывается и оформляется в высшую ступень организации»¹⁵. Другими словами, высшее в низшем всегда содержится как реальная и единственная возможность. При этом игнорируется многообразие возможностей изменения системы, их характер, факт борьбы возможностей при реализации любой возможности. В итоге, как показано А. С. Богомоловым, объяснение развития у В. В. Орлова сводится к тавтологии: «...возникновение нового имеет своей основой способность возникновения нового»¹⁶.

Введение В. В. Орловым понятия об «основных неуничтожимых потенциальных возможностях развития материи» несколько не объясняет механизм детерминации развития, возникновение высшего из низшего. Поэтому факт развития от низшего к высшему просто постулируется. Последнее же является вполне логическим следствием игнорирования диалектики внутренних и внешних условий, необходимости и случайности, общего и особенного, абстрактной и реальной возможностей, подмены абстрактной возможности и даже невозможности реальной возможностью. Всем этим и определяется телеологический характер концепций В. В. Орлова¹⁷.

В заключение отметим, что детерминация развития есть одновременно и развитие детерминации. И как невозможно объяснение развития без исследования его детерминации, так невозможно понять и детерминацию без исследования ее развития. Органическая взаимосвязь принципов развития и детерминизма – одно из фундаментальных положений диалектического материализма, имеющее принципиальное мировоззренческое и методологическое значение.

Примечания

¹ См., в частности: *Аскин Я. Ф.* Категория структуры и проблема детерминации процесса развития // Проблемы детерминизма в свете системно-структурного анализа. Саратов, 1970.

² См.: *Кедров Б. М.* О повторяемости в процессе развития. М., 1961. С. 37; *Руткевич М. Н.* Диалектический материализм. М., 1959. С. 374; *Столяров В. И.* Изменение и развитие // *Вопр. философии.* 1965. № 12. С. 45; *Молевич Е. Ф.* Движение и развитие // *Актуальные вопросы теории прогресса.* Куйбышев, 1972. Вып. 1.

³ *Мелюхин С. Т.* Материя в ее единстве, бесконечности и развитии. М., 1966. С. 257.

⁴ См.: *Аскин Я. Ф.* Философский детерминизм. Саратов, 1974.

⁵ Мы различаем условия и факторы. Условия характеризуют сферу возможного, факторы – процесс превращения возможности в действительность.

⁶ См.: Сагатовский В. Н. Основы систематизации всеобщих категорий. Томск, 1973. С. 376.

⁷ См.: Плотников В. И. Причинность и генетическая связь // Категория причинности в диалектической концепции связи. Свердловск, 1974. С. 66–68.

⁸ Там же. С. 65.

⁹ См.: Туркин Л. П. Причинность и структурная детерминация // Категория причинности в диалектической концепции связи. Свердловск, 1974.

¹⁰ Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 363.

¹¹ См.: Орлов В. В. Материя, развитие, человек. Пермь, 1974. С. 170.

¹² См.: Там же. С. 107.

¹³ См.: Там же. С. 154–156.

¹⁴ Там же. С. 95.

¹⁵ Там же. С. 170.

¹⁶ См.: Богомолов А. С. Решает ли «концепция уровней» парадокс развития? // Филос. науки. 1970. С. 69.

¹⁷ См.: Шляхтенко С. Г., Бушуева Н. А. Принцип всеобщей взаимосвязи и направление развития // Проблемы диалектического материализма. Л., 1974. Вып. 1.

Лекция 19

Системная обусловленность развития

Проблема развития является стержневой проблемой диалектики. Не удивительно, что анализу категории «развитие» (очерчиванию ее смыслового поля, выявлению ее статуса в рамках системы категорий диалектики, выяснению характера ее взаимосвязей с последними и т. д.) посвящено большое количество исследований. Более углубленная разработка концепции развития осуществляется в настоящее время с учетом качественной специфики различных форм организации и движения материи.

Обогащение концепции развития достигается также благодаря тому, что, реализуя тезис о необходимости связать, совместить всеобщий принцип развития с принципом единства мира, в последнее время все большее внимание начинают обращать на другой,

не менее важный принцип диалектики – принцип всеобщей связи. Эксплицируя его через ряд традиционных категорий диалектики, а также таких, как структура, функционирование, система и др., к проблеме развития выходят через выяснение организации развивающегося объекта. При таком подходе развитие предстает не просто в чистом виде, а с учетом того, что лежит в его основе, составляет его фундамент. Понимание объекта развития как *системно* организованного, причем сохраняющего системный характер своей организации на любом этапе его развития, дает весьма ценные в методологическом отношении регулятивы для познания и теоретического воспроизведения механизмов развития. В частности, это позволяет усмотреть определенный характер связи между аспектами системы, фиксируемыми понятиями «структура», «функционирование» и «развитие»¹. При этом структуру системы оказывается возможным интерпретировать, с одной стороны, как траекторию развития, взятую в ее снятом, свернутом, очищенном от случайностей виде, т. е. как застывшую историю, с другой – как исходную базу для дальнейшего развития².

Категория структуры употребляется в приведенных определениях лишь применительно к некоторому фиксированному уровню организации развивающегося объекта. В простейших случаях такое «одноуровневое» теоретическое воспроизведение структуры может вполне удовлетворить научное исследование. Однако в случае исследования развития так называемых сложных систем их структура должна воспроизводиться с учетом, по крайней мере, двух взаимно дополняющих друг друга принципов – иерархичности и целостности. Принцип иерархичности фиксируется тем, что любая система, с одной стороны, всегда включена в качестве элемента в некоторую более обширную реальность (среду) и, следовательно, всегда является незамкнутой, а с другой – сама представляет собой некоторое множество далее неделимых (в рамках данной системы) элементов – подсистем менее высокого уровня. Несмотря на то, что любая система – это лишь ступенька в иерархической лестнице систем различных порядков, тем не менее методологически целесообразно рассматривать ее как множество таким образом упорядоченных элементов, где, помимо прочих, существуют связи и отношения, которые, с одной стороны, обес-

печивают *целостность* данной системы, т. е. замкнутость, относительную самостоятельность, а с другой – придают ей качество, выходящее за пределы простой суммы атрибутивных свойств составляющих ее элементов, взятых порознь, обуславливая этим самым уникальность закономерностей существования данной системы в ряду остальных, иерархически связанных с ней.

По своей направленности указанные принципы противоположны: один фиксирует включенность любой системы в организацию более высокого ранга, т. е. ее открытость, несамостоятельность, а другой, напротив, – ее замкнутость, автономность, целостность.

Методологическое значение принципа целостности довольно обстоятельно раскрыто в современной литературе. Существенно меньшее внимание пока что обращают на принцип иерархичности (иногда его называют принципом включенности), методологическое значение которого для понимания механизма детерминации процесса развития исторически изменяющихся объектов, на наш взгляд, трудно переоценить. В соответствии с этим принципом объект исследования при теоретическом воспроизведении методологически целесообразно представлять как распадающийся на ряд уровней его организации. Типичные материальные образования каждого уровня теоретически фиксируются в качестве систем и упорядочиваются затем в рамках некоторого иерархического ряда. В результате этого системы разных уровней организации оказываются пронизанными сквозными (сверху донизу и обратно) связями. Таким образом формируется теоретическая модель структуры и функционирования механизма развития исследуемого объекта, среди основных черт которой можно назвать следующие. Системы каждого уровня подчиняются действию специфических закономерностей, и качественные изменения любой из них протекают по своей шкале времени. При этом системный характер организации любой вышестоящей единицы ставит определенные рамки для нижестоящих, векторизуя этим самым изменения в последних. В результате использования системного подхода понимание механизмов детерминации процесса развития становится более четким и приобретает более конкретные черты, чем это обычно удается достичь в традиционно очерчиваемой диалектической концепции развития.

Более конкретно все сказанное можно раскрыть на основе успехов современной биологии в изучении макробиосистем. В первую очередь мы будем опираться на исследования, осуществившиеся на протяжении более четверти века под руководством академика С. С. Шварца сначала в рамках Лаборатории, а затем и Института экологии Уральского научного центра АН СССР. Стратегической направленностью этих исследований можно считать выявление сквозных связей между биосистемами разных рангов.

Жизнь дискретна, и ее структуру в современной биологии отображают в основном средствами концепции структурных уровней. Свойства наиболее характерных уровней организации живого теоретически воспроизводят через ряд биосистем, каждая из которых рассматривается как модель типичных образований соответствующего уровня. Обычно вычленяют следующие системы: биосферу, биом, биогеоценоз, популяцию, организм, клетку.

Жизнь не только дискретна, но и едина. Ее единство подчеркивается исходной формулой: жизнь – это биосфера. Биосфера – единственный полномочный представитель жизни.

Биосистема каждого уровня организации специфична, характеризуется действием своих законов, несводимых к законам других уровней. Тем не менее нельзя не заметить и определенного сходства в жизнедеятельности биосистем всех рангов. Подвергая этот вопрос специальному анализу, С. С. Шварц пишет: «...поведение организма в популяции и клетки в организме подчиняется сходным закономерностям. Это, конечно, не означает, что организм можно рассматривать как популяцию клеток, а популяцию – как организм высшего порядка... это различные самостоятельные уровни организации жизни. Тем не менее характер связи между элементами этих двух важнейших систем интеграции живой материи практически тождествен»³. Надо заметить, что такой вывод делается на основе анализа фактического материала, накопленного в рамках довольно различных биологических дисциплин.

Единство жизни проявляется также и в том, что протекание жизни на всех уровнях ее организации скоррелировано⁴. Привлекая материал различных отраслей биологии, С. С. Шварц показывает взаимную согласованность протекания процессов жизни на различных уровнях – от субклеточного до популяционного, а иногда

и биогеоценотического. Связь между различными уровнями настолько тесная, что «изменение на одном из уровней неизбежно приводит к большим или меньшим преобразованиям и на других уровнях»⁵. Уже имеющийся эмпирический материал позволяет «с полным правом утверждать, что существует не только цепь событий “клетка – организм – популяция”, но и цепь “популяция – организм – клетка”»⁶. И хотя глубинные связи между событиями на разных уровнях столь сложны, что вскрыть их доступными в настоящее время методами или невозможно, или чрезвычайно трудно, «установление этих связей представляет огромный практический и теоретический интерес»⁷. Из сказанного вытекает, в частности, следующее весьма важное с методологической стороны положение: «...нельзя понять жизнь популяции, не зная жизни слагающих ее организмов, но и нельзя понять законы, управляющие развитием отдельных организмов, не учитывая законов, по которым живет популяция»⁸. Все это как будто позволяет предположить, что между самым высоким иерархическим уровнем организации живого – биосферой и самым низким – клеткой имеют место противоположно направленные вертикальные связи (в отличие от горизонтальных, замыкающихся в рамках биосистемы каждого уровня), многократно опосредуемые промежуточными уровнями.

Однако самым ярким проявлением единства жизни как феномена планетарных масштабов следует считать не простую скоррелированность процессов жизни на всех ее уровнях, а их иерархическую субординированность. Системный характер организации любой вышестоящей единицы живого ставит определенные рамки для нижестоящей, векторизуя этим самым изменения в последней. Другими словами, связи между биосистемами разных уровней, идущие снизу вверх и сверху вниз, не являются вполне равноценными: определяющим, детерминирующим надо считать влияние макробиосистем на микробиосистемы. Это утверждение имеет исключительную методологическую ценность. В более конкретной и доказательной форме оно обосновывается С. С. Шварцем при обсуждении наиболее важных проблем биологии (природы адаптации, механизмов видообразования, фенотипической изменчивости, принципа оптимального фенотипа, форм отбора и др.) с опорой на исключительно богатый эмпирический материал⁹.

Не имея возможности более или менее детально развернуть содержание этого утверждения, попытаемся воспроизвести лишь его логику. Клетки в организме генетически тождественны, но при этом выполняют весьма разнообразные функции. Следовательно, возможности каждой клетки неизмеримо богаче их конкретной реализации. Чем же определяется то, какие из массы возможностей необходимо реализовать именно этой клетке? Прежде всего организмом в целом, и это распределение между всеми клетками организма осуществляется в ходе онтогенеза. Но только ли организмом? Факты показывают, что и среда принимает в этом участие (не непосредственно, разумеется) – она «действует как своеобразный переключатель с одного возможного пути развития (речь идет об онтогенезе. – Ю. В.) на другой»¹⁰.

Стоит обратить внимание на то, что содержание классического и довольно неопределенного понятия «среда» в концепции структурных уровней раскладывается на ряд иерархически соподчиненных уровней: средой для организма выступает в первую очередь популяция, через нее – биогеоценоз, через последний – биом и т. д. В этой связи уместно сослаться на высказывание Г. Патти, получающее все большее признание: «Не существует такой единицы жизни, которую можно было бы назвать живой безотносительно к внешней среде»¹¹. Другими словами, теоретическое воспроизведение любой системы методологически ущербно, если не учитывается среда, в которую она включена.

Из этого следует весьма важный в методологическом отношении вывод: «Изолированное изучение явлений, протекающих на разных уровнях интеграции жизни, не может быть полноценным. И если до настоящего времени потребность совокупного рассмотрения явлений разного уровня не стала очевидной, то это свидетельствует о том, что мы находимся лишь в самом начале бесконечного пути познания глубинных законов жизни»¹². Исследования в рамках надорганизменной биологии можно считать обоснованными тогда, когда они опираются, как на фундамент, на данные суборганизменной биологии. И наоборот, лишь учитывая принцип «жизнь – это биосфера», можно достичь более углубленного понимания частных законов, управляющих жизненными процессами на всех нижележащих уровнях организации, вплоть до молеку-

лярного. Другими словами, любое исследование в любой отрасли биологии приобретает наиболее полное истолкование тогда, когда оно осмыслено с высоты этого принципа.

Отмеченное более детальное понимание структуры живого обеспечивает более глубокую трактовку и процесса исторического развития живого. Если эволюционисты прошлого столетия рассматривали эволюцию живого как бы лишь в форме чисто поступательного движения, причем, как правило, во временных рамках геологических эпох, то преимущественно экспериментальный характер биологических исследований в XX в. заставлял сосредоточить внимание на эволюционных изменениях существенно меньшей длительности, охватывающих в лучшем случае смену лишь нескольких поколений. Эмпирические и теоретические исследования современных эволюционистов в подавляющем большинстве случаев далеко не охватывают временной интервал даже процесса видообразования, а сосредоточены на анализе элементарных, «пусковых» эволюционных преобразований. Более того, эволюционистов теперь уже начинают интересовать не только элементарные эволюционные (т. е. необратимые) изменения, но и те процессы, что лежат в их основе. Последние же представляют собой *циклические, обратимые изменения*. Начинает выясняться к тому же, что обратимые изменения имеют место, видимо, на всех уровнях организации живого (предмутационные осцилляции на уровне субклеточных образований; морфофизиологические вариации на уровне органов; фенотипическая изменчивость на уровне организмов; сезонные, годовые и т. п. колебания численности на уровне популяций; сукцессии на уровне биогеоценозов; и т. п.). Все эти обратимые изменения регулируются какими-то механизмами, удерживающими их в определенных рамках.

Таким образом, центр тяжести смещается с проблем узкопознаваемой эволюции на проблемы организации (структуры и функционирования), лежащие в основе исторического развития живого. Попытки решать проблемы эволюции в лоб, без опоры на знание закономерностей структуры и функционирования живого, все более отходят в прошлое. Познание элементарных обратимых изменений, раскрытие механизмов функционирования живого на разных уровнях его организации позволяет постичь механику тех процессов,

которые лишь в *их интегральном проявлении* (за достаточно длительные промежутки времени) и фиксируются в качестве эволюционных. В результате этого создаются объективные предпосылки для понимания эволюции через другое противоположное и не менее важное свойство живого – его стабильность, устойчивость (динамическую по своей природе), на что одним из первых обратил внимание В. И. Вернадский. При таком подходе эволюция предстает в качестве производной от процессов, объективно приводящих к усилению устойчивости биосистем всех уровней организации – от субклеточных до биосферного включительно.

Такое понимание эволюции фиксирует в более отчетливой форме связь развития объекта с его структурой. Эволюция живого начинает пониматься в качестве исторических изменений, охватывающих все уровни организации живого, причем эволюция каждого из них протекает во взаимной согласованности с необратимыми изменениями, имеющими место на всех остальных уровнях. Следовательно, теоретическое воспроизведение развития должно опираться на достаточно детальное знание системной обусловленности развития.

Примечания

¹ См., напр.: *Вяткин Ю. С., Табуркин В. И.* Биологическая эволюция // Обьективное содержание научного знания. Свердловск, 1975.

² См.: *Назаров И. В., Пономарева Н. В.* Структура и процесс развития // Категория структуры в системе философских категорий. Свердловск, 1973.

³ *Шварц С. С.* Единство жизни. Свердловск, 1972. С. 94.

⁴ См.: Там же. С. 75.

⁵ Там же. С. 69.

⁶ Там же. С. 89.

⁷ Там же. С. 70.

⁸ Там же. С. 95.

⁹ См.: *Шварц С. С.* Эволюционная экология животных. Свердловск, 1969; *Он же.* Принцип оптимального фенотипа (к теории стабилизирующего отбора) // Журнал общей биологии. 1968. Т. 29. № 1; *Он же.* Экология и эволюция. М., 1974; *Он же.* Экологические основы охраны биосферы // Методологические аспекты исследования биосферы. М., 1975; *Шварц С. С., Данилов Н. Н.* О биологических макросистемах // Наука и человечество. М., 1975; и др.

¹⁰ *Шварц С. С.* Единство жизни. С. 90.

¹¹ См. сб.: На пути к теоретической биологии. М., 1970. С. 178.

¹² *Шварц С. С.* Единство жизни. С. 96.

Лекция 20

Закон и случайность

В диалектико-материалистической философии вопрос о связи закона и случайности рассмотрен во многих аспектах. Так, еще молодой К. Маркс представил закон как форму движения случайностей и как их снятое содержание. Он писал: «Закон определяется в политической экономии через свою противоположность, через отсутствие закона; истинный закон политической экономии есть *случайность*, из движения которой мы, ученые, произвольно фиксируем в форме законов отдельные моменты»¹. Позже, особенно в своем классическом труде «Капитал», К. Маркс дал не только образцы анализа динамических и статистических законов, но и исследовал их взаимную связь, различные формы проявления, место в них случайности, представил случайность как диалектическую противоположность закона, включающуюся в сам закон и вместе с тем несущую миру социальных явлений автономность, беспорядок, хаос. Он отмечал, что как бы резко ни колебались рыночные цены на товары в зависимости от спроса и предложения, «общественно необходимое для производства продуктов рабочее время прокладывает себе путь через случайные и постоянно колеблющиеся меновые отношения продуктов частных работ... в качестве регулирующего естественного закона, действующего подобно закону тяготения...»².

Вопрос о соотношении закона и случайности рассматривали многие авторы. В частности, Ж. Т. Туленов писал: «...не имеют силу закона случайные причинные отношения... Поскольку случайные отношения могут быть, но могут и не быть, в законе случайность исключается. Следовательно, случайные причинные отношения также не имеют силу закона. Дети, играя дома, включили электрическую плиту, которая перегрелась, и в доме возник пожар. Это событие, хотя и имеет свою причину, не является законом, так как оно могло быть и могло не быть» – и далее: «Отождествление закономерности с необходимостью приведет нас к признанию случайных явлений закономерными, поскольку случайность есть форма

проявления необходимости»³. Понимание случайности как того, что может быть или не быть, является очень узким, односторонним, равно как и разграничение случайности на два вида – форму проявления необходимости и дополнение необходимости. Утверждение Ж. Т. Туленова об абсолютном исключении случайности из закона не является философски обоснованным.

Один из важнейших аспектов рассматриваемой проблемы – это вопрос о том, какая случайность закономерна и какая нет. Это вопрос о том, выступает ли случайность в качестве внутреннего атрибута закона или выступает по отношению к нему чем-то внешним. Случайность в любом из законов есть форма проявления необходимости, но сама необходимость в одних законах выступает как непосредственная, а в других – как распределенная. Это значит, что в одних законах случайность совершенно несущественна, а в других – весьма существенна. Стало быть, закон выступает то как форма выражения необходимости, то как форма выражения случайности. Это последнее выражение звучит как *contradictio in adjecto*. Но это противоречие легко объяснимо.

Случайности различаются не только степенью своей удаленности от необходимости, не только характером причинной обусловленности, но и различным тождеством с возможностью. Гегель вообще был склонен определять категорию случайности через категорию возможности. Однако такой подход к ее определению является односторонним. Нельзя понять природу случайности, рассматривая ее лишь как то, что может быть или может не быть. Апелляция к ее объяснению на основе категории необходимости обязательна. Сама случайность на этой основе оказывается расчлененной на два качественно определенных типа – единичную и массовую. Грани между ними относительны и подвижны, а потому и неопределенны. Очевидно также, что один вид случайности при определенных условиях переходит в другой. Неопределенность границ между ними не элиминирует их структурной специфики. Массовая случайность содержит в себе распределенную необходимость, характеризующуюся определенной величиной вероятности. Статистическая или вероятностная необходимость выступает как устойчивая сторона некоторого комплекса случайностей.

По-видимому, когда этот качественно определенный комплекс преобразуется, то исчезает не статистическая необходимость, а ее внешнее обнаружение, подобно тому, как стоимость продукта не исчезает, если он «снимает» с себя товарную «одежду» и выступает лишь как потребительная стоимость.

Если массовая случайность, образующая внутри себя качественно определенное единство, является полем действия статистических законов, то далеко не всякое статистическое описание представляет собой закон. Наряду со статистическими законами есть еще статистические регулярности. Если в первых случайности соединены между собой внутренне, то во вторых они выступают как нечто внешнее, рядоположенное. Социальная статистика Кетле, статистические отчеты государственных учреждений, эмпирический материал конкретных социальных исследований и многое другое отражают простейшие статистические регулярности, но не законы. Разве можно назвать законом тот факт, что наибольшее количество уличных происшествий в Москве выпадает на период с 16 до 20 часов, а наименьшее – на период с 0 до 4 часов? Это самая обычная статистическая регулярность. Категория случайности очень близка к категории возможности. Это нашло выражение и в попытках осмыслить понятие вероятности в двух парах категорий: необходимость – случайность и возможность – действительность. Вероятность представляется то как объективная мера возможности, то как степень необходимости случайного события. Это результат того, что на сегодняшний день в науке нет обобщающего понятия вероятности. В математике классическое и частное определения вероятности не были общими. Различные аксиоматические построения теории вероятности есть лишь подход к решению проблемы, но сама проблема остается открытой⁴.

Диалектический переход возможности в действительность связан с реальностью и конкретностью первой. Но возможность может быть не только реальной и конкретной, но и формальной, абстрактной. Гегель характеризовал формальную возможность через случайный способ ее превращения в действительность. Случайность как форма проявления необходимости тождественна действительности, но вместе с тем случайность есть тождество возможности

и невозможности. Это тождество находит математическое выражение в законах распределения случайных величин. Но если одни из них выражают единство необходимости и действительности, то другие выражают тождество возможности и невозможности. Закон больших чисел, нормальные законы и другие виды распределения с относительно большим значением вероятности выражают меру необходимости случайного события⁵. Распределения с малой величиной вероятности, такие как распределение Пуассона и гипергеометрическое распределение, каждое из которых может быть соответственно названо «один шанс из миллиона» и «один шанс из четырнадцати миллионов», выражают тождество возможности и невозможности. Велика ли математически фиксируемая возможность этих распределений? Очевидно, что такие возможности разумные люди не будут принимать во внимание, отнеся их к области невозможного. А являются ли эти распределения законами? Да, являются, так как в них выражена не простая регулярность, а необходимая связь возможности и действительности, которая вследствие незначительной величины на передний план выдвигает случайность. Кстати, первое из этих распределений описывает авиационные катастрофы и ряд других объективных процессов, а второе – возможность выделения шести цифр в генеральной совокупности «Спортлото», состоящей из 49 предметов, и другие аналогичные совокупности. Г. Герц в статье «Закон, развитие, случайность» верно отмечал, что многие дискуссионные вопросы физики и биологии можно решить, «учитывая результаты философских размышлений о соотношении закона и случайности»⁶.

Он отмечает, что философская концепция статистического закона сближает случайность с возможностью и настаивает на дифференцированном подходе к анализу феномена случайности. «В соотношении закона и случайности, – пишет он, – философски релевантными являются возможности элементов, поведение системы и взаимоотношения системы и элементов в эволюции»⁷. Рассматривая статистические законы как значительный прогресс в науке по отношению к открытию динамических законов, он не разграничивает резко эти два класса законов и считает, что «примени-

тельно к поведению системы она содержит возможность необходимого осуществления (динамический аспект), причем элементы системы случайно осуществляют определенную возможность, соответствующую именно данному распределению вероятностей из всего существующего поля возможностей (стохастический аспект) и вместе с тем существует вероятность перехода элемента из одного состояния в другое (пробабиллистический аспект)»⁸. Познание всех трех аспектов дает нам цельное представление о характере движения объекта. Таким образом, пробабиллистский закон, о котором пишет Г. Герц, у него представлен как устойчивая связь в смене состояний объективно данного поля возможностей.

Одним из важных аспектов темы «закон и случайность» является вопрос о связи необходимой и случайной форм детерминизма, который нельзя решить по формуле: «случайность есть форма проявления необходимости и ее дополнение». Этот вопрос, в свою очередь, тесно переплетается с вопросом о соотношении закономерности и хаотичности, в которых выражается своего рода «двойная бухгалтерия бытия». Поле распространения принципа детерминизма в современной науке не имеет демаркационных границ. Мир нельзя поделить на две части, в одной из которых действуют законы, а в другой царит хаос. Их отношения не являются рядоположенными, а представляют собой тождество в различии⁹.

Признавая наличие в объективном мире динамических и статистических законов, мы тем самым признаем необходимую форму детерминации в двух ее видах – непосредственной и распределенной. Встает вопрос: а что же тогда остается на долю случайной формы детерминации и существует ли она? Может быть, такой формы детерминации просто не существует? С подобными утверждениями мы встречаемся тогда, когда развитие материи представляется как закономерный жестко детерминированный процесс, а случайность – как побочный продукт этого развития.

Но дело обстоит значительно сложнее. «Двойная бухгалтерия бытия» дает о себе знать не вне законов, а в них самих. Закон и хаос находятся в отношениях тождества и различия. Так, динамические законы, выражая непосредственные связи, не полностью элиминируют из своего содержания случайность, а лишь переводят ее

во внешнюю область. Тело, подверженное действию динамического закона, имеет необходимую и случайную стороны. Случайные стороны, суммируясь, могут образовать или не образовать статистические регулярности. Но и в том и в другом случае их природа не меняется. Будучи единичными, качественно разнородными, количественно рассеянными, они создают хаос, являются источником беспорядка и иррегулярности. Статистический закон как устойчивая форма качественно определенного ансамбля случайностей тоже порождает хаос, но не своим внешним проявлением, а внутренним содержанием. Закон Д. К. Максвелла о распределении движения молекул газа по скоростям связывает в необходимую форму среднюю скорость движения молекул и их долю в общей массе при определенной температуре, а что касается каждой отдельной молекулы, то она движется по чисто случайной траектории, генерируя в поле молекулярного взаимодействия хаос. Таким образом, хаос, как и случайность, оказывается не по ту сторону закона, а в нем самом. Необходимость и закон, случайность и хаос – понятия в известной мере однопорядковые.

Если бы мир был конгломератом случайностей, хаотическим соединением вещей и событий, то он распался бы на свои составные части, а эти части соединились бы между собой самым причудливым образом, препятствуя какой бы то ни было тенденции развития. Наоборот, если бы в мире господствовала только необходимость и закономерность жесткой детерминации, то его движение вперед было бы заранее предопределено. В первом случае предвидение будущего невозможно, во втором такое предвидение окажется достоверным. Но на самом деле мир не имеет в своем фундаменте только одно из диалектических оснований. Он базируется на таких диалектических основаниях, которые раздваиваются. Абсолютизация какой-либо одной стороны явлений и событий мира ничем не оправдана. Почему мы должны взять в расчет количество, игнорируя качество, или обратить внимание на необходимость, забывая о случайности? Почему форма предпочтительнее, чем содержание, или наоборот? Не следует ли эти и ряд других подобных вопросов снять с вершин абстрактной истины и поставить на конкретную почву, с тем чтобы получить не годный на все

времена ответ, а такой ответ, который соответствует требованиям конкретной ситуации и подлинно диалектическому анализу?

В истории законы пролагают себе путь тоже через случайность. В ней действуют как динамические, так и статистические законы. К первым из них надо отнести наиболее общие законы исторического процесса, а также все те формационные законы, которые фиксируют связь жесткой детерминации. Но история не складывается за пределами деятельности людей, она есть сама эта деятельность. Различные воли различных людей в ней перекрещиваются, и поэтому образуется среднестатистический результат. Там, где имеет место взаимодействие массы людей, пролагают себе путь статистические законы с их внутренним механизмом вероятностной детерминации. Статистические законы действуют и там, где перекрещивается множество человеческих волей, и там, где происходит пересечение в действии динамических законов общества. Можно даже говорить о возрастании роли случайности на отдельных этапах общественного развития, о расширении базы ее действия, а следовательно, можно утверждать идею возрастания статистичности общественного процесса¹⁰. Возрастание статистичности общественного процесса не тождественно росту в нем хаоса. Развитие познания и практики дает возможность использовать статистические законы в интересах общества и снимать стихийное, неблагоприятное обнаружение статистических регулярностей, суммирующихся из единичных случайных событий.

Ф. Энгельс отмечал, что в истории «на поверхности явлений, несмотря на сознательно желаемые цели каждого отдельного человека, царствует в общем и целом, по-видимому, случай»¹¹. Мы подчеркиваем слово «на поверхности». Отсюда возникает вопрос о ценности тех знаний, которые дает наука о законах и случайностях. Знание законов, разумеется, надо предпочесть познанию случайностей, особенно единичных, несущественных, входящих в естественный ход событий издавна. Закон, причинность, необходимость, вероятность, зафиксированные в науке, дают возможность всестороннего рассмотрения изучаемых явлений, не делая процесс познания их бесконечным, каковым он неизбежно оказался бы на путях случайных, возможных, единичных явлений.

Таким образом, закон и случайность не являются внеположенными формами бытия, а взаимно проникают друг в друга. Есть два ряда законов – динамические и статистические, по-разному включающие в свое содержание случайность. Объективным критерием различения динамических и статистических законов является качественное различие между единичной и массовой случайностями. Первый вид случайности образует поле действия динамических законов, второй – статистических. Неопределенность границ между единичной и массовой случайностями является объективной основой того, что действие двух известных науке форм законов оказывается не рядоположенным, а обнаруживается в различных отношениях одного и того же объекта. Ни один объект не выпадает из поля действия того и другого закона. Признавая необходимую и случайную форму детерминации самостоятельными, мы приходим к выводу, что случайность генерирует хаос не за пределами законов, а в них самих: в динамических законах – с внешней стороны, в статистических – с внутренней. Закон и хаос выступают как две формы бытия объектов в их различных отношениях.

Примечания

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 18.

² Там же. Т. 23. С. 85.

³ Туленов Ж. Т. Система законов и категорий диалектики. Ташкент, 1974. С. 256, 263.

⁴ См.: Пятницын Б. Н. Философские проблемы вероятностных и статистических методов. М., 1976. С. 323.

⁵ См.: Гнеденко Б. В., Хинчин А. Я. Элементарное введение в теорию вероятностей. М., 1976.

⁶ Герц Г. Закон, развитие, случайность // Вопр. философии. 1978. № 8. С. 53.

⁷ Там же. С. 57.

⁸ Там же. С. 55.

⁹ См., напр.: Парнюк М. А. Принцип детерминизма в материалистической диалектике. М., 1972. С. 288; Друянов Л. А. Место закона в системе категорий материалистической диалектики. М., 1981. С. 71.

¹⁰ См.: Пилипенко Н. В. Диалектика необходимости и случайности. М., 1980. С. 189–214.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 306.

Причинная обусловленность случайности

Вопрос о связи случайности с причинностью в научной литературе не является новым. Он широко обсуждается в связи с внедрением в естествознание и общественные науки статистических представлений. В частности, причинный статус случайности был рассмотрен В. П. Бранским, который показал несостоятельность традиционного понимания случайного как того, что обусловлено несущественными причинами¹. В. П. Бранский верно подмечает, что в теоретических цепях «причинность – сущность – внутреннее» и «причинность – явление – внешнее» нельзя понять ни природы случайности, ни природы необходимости. Дело здесь не только в том, что случайные явления могут происходить в изолированной от внешних воздействий системе. В определениях случайности и необходимости через различные причины (внешнюю и внутреннюю) не учитывается относительность противопоставления внешнего и внутреннего. «Определяя случайность как то, что вызывается внешними причинами, а не внутренними, упрощают вопрос, но не разрешают его, ибо при более широком рассмотрении внешнее может стать внутренним»².

В. П. Бранский предлагает рассмотреть взаимосвязь причинности и случайности «в развитой форме», имея в виду под этим такое причинное отношение, которое развернуто в причинную цепь. По его мнению, возникновение случайных явлений всегда связано с пересечением независимых причинных цепей, тогда как необходимые явления в общем случае обусловлены пересечением зависимых причинных цепей (в частном случае – отдельной причинной цепью).

Подобное решение было высказано в свое время Г. В. Плехановым, который писал: «Случайность есть нечто относительное. Она является лишь в точке пересечения необходимых процессов»³. Слово «лишь» здесь подчеркивает один способ появления случайного, исключая всякий другой, придавая, следовательно, ему всеобщий характер.

Не останавливаясь на истории данного подхода, отметим, что в середине XIX в. он был развит в трудах французского ученого О. Курно (1801–1877), более или менее правоверными последователями которого были А. Пуанкаре и Э. Мейер.

Общее схематическое представление о случае О. Курно рисует так⁴. Во Вселенной существует бесконечное множество причинно-следственных рядов, одни из них связаны друг с другом, другие независимы; в точках соприкосновения этих рядов возникают случайности. Так, выигрыш в лотерее случаен, поскольку нет никакой связи между причинами, которые действовали при размещении номеров в урне, и причинами, которые привели к выниманию именно данного выигравшего номера. Достать из урны, наполненной шарами различных цветов, тот или иной шар можно только случайно, так как нет никакой связи между причинами, которые заставляют руку вынимать именно этот шар, и теми причинами, которые повлияли на окраску шара. О. Курно приводит также следующий пример с зависимыми и независимыми рядами. Невежественный человек, застигнутый грозой, спасается под одиноко стоящим деревом; удар молнии в дерево убивает его. Причинно-следственный ряд, в результате которого человек очутился в момент грозы под деревом, и причинно-следственный ряд, в результате которого молния ударила в дерево, убив человека, – эти два ряда зависели друг от друга: у незнающего человека был повод спрятаться под деревом, так как он считал дерево пригодной защитой, а молния в силу законов электрического заряда бьет по высоким предметам. Но если бы человек был поражен молнией в открытом поле, то это событие было бы чисто случайным, так как здесь нет никакой связи между двумя причинно-следственными рядами (местонахождением человека и ударом молнии). «События, возникшие при встрече или комбинации явлений, принадлежащих независимым рядам, получившимся в порядке причинности, мы, – пишет О. Курно, – называем явлениями *случайными* или результатами *случая*»⁵.

Итак, концепция случая О. Курно покоится на том положении, что во Вселенной существуют причинно-следственные ряды явлений, абсолютно независимые друг от друга. О. Курно считает неправомерной мысль о связи всех частей Вселенной между собой. Вся Вселенная является как бы составленной из независимых при-

чинно-следственных рядов явлений, и то, что обнаруживается при встрече независимых рядов, отмечается нами как случай.

По Курно, случайность как момент или точка пересечения причинных рядов является реально существующей в мире, имеет объективный характер.

Вслед за О. Курно анализирует проблему случайности французский математик А. Пуанкаре. А. Пуанкаре излагает три различных способа возникновения представлений о случае в нашем сознании⁶. Первый способ, когда невидимая малая причина обуславливает значительное по своим размерам действие: замеченное нами действие, произведенное незамеченной причиной, мы обозначаем как случай (пример падения стоящего на вершине громадного конуса правильной формы под влиянием легкого дуновения). Второй способ, когда ряд вместе взятых малых причин может вызвать огромное следствие: в явлении случайного распределения падающих капель дождя мы имеем дело с незначительными причинами, каждая из которых производит незначительное следствие; в результате одновременного действия причин их следствия суммируются в огромное явление – следствие. Эти следствия представляются нам случайными, так как причины, их вызвавшие, для нас оказываются неуловимыми.

Словом, Пуанкаре случай рассматривает уже не сам по себе, а в его отношении к человеческому сознанию, что уже имеет в себе зародыш субъективистского толкования случайности.

Третий способ возникновения в нашем сознании случайности у него представляется следующим образом: «Человек проходит по улице, отправляясь по своим делам. Лицо, которое было бы в курсе этих дел, могло бы сказать, почему он прошел именно в таком-то часу по такой-то улице. На крыше работает кровельщик; подрядчик, который его нанял, вероятно, в известной мере мог бы предвидеть, что он там делает. Но прохожий, о котором шла речь выше, не думает вовсе о кровельщике, как и кровельщик не думает о прохожем. Они принадлежат точно двум совершенно отдельным мирам; и тем не менее кровельщик уронил черепицу, которая убила прохожего. Мы, не колеблясь, скажем, что это дело случая»⁷.

И в данном пункте А. Пуанкаре пересматривает концепцию О. Курно в субъективистском духе. У него мы читаем: «Наши слабые силы не дают нам возможности охватить всей Вселенной, и это

заставляет нас разрезать ее на слои. Мы стараемся выполнить это наименее искусственно, и тем не менее иногда оказывается, что два различных слоя влияют один на другой. Результаты такого взаимодействия мы склонны приписывать случаю»⁸.

А. Пуанкаре утверждает, что его общая концепция случайности применима и к ее историческому виду. Ссылаясь на неуправляемость и сложность действия мелких причин, а также на динамизм исторического процесса, он приходит к выводу о наличии элемента случайности во всяком историческом событии. Своеобразную трактовку исторической случайности и ее причинного объяснения развил немецкий историк Эд. Мейер. Ему принадлежит замечательное высказывание: «Каждое явление оказывается и необходимым, и случайным в одно и то же время: оно представляется нам необходимым, когда мы рассматриваем его в связи с тем причинным рядом, звеном которого оно является, – и случайным, когда мы смотрим на него с точки зрения другого причинного ряда, с которым оно только совпадает в пространстве и времени и на который, благодаря этому, оно оказывает свое действие. Так как последнее не может быть выведено из условий второго причинного ряда, но является результатом воздействия извне, то закономерное отношение причин и следствий во втором причинном ряду оказывается нарушенным встречей с первым причинным рядом. С точки зрения второго причинного ряда эта встреча является, следовательно, случайностью»⁹.

В двух пунктах взгляды Мейера отличаются от взглядов Курно. Во-первых, Мейер каждый исторический факт считает случайным по его существу. Он шире видит скрещивание независимых причинных рядов, чем мы встречаем это у Курно. Если у Курно они скрещиваются иногда, то, по Мейеру, это происходит всегда, постоянно, вследствие чего становится случайным каждый процесс и каждый объект чувственного мира. Во-вторых, Мейер далек от реалистической точки зрения, на которой определенно стоял Курно. В этом не оставляет сомнений его фраза: «Случайность и необходимость не являются свойствами, присущими самим вещам, но, как причинно-следственная связь, только теми категориями, под которые мы подводим явления»¹⁰.

Вместе с тем у Э. Мейера случайность не исчезает с познанием ее причин, так как она связана со способностью человеческого

ума к отражению единичного в явлениях на уровне эмпирического знания, а необходимость связана с другим свойством человеческого познания – отражением общего, универсального в явлениях на уровне теоретического знания.

Э. Мейер высказывает мысль об относительности случайности и необходимости в связи с причинностью: «Мы можем взглянуть на этот вопрос и с более широкой точки зрения, соединив несколько причинно-следственных рядов в одно целое; тогда также и их скрещивание нам покажется необходимым, потому что тогда они дадут одну систему, которая и будет предустанавливать, что отдельные причинно-следственные ряды в пространстве и во времени должны будут перекрещиваться именно в данном пункте»¹¹. Из этой цитаты сам собой напрашивается вывод о том, что случайное в одном отношении есть необходимое – в другом, и наоборот.

Такой вывод, как известно, был сделан уже Гегелем, который показал, что без выяснения внутренней связи случайности с необходимостью, а причинности – с взаимодействием не может быть раскрыта действительная природа случайного, отношение случайности к причинности. Материалистически истолковав выводы Гегеля, у которого диалектика ограничивалась сферой логических отношений, Ф. Энгельс дал подлинно научное решение проблемы детерминации явлений, включая детерминацию случайного. Трактовка случайности как пересечения независимых причинных рядов была заменена другой, более глубокой концепцией.

В «Науке логики» Гегель всесторонне исследует соотношение между причинностью и взаимодействием¹². Гегель верно подметил две тенденции в действии причины: самосохранение причины в первоначальном виде и тенденцию выразить свою сущность в чем-то другом. Он различал три вида причинной связи: определенную причинность, обусловленную причинность и причинность как взаимодействие. Для первого вида причинности характерна последовательность движений, из которых одно определяет другое; для второго – превращение части вызванного следствия в условие действия причины; для третьего – одновременное действие различных сторон друг на друга, взаимная причинность. Элемент взаимодействия есть во всех трех видах причинности. Вот почему, согласно Гегелю, категория взаимодействия раскрывает сущность причинной зависимости.

Ф. Энгельс показал, что материальное взаимодействие является основой причинности. В «Диалектике природы» он писал: «Взаимодействие является истинной *causa finalis* (конечной причиной) вещей. Мы не можем пойти дальше познания этого взаимодействия именно потому, что позади его нечего больше познавать»¹³.

Взаимодействие является причиной существования отдельных материальных образований, причиной их изменения, причиной появления чего-то нового. Раз материя находится в вечном самодвижении, которое определяется имманентными противоречиями каждого отдельного ее вида, то, следовательно, в мире нет беспричинных явлений. Всякое противоречие в основе своей есть взаимодействие. Причинная зависимость как момент взаимодействия может быть понята лишь в связи с взаимодействием. «Только исходя из этого универсального взаимодействия, – писал Ф. Энгельс, – мы приходим к действительному каузальному отношению»¹⁴. И далее: «Чтобы понять отдельные явления, мы должны вырвать их из всеобщей связи и рассматривать их изолированно, а в таком случае сменяющиеся движения выступают перед нами – одно как причина, другое как действие»¹⁵. Ф. Энгельс подчеркивает, что главное в представлении о причинности – это необходимая смена и объективное порождение одного движения другим.

Причина выступает как такое явление, которое вызывает к действительности другое и определяет его природу. Всякое следствие обязано своим появлением прежде всего причине, но не только ей одной. Причина никогда не выступает как единственный детерминирующий фактор и без связи с соответствующими условиями, если считаться с фактом универсального взаимодействия. Совокупность всех причин, определяющих появление нового, и составляет его основание. Основание, по определению Гегеля, представляет собой некоторый набор причин, которые вместе составляют необходимым фактор появления нового. Но всякое новое появляется в определенных условиях, которые, будучи соединенными основанием, создают все необходимое и достаточное для его появления.

Именно в связи с условиями можно различать внутреннее и внешнее основание. Если под первым разумеется совокупность детерминирующих факторов причинного характера, то под вторым – совокупность условий, соответствующих проявлению данных при-

чин, влияющих на них с той или с другой стороны. Такое различие не является надуманным. Применительно к обществу оно было отмечено Марксом: «...один и тот же экономический базис – один и тот же со стороны основных условий – благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. – может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств»¹⁶.

В связи с категориями причины и основания становится понятной специфическая природа случайного. Рассматривая категорию случайности в ее связи с причинностью, необходимостью и возможностью, Гегель дает несколько глубоких, на первый взгляд кажущихся различными определений случайности. Но такое многообразие определений, выражаясь языком Гегеля, не есть «бегство в пустоту и неопределенность». Скорее наоборот, это результат тесной связи случайности с другими категориями диалектики и многообразия ее содержания. Он пишет: «Единство возможности и действительности есть случайность. Случайное – это нечто действительное, определенное в то же время лишь как возможное... Случайное представляет нам поэтому две стороны» – и далее: «Следовательно, случайное не имеет основания потому, что оно случайно, и точно так же оно имеет основание, потому что оно случайно»¹⁷. Затем Гегель определяет случайность как различие между возможностью и действительностью, а необходимость как «тождество каждого из них в другом»¹⁸.

Из совокупности взглядов на случайность и необходимость Ф. Энгельс в «Диалектике природы» высоко оценил именно эти, подчеркивая их диалектическое содержание: «...случайное необходимо... необходимость сама определяет себя как случайность...»¹⁹. Критическая переработка философии Гегеля привела Энгельса к принципиально новой, диалектико-материалистической концепции случайности, основным содержанием которой является закон связи случайного с необходимым: случайность есть дополнение и форма проявления необходимости.

В каком же отношении находятся случайность и причинность? Поскольку важнейшей слагаемой причинной зависимости является необходимость, то, может быть, для случайности здесь не оста-

ется места? Положительный ответ на вопрос был бы, в сущности, метафизическим. Причинность не исключает случайности, а полагает ее так же, как полагает необходимость. Но необходимость и случайность занимают различные места в причинной зависимости. Известно, что противоположность необходимости и случайности относительна: то, что в одном отношении выступает как необходимость, в другом выступает как случайное. Отношение как совместная определенность предметов и явлений выступает здесь в качестве критерия различения необходимости и случайности. В каких же отношениях каждое из этих свойств реальных вещей становится самим собой, выступает в своем собственном одеянии? Ответить на этот вопрос нам помогает принцип детерминизма.

Если необходимость есть то, что полностью детерминировано в определенном отношении, то случайность – это то, что в этом же отношении детерминировано частично или совсем не детерминировано, будучи детерминированным в другом, более отдаленном отношении. Случайное зависит от данной и другой причины и все более обретает свое собственное содержание именно по отношению к той причине, от которой оно меньше всего зависит. И если Гегель и Энгельс утверждают, что случайное имеет и не имеет основания, то это надо понимать так, что по отношению к основанию как совокупности причин одно и то же явление оказывается и необходимым, и случайным: случайным по отношению к тем причинам, которые его детерминируют частично, и необходимым по отношению к тем, которые его детерминируют полностью. Односторонность в анализе случайного проявляется как раз в том, что его объективное содержание кажется раз навсегда данным. Но это далеко не так, поскольку в разных отношениях случайное и необходимое меняются местами, а степень случайности события все более возрастает по мере отдаления условий его детерминации от основных причин.

В прямой связи с вопросом о детерминации случайного стоит вопрос об однозначной и многозначной причинности. Лапласовский детерминизм, исходящий из однозначного характера причинной связи, давно признан ограниченным, применимым лишь к определенному типу причинно-следственных отношений. Но как понимать отсутствие однозначности в причинном отношении?

Нередко неоднозначность рассматривается как достаточно длинная причинная цепь, на каждое звено которой действует ряд внешних факторов, учесть которые практически невозможно. Ветвящуюся структуру причинной цепи мы невольно линеаризируем. В каждом отдельном звене этой цепи имеет место однозначность, во всей линии – многозначность. Получается, что однозначная связь имеет приоритет перед многозначной, о чем совершенно определенно говорит, например, Г. А. Свечников, считая, что отрицание однозначности «противоречило бы самому понятию причинности»²⁰.

Но смотреть на понятие причинности как на некий абсолют, достигнутый в ходе человеческого познания, было бы неверно. Наука, как и тот мир, который она отражает в форме объективной истины, подвержена диалектическому изменению. Уже к началу XX в. под напором новых научных данных ученые вынуждены были, выражаясь словами А. Эйнштейна, низвергнуть принцип однозначной причинности «с Олимпа априорности», делая неизбежный шаг от метафизики к диалектике. Импульсом к этому шагу послужило обобщение того громадного эмпирического материала, который был добыт в ходе развития естествознания и математических наук к началу XX в.

«Диалектический материализм, – отмечал Л. Б. Баженов, – давно уже доказал ограниченность лапласовского детерминизма и указал общий путь преодоления этой ограниченности – выработку такого понятия причинности, в котором необходимость и случайность не были внеположенными противоположностями»²¹.

Рядом с понятием «однозначной причинности» появилось понятие «вероятностной причинности», содержание которой характеризуется особым типом взаимной связи необходимости и случайности. Причинность вероятностного характера включает в свое содержание особый вид необходимости, который получил название статистической. Статистическая необходимость выступает как общая необходимость для массы случайностей, проявляющаяся через них. Важнейшей характеристикой такой необходимости является распределение как показатель долевого участия общей необходимости в массе случайностей. Именно благодаря тому, что через распределение выражается связь статистической необходимости со случайностью, принцип вероятностной причинности хорошо работает в науке и с успехом применяется в практике. Случайность с точки

зрения вероятностной причинности означает, что при переходе от одного явления к другому характеристики явлений изменяются независимо друг от друга, т. е. значение свойства одного явления не определяется значением такого же свойства у другого явления.

Итак, формула Курно – Плеханова может применяться в науке, но в ограниченных масштабах. Более общей формулой является та, которая принадлежит Энгельсу: случайность есть дополнение и форма проявления необходимости. Необходимое и случайное имеют различные и одновременно тождественные основания. Случайность, будучи формой проявления необходимости, имеет иное каузальное сцепление, чем сама необходимость. Случайность есть результат совместного действия соседних, но независимых друг от друга факторов на необходимый процесс, определяемый главными причинами. Так как полного тождества в сочетании внешних, сопутствующих факторов нет, необходимость всегда проявляется в различных случайностях, как бы расцветивается ими. Сопутствующие детерминирующие факторы выступают как дополнения к главным детерминирующим факторам, создают конкретную форму внешнего обнаружения необходимости. Реальное каузальное сцепление, обнаруживающееся в единстве необходимости и случайности, оказывается настолько сложным, что мы можем говорить о причине случая только в определенном отношении, и чем более отдаленной оказывается связь между явлением и его причиной, тем более случайным оно становится. Но самые отдаленные причины оказываются вместе с тем и менее интересными для науки. Ф. Энгельс очень верно заметил, что если бы наука взялась проследить каждый отдельный случай в его каузальном сцеплении со все более отдаленными причинами, то она была бы не наукой, а простой игрой.

Примечания

¹ См.: *Бранский В. П.* Взаимосвязь причинности и случайности // *Филос. науки.* 1971. № 6.

² *Кравец А. С.* Вероятность и системы. Воронеж, 1970. С. 139.

³ *Плеханов Г. В.* Избранные философские произведения. М., 1956. Т. 2. С. 323.

⁴ См.: *Курно О.* Основы теории шансов и вероятностей. М., 1970.

⁵ Там же. С. 85–86.

⁶ См.: *Пуанкаре А.* О науке. М., 1983. С. 324–326.

⁷ Пуанкаре А. О науке. С. 327–328.

⁸ Там же. С. 328.

⁹ Meyer Ed. Zur Theorie und Methodik der Geschichte. Halle, 1902. S. 17–18.

¹⁰ Ibid. S. 17.

¹¹ Ibid. S. 18–19.

¹² См.: Гегель. Наука логики. М., 1971. Т. 2. С. 208–221.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 546.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 547.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25, ч. 2. С. 354.

¹⁷ Гегель. Наука логики. М., 1971. Т. 2. С. 192.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 535.

²⁰ Свечников Г. А. Категория причинности в физике. М., 1961. С. 32.

²¹ Цит. по: Философия естествознания. М., 1966. С. 235.

Лекция 22

Причинность и генетическая связь

Разработка целостного диалектического метода, как известно, предполагает становление такой развитой системы категорий, которая в своей совокупности создавала бы возможность теоретически понять всю сложность и многообразие развивающегося объективного мира. Один из важнейших аспектов этой задачи – анализ соотношения между категориями старыми, содержание которых исторически уточняется, и новыми, нуждающимися в теоретическом и терминологическом обосновании.

Понятия генезиса и причинности в этой системе новыми, конечно, не являются, но необходимость уточнения их взаимной значимости относится к числу наиболее актуальных проблем философского знания.

В нашей философской литературе до сих пор продолжают настойчивые попытки вложить в понятие причинности как можно более многообразный смысл, хотя для отражения объективного многообразия выработан достаточно развитый категориальный аппарат. Нам представляется, что акцент в изучении категорий диалектики пора переместить на анализ их тождества и различий,

на выяснение специфики категориального выражения объективно существующих связей и переходов в развивающемся мире. Применение многозначных и в этом смысле неразвитых диалектических понятий к объективному миру, например к биологическим явлениям, может привести лишь к искажению сути дела, а иногда и к ненужной двусмысленности. Глубоко прав, на наш взгляд, И. Т. Фролов, протестуя против возврата в биологическую науку таких понятий, как «целевая причинность» или «внутренняя цель», создающих лишь видимость объяснения и не учитывающих качественного различия между разными уровнями материи¹.

Одним из проявлений философски не осознанной многозначности категорий является фактическое отождествление причинности и генетической связи.

Как правило, причинность рассматривается в качестве философской категории для обозначения генетической связи явлений, из которых одно (называемое причиной) обуславливает, порождает, производит другое (называемое следствием или действием)². Поскольку причинность определяется через генетическую связь, читатель ищет разъяснения, что это значит. Но здесь его ждет разочарование: даже в пятитомной «Философской энциклопедии» нет ни слова о наличии таковой в системе философских категорий как особой и имеющей специфически самостоятельный смысл. Исключение составляет лишь краткая характеристика понятия «генезис», ничуть не проясняющая отношение причинной и генетической связей. Обратившись к специальным исследованиям, посвященным анализу рождающегося научного знания в его категориальных способах выражения, любознательный читатель снова не найдет даже упоминания о генетической связи. Тем самым в понятия «причинная связь» и «генетическая связь» молчаливо вкладывается абсолютно совпадающий, синонимический смысл. И лишь в ряде исследований сделана серьезная попытка выяснить собственную природу генетической связи, включая и отличие ее от связи причинной.

По мнению В. И. Столярова, генетическая связь – это связь, характеризующая процесс изменения, процесс перехода одного предмета в другой; это такого рода *любое* изменение, при котором изменяющийся предмет не исчезает абсолютно, а всегда в преоб-

разованном виде включается в результат изменения. По отношению к состояниям изменяющегося предмета генетическая связь рассматривается В. И. Столяровым как связь *состояний*, последняя же, в свою очередь, выражает порядок, закономерность изменения предмета во времени³. В отличие от причинности генетическая связь характеризуется как связь результата изменения с тем, из чего (а не под воздействием, влиянием чего) появляется этот результат. «Познание причинной связи – это установление источника процесса изменения, а познание генетической связи – это определение изменяющегося предмета, выяснение характера его изменения и результата данного процесса»⁴.

Во всех этих положениях, безусловно, есть много верного и интересного, но ряд моментов, в том числе диалектика взаимосвязи генетической связи с причинностью, а также связью состояний (имеющей, по мнению некоторых авторов, самостоятельный общепhilosophический смысл)⁵, нуждается, на наш взгляд, в существенных уточнениях.

В первую очередь необходимо установить, для осознания какого рода изменений в объективном мире вырабатывается людьми понятие генетической связи. Относя генетическую связь к *любим* изменениям (лишь бы предмет при этом не исчезал бесследно), отличая ее с этих позиций от связей, характеризующих *специфические* типы изменения (например, связи отрицания), В. И. Столяров неизбежно придает генетической связи абстрактный и потому не адекватный объективному миру облик.

Всякое понятие в целостной системе диалектических категорий имеет смысл и реальную значимость только в том случае, если универсальное движение и взаимодействие предметного мира отражается данным понятием лишь с какой-то специфической стороны. Отражая многообразие всеобщих взаимосвязей мира, все категории диалектики *специфичны* по отношению друг к другу. И если специфика какой-либо категории в ее наиболее существенных моментах наукой не схватывается, то это свидетельствует лишь об уровне развития данной науки, а точнее – о неразвитости ее теоретической основы.

Понятие генетической связи и этимологически, и по существу вырабатывалось для отражения одного из специфических момен-

тов диалектики изменения и сохранения, а именно сложной природы самого становления, возникновения, рождения и в этом смысле всякого начала нового цикла в цепи бесконечных превращений материального мира. Конечно, для того, чтобы *всесторонне* рассмотреть процесс рождения нового, необходима целая совокупность диалектических категорий, таких как «снятие», «отрицание», «скачок», «причинная связь», «возможность» и многие другие. Но специфическое содержание каждой из этих категорий различно в их отношении к процессу возникновения нового, и никогда не совпадает с отражением этого процесса ни по объему, ни по содержанию.

Определение содержания генетической связи в своеобразии ее собственной формы, не затемненной воздействием других всеобщих связей, представляет собой трудную, но разрешимую задачу. Чтобы эту задачу реализовать, необходим не только конкретный анализ *объективно* происходящих процессов рождения нового, но сами эти процессы должны быть взяты в наиболее развитой и потому обнаженной форме. В ходе *изменения состояний* одного и того же (например, преобразования домонополистического капитализма в империализм) ни основные закономерности, ни принципиальная структура, ни природа самих изменяющихся предметов по существу не меняются.

От простого изменения состояний В. И. Столяров отличает *превращения*, в результате которых данный предмет преобразуется в предмет, обладающий качественно иной структурой, специфическими закономерностями, иной сущностью (например, превращение капитализма в социализм). Поскольку процесс перерастания капитализма в социализм, рассматриваемый по отношению к обществу, выступает как переход последнего из одного состояния в другое, В. И. Столяров полагает, что двоякий характер процесса изменения (как смены состояний и как процесса превращения) присущ *любому* случаю⁶. С такой абсолютизацией невозможно согласиться: во внимание не принят особый вид превращений – изменение самого *типа взаимодействия* и возникновение на этой основе *новой формы движения материи*. Назвать процесс перехода от неорганической материи к живой, органической, или от биологической – к социальной сменой состояний *одного и того же*

практически невозможно, поскольку материя, по отношению к которой такой вывод абстрактно возможен, сама выступает здесь *в наиболее развитой форме саморазвития – как рождение нового.*

Воспользуемся одной из таких конкретных форм – возникновением элементарной социальной связи в условиях полного господства биологических законов для того, чтобы вычленил наиболее существенные свойства генетической связи в ее отличии от причинности.

Трудность понимания начала социальной организации определяется тем обстоятельством, что мы принципиально не вправе принимать во внимание какие бы то ни было иные предпосылки, кроме чисто биологических: ни труд, ни социальные институты, ни культуру, ни сознание. А между тем нельзя ограничиться и простым перечислением биологических предпосылок (эволюция стадных форм жизни, орудийной деятельности, психики), обусловивших возможность появления социального, ибо уже в рамках биологической формы движения в каком-то ее звене происходит прорыв, т. е. возникает реально такое сочетание связей, которое уже выходит за пределы обычных преобразований биологического характера. Иначе говоря, конечные предпосылки возникновения социальных связей должны, оставаясь биологическими, одновременно выводить за пределы биологического. Начальная (элементарная) социальная связь должна быть принципиально выводимой из обычных биологических связей и явлений и одновременно должна обладать такой специфической изменчивостью, которая обеспечивала бы ее удаление от остальных биологических связей.

Лишь при соблюдении перечисленных условий можно логически непротиворечиво и теоретически строго объяснить тот поразительный парадокс, над разрешением которого бьется исследовательская мысль: совершенно очевидно, с одной стороны, что общество и его законы нельзя вывести из биологической природы в силу их качественного своеобразия; но столь же очевидно, с другой, что общество и его законы не могли возникнуть ниоткуда, кроме биологической природы и ее основных законов. Если социальное и биологическое взять в их развитии, вполне самоопределившемся виде, данный парадокс неразрешим по самому своему существу. Но исторически, *в акте своего возникновения*, социаль-

ное должно носить объективно противоречивый характер, – обладая одновременно чертами выводимости из биологического и несводимости к нему. Элементарная форма социальной связи, будучи конкретным проявлением генетической связи старого и нового, биологического и социального, должна быть тождественной в каком-то отношении и тому, и другому. К резкому обособлению социального, к его абсолютной непохожести приводит лишь реализация во времени такого обязательного свойства социального, каким является его саморазвитие.

Чтобы генетическая связь (в данном конкретном примере – элементарная социальная связь) обладала столь противоречивой природой, существует только одна возможность: генетическая связь по способу зарождения должна быть уникальным сочетанием элементов старого.

Эволюция стадных форм жизни, развитие механизмов высшей нервной деятельности и форм отражения относятся к наиболее обычным, исключительно изменчивым, гибким и вариабельным способам биологического существования. Орудийная деятельность – явление более редкое и ограниченное в своем многообразии, но также встречается в животном мире (у осьминогов, дарвиновских вьюрков, каланов, капуцинов, макак-крабоедов и др.). Но в *обычных* биологических условиях орудийная деятельность животных носит индивидуальный характер; стадные формы регуляции никогда не затрагивают орудийной деятельности; психика же эволюционирует как явление индивидуальное, обслуживающее лишь то, что имеет биологическую значимость для отдельной особи.

Элементарная социальная связь может быть понята лишь как необычный способ сцепления этих обычных для биологического мира явлений. Если учесть всю совокупность теоретических ограничений, вытекающих либо из биологических закономерностей, либо из фактического материала, накопленного ныне биологическими и историческими науками, то механизм этого уникального сцепления в самых общих чертах представляется в следующем виде.

Чтобы могла возникнуть социальная связь в ее наиболее элементарной форме, стадная форма жизни (структура сообщества, формы регуляции, способ жизнедеятельности) должна с самого

начала складываться вокруг функции регулирования орудийной деятельности, а это возможно лишь в том случае, если орудийная деятельность приобрела бы «вдруг» взаимозависимый (и в этом смысле совместный) характер. Анализ фактического и теоретического материала показывает, что такая возможность может возникнуть в процессе формирования нового механизма психики на основе звуков, подкрепляющих орудийную деятельность индивидов и тем самым облегчающих (в сообществе) рождение у индивидов «ага-реакции» и функционирование представлений.

Первичная социальная связь есть такая жесткая взаимозависимость между индивидами, ведущими орудийную деятельность, которая становится возможной на базе звуков, подкрепляющих систематическую обработку орудий. Поскольку необычным является лишь сцепление обычных биологических явлений, а само сцепление происходит в соответствии с биологическими законами, постольку элементарная социальная связь *в акте своего возникновения* сохраняет тождественность с биологическими связями. Но поскольку уникальными являются не сами элементы целого, а *способ* (форма) их сцепления, не встречающийся в рамках биологического мира, и постольку этот способ сцепления, будучи проверен жизнью, оказался устойчивым, постольку элементарная социальная связь (т. е. обусловленная языком совместная трудовая деятельность людей) становится *первичной клеточкой*, из которой в дальнейшем вырастает вся сложнейшая система социального.

В генетической связи момент уникальности, таким образом, не только присутствует, но и претерпевает превращение из своей случайной формы в необходимую. С этой точки зрения генетическая связь всегда *конкретна*, в ней всегда есть момент случайности, которая *становится необходимостью для другой системы связей*. Рождение нового не может быть отождествлено здесь со *сменной состояний* в силу двух обстоятельств. Во-первых, в силу того, что новое *возникает* на базе абсолютно не встречавшегося ранее и в этом смысле случайного варианта старого. А во-вторых, само становление нового заключается в том, что уникальность сцепления превращает элементы старого в свою противоположность. Возникновение элементарной социальной связи выразилось, например, в том, что орудийная деятельность из индивидуальной

формы превратилась в совместную; стадо из экологически обусловленной формы популяционного (внутривидового) взаимодействия превратилось в синкретическое, слитное и неразвитое единство коллективного труда и института регуляции; психика индивидуально значимая превратилась в психику, зависимую от способности совместно отражать всеобщее.

В превращении каждого из составных элементов целого под воздействием уникальности объединения в свое иное, в свою собственную противоположность, скрывается тайна и механизм возникновения всякой генетической связи, амбивалентность и неуловимость ее субстанциального бытия. Можно лишь удивляться глубочайшей прозорливости Гегеля, сумевшего угадать механизм возникновения действительных вещей и процессов в абстрактной диалектике категорий бытия и ничто, каждое из которых *«непосредственно исчезает в своей противоположности. Их истина есть, следовательно, это движение непосредственного исчезновения одного в другом: становление...»*⁷. В становлении абстрактность бытия и ничто снимается, в связи с чем становление рассматривается Гегелем как *первое конкретное*, как единство противоположностей, как подлинное начало саморазвития.

Рождение нового (генетическая связь) не может быть ни отождествлено с причинной связью, ни оторвано от нее. В обоих типах связей мы находим момент *порождения*, что и создает возможность их обезличенного отождествления. Стремление понять механизмы их самостоятельного функционирования сразу же обнаруживает различия внутри тождества.

В причинной связи момент порождения наличествует только как *процесс*, непосредственно *угасающий в действии*. В генетической связи тот же самый момент порождения выступает уже как *результат*, непосредственно *снимающий действие* причины, *прерывающий и преобразующий* обычный процесс причинения. Поясним, в чем здесь существо различия, поскольку вне конкретного анализа генетическая связь может быть расценена в виде *обычного следствия*, с которым, как правило, и связывается ныне причинная связь.

Действительная природа причинной связи наиболее четко обнаруживается в уже возникшей, ставшей, разившейся системе

многообразия. В такой сложившейся системе вещи и их отдельные свойства, будучи результатом саморазвития системы, изменяются и тем самым воздействуют друг на друга. Именно в этих условиях причинная связь может быть понята как внутреннее *взаимодействие*, как «истинная *causa finalis* вещей»⁸. По существу, через понятие причинной связи мы схватываем саму активность материи, ее способность *вызывать* действие. Лишь в целостной и взаимосвязанной системе воздействие одних вещей или событий на другие может выступать не только в виде непрерывной цепочки переходов, но и в качестве обусловленного многообразием универсального взаимодействия. Поскольку основа, порождающая изменения, сама по себе не исчезает, а лишь увеличивает свое многообразие, постольку всякое новое событие, всякая новая вещь могут рассматриваться *одновременно* и как видоизменение старого (единства), и как становление нового (многообразия). Видоизменение старого по отношению к породившей его причине есть *противодействие*, погружающееся затем в пучину непрерывного взаимодействия. И только в форме возрастающего многообразия и по отношению к единому основанию новая вещь есть *следствие*, *результат* внутренней абсолютной активности наличного бытия.

В качестве следствия новая вещь сохраняется в основании наличного бытия, существуя *в реальности* как единичное проявление многообразия, а *в возможности* – как *генетическая связь*.

Итак, генетическая связь присутствует во всякой причинной связи в скрытом, обычно не реализующемся виде, в форме *возможности*. Всякое следствие со стороны случайности есть скрытая генетическая связь. Пока случайности детерминированы внутренней необходимостью, генетическая связь составляет момент причинной связи, одну из сторон ее противоречивого бытия, скрытую пружину ее собственного саморазвития в сфере всеобщности. Когда же случайность затрагивает структурные взаимосвязи старой *системы* многообразия, когда она выходит тем самым из сферы обычной детерминации, тогда бьет час и для выхода на сцену генетической связи, которая и рождается «вдруг» в самых неожиданных одеяниях, поражая исследователей позднейшего времени противоестественным единством *законченной* формы и *текущести* содержания. Как форма новая связь кажется родившейся

сразу из ничего, но поскольку в новой форме начинает жить, играя невиданными ранее гранями, совершенно другое содержание, рождение нового из «ничего» кажется абсолютным чудом, не поддающимся самому строгому научному анализу с позиций самого строгого детерминизма. Одним из моментов, порождающих мысль о «крушении» детерминизма, является непонимание объективной диалектики генетической и причинной связи, их метаморфозы.

В момент рождения новой системы многообразия, нового типа взаимодействия, обладающего принципиально иной структурой, генетическая связь окончательно *становится*, превращаясь из возможности в действительность, из случайности – в необходимость, из части – в целое. Зато все старые вещи и события, выступавшие в форме взаимного причинения в старой системе многообразия, теперь, после рождения генетической связи, перестают *непосредственно* воздействовать на любую новую вещь или новое событие, принадлежащее другой системе. Старые причинные связи теперь уже не просто угасают в действии, они в прямом смысле снимаются, перестают действовать в старой форме и потому теряют свою *объяснительную* функцию в системе последующего знания.

В связи с этим сошлемся на непрекращающиеся дискуссии о «первичных» причинах перехода от биологической формы движения к социальной. Признавая, что возникновение элементарной социальной связи было результатом разрешения внутренних противоречий природы в целом и в этом смысле – закономерным явлением, исследовательская мысль, как правило, продолжает искать *особые* природные причины, *непосредственно* вызвавшие выделение человека из мира животных. В их числе называются и внешние для органического мира причины (например, резкое изменение климатических условий Земли типа всемирного оледенения)⁹, и внутренние (например, мутационные сдвиги¹⁰, сдвиги в соотношении полов внутри стада предлюдей¹¹ и т. д.). Все эти способы решения несостоятельны в первую очередь методологически, поскольку для объяснения *направленности* развития диалектика вырабатывает другие категории (прогресс, регресс, развитие и т. д.). Объяснение *сдвига в направлении*, в свою очередь, способны дать такие специфические философские категории, как генетическая связь, возможность и действительность и др. Ни объяснение на-

правленности, ни объяснение сдвигов ее не относится к «компетенции» ближайшей причинной связи.

Конечно, вне причинной обусловленности никакое событие не может произойти, стать действительностью, актуализироваться. В полной мере относится это и к тому грандиозному сдвигу в истории Земли, содержанием которого явился переход от биологических взаимосвязей к социальным. Каждое отдельное событие, из совокупности которых складывался сложный процесс антропогенеза, имело свою специфическую причину. Однако из этой суммы причин столь же невозможно составить направленный сдвиг, как из тысячи мышей – одну лошадь. Даже наиболее ответственный момент всего этого великого перелома – объединение предлюдей в целевые сообщества, формирующиеся вокруг орудийной деятельности, – имея причину, не может быть понят из нее сам по себе. Причиной этого растянутого во времени, но постоянно воспроизводимого события послужил, на наш взгляд, глубокий внутренний кризис существования целых популяций высших антропоидов, в свою очередь порожденный действием развившихся до своего предела общебиологических противоречий и нашедший свое реальное выражение в форме обостренного биологического состязания. Но разве объясняет само по себе биологическое состязание специфическую форму сцепления прегоминид в единое сообщество, или целевой характер объединения, или тенденцию к возрастанию внутренней устойчивости формирующихся стад?

Пока генетическая связь не сложилась, причинная связь реализуется лишь в многообразии взаимодействий старого типа. Возникновение же генетической связи как специфической формы сцепления элементов старого в новую системную связь делает непосредственное воздействие старых причинных связей (в том числе, например, и биологического состязания в процессе антропогенеза) невозможным. Генетическая связь *преобразует* всякое внешнее воздействие, заставляя его приобрести форму, соответствующую природе генетической связи.

Если генетическая связь потенциально содержится во внутренней раздвоенности всякой причинной связи, то причинная связь актуально развертывается на основе единства генетической связи. Всякое бытие новой материальной системы, начинаясь с рожде-

ния генетической связи, предполагает ее последующее внутренне противоречивое развитие, одним из моментов которого является рост многообразия, открывающий все больше простора для действия внутренних причинных связей. В свою очередь, актуализация новых причинных связей воздвигает на исходном основании генетической связи все более сложную систему опосредований. В растущей сложности новой целостной системы генетическая связь как исходное непосредственное основание становится все более видоизмененной в результате появления новых состояний, элементов, законов. Именно причинность как внутренняя абсолютная активность материи реально погружает вглубь то самое основание, на ложе которого она рождается, все более маскируя его в вихре превращений единого, все более усложняя связь текущей повседневности с устойчивостью древнего основания.

Взаимное отношение причинной и генетической связи оказывается, таким образом, внутренне диалектичным. Говоря словами Гераклита, «смертью друг друга они живут, жизнью друг друга они умирают»¹². Вполне понятно, что в системе взаимосвязи с другими категориями диалектики и причинность, и генетическая связь получают новую определенность, которая уже не является объектом нашего рассмотрения. Лишь целостная совокупность гибких и многообразных форм категориального выражения может дать истинную картину вечного динамизма материи, ее способности к «спонтанейному развитию», к «живой жизни», к «самодвижению»¹³.

Примечания

¹ См.: *Философия и современная биология*. М., 1973.

² См.: *Философская энциклопедия*. М., 1967. С. 370; *Философский словарь*. М., 1972. С. 329.

³ См.: *Столяров В. И.* Процесс изменения и его познание. М., 1966. С. 25, 31, 34, 92.

⁴ Там же. С. 32.

⁵ См.: *Свечников Г. А.* Причинность и связь состояний в физике. М., 1971. С. 295.

⁶ См.: *Столяров В. И.* Процесс изменения и его познание. С. 28.

⁷ *Гегель*. Наука логики. М., 1970. С. 140–141.

⁸ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 546.

⁹ См.: *Вейнер Т. Г.* Происхождение человечества. М., 1935. С. 301; *Забелин И. М.* Физическая география и наука будущего. М., 1970. С. 45.

¹⁰ См.: VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1968. Т. 3. С. 588–599; Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса. М., 1972. С. 56–62.

¹¹ См.: Природа Земли и происхождение человека. М., 1966. С. 254–255; Тих Н. А. Предыстория общества. Л., 1970. С. 281–290.

¹² Материалисты Древней Греции. М., 1955. С. 46.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 317.

Лекция 23

Сущность развития как методологическая проблема

Среди многообразных по глубине, универсальности и бескомпромиссной остроте проблем современного научного знания проблема сущности развития, безусловно, занимает одно из важнейших мест. Здесь сконцентрированы наибольшие трудности познания (парадокс развития), здесь находится фокус коренных различий в сфере методологии (две концепции развития), здесь, наконец, скрываются истоки социального оптимизма или пессимизма (проблема судеб Вселенной, Земли, жизни, человеческого рода).

Философское обсуждение феномена развития разворачивается на всех уровнях и применительно ко всем сферам объективного мира и его отражения¹. При этом философы марксистской ориентации считают учение о развитии необходимым способом познания и революционного преобразования действительности, все они признают источником и движущей силой развития противоречие, признают объективный характер многообразия форм, в которых развитие реализуется. Такое мировоззренческое единство создает все условия и для вычленения существа проблемы, и для многообразия подходов к ней. За разнообразием мнений и незавершенностью дискуссий нередко теряется основное проблемное содержание, порождающее необходимость в теоретическом синтезе и определяющее реальное движение совокупного философского знания. Попытаемся под этим углом зрения рассмотреть ситуацию, сложившуюся в философской литературе по проблеме развития,

и, не претендуя на ее решение, определить возможные пути преодоления обозначившихся трудностей.

Внешняя сторона проблемной ситуации представлена в различных взглядах по вопросу о соотношении понятий «движение» и «развитие»: различаются ли эти понятия как общее и особенное, как род и вид, или же оба они одинаково атрибутивны? В своей непосредственной форме различия мнений внутри каждой из спорящих сторон для нас сейчас несущественны.

Если движение и развитие отличаются друг от друга по принципу общего и особенного, то не столь важно, выводим мы развитие из движения или движение из развития; усматриваем ли мы специфику развития только в необратимости или в направленности. Важно, что различие это признается в первую очередь для объективного мира, что и требует особого категориального выражения. Активный поиск отличий развития от движения привел, однако, к парадоксальным результатам: с одной стороны, обнаружилось существенное разнообразие видов развития в неорганической, биологической и социальной сферах, что породило многообразие предложенных дефиниций; с другой – выявилась явная неуловимость переходов от движения к развитию, их несомненная тождественность по отношению к одному и тому же реально существующему феномену – изменчивости объективного мира. Осознание этого факта и порождает другой подход к проблеме развития.

Различия в рамках второго подхода для нас пока также не имеют значения. Если считается, что движение и развитие атрибутивны, отражая одну и ту же объективную реальность, то внешне представляется не столь существенным, различаем мы эти понятия как терминологические обозначения одной и той же категории или как понятия, описывающие одно лишь движение знания, например, от явления к сущности. Важно, что различие следует искать в сфере всеобщего.

Активный поиск в этом направлении привел тем не менее к столь же парадоксальным результатам: с одной стороны, обнаружилось существенное тождество движения и развития по отношению к универсальной изменчивости объективного мира, что породило стремление вывести за пределы диалектики как логики

«лишнюю» категорию; с другой – выявилась явная непродуктивность попыток построения диалектики как теории развития, игнорируя при этом конкретные области знания².

Позитивный смысл стремления категориально зафиксировать развитие как особый вид изменений – в опоре на конкретный материал, на реальные факты, на специальные дисциплины. Выявление действительных отличий физических, биологических, социальных процессов, их конкретная многоаспектность, их реальное многообразие, несводимое к «прогрессу», к «качественному обновлению», к «необратимым изменениям» или даже к «повышению степени целостности конкретных систем», – вот что заставляет настаивать на необходимости иметь в составе диалектики категории разные по содержанию, но тождественные по назначению, т. е. предназначенные отразить единство многообразия изменчивости объективного мира. Состав диалектики, богатство ее категорий, существенные различия между последними определяются сопоставлением с реальной действительностью, непосредственно изучаемой специальным знанием, без которого не может развиваться философия, – такова, по сути дела, та глубокая позитивная идея, которая объединяет сторонников первого подхода, несмотря на все имеющиеся между ними расхождения. Способ доказательства этой правильной мысли далеко не всегда, однако, носит философско-теоретический характер: прямое указание на единичные факты, нахождение (или ненахождение) специфики развития в мире геологических или биологических явлений (по отношению к движению) автоматически не превращает «движение» и «развитие» в элементы диалектики, не придает им еще статуса особых категорий в составе теории диалектики.

Стремление перейти от описания действительности к теоретическому ее объяснению составляет позитивную сторону противоположного подхода к развитию. Теоретическое осмысление диалектики, очищение ее от логически недопустимой многозначности, безусловно, необходимо, но оно порождает в ряде случаев и свою логику: покинув сферу прямого соприкосновения со специальным знанием, философ вынужден решать вопрос о категориальном статусе любого понятия путем одного лишь сопоставления с другими универсальными категориями. И если обнаруживается, что одна

и та же объективная реальность (изменения) описывается двумя совпадающими понятиями, одно из которых еще не находит теоретически определенного места, такая логика сравнительно легко (путем одних рассуждений или историко-философских реминисценций) превращает лишнее понятие в пустую абстракцию, объявляет его способом описания явлений, синонимом, а другое понятие столь же легко экстраполирует на все многообразие объективной реальности. Теоретическая строгость от этого, конечно, выигрывает, но... за счет методологического проигрыша. Конечно, нельзя отождествлять философское понятие развития с понятиями «социальный прогресс», «биологическая эволюция» или «структурное усложнение», на что справедливо указывает М. Л. Злотина³. Но столь же неверно, провозглашая методологическую значимость категории развития, фактически не видеть таковой. Что реально получает биолог или социолог от философского исследования, в котором место категории «движение» занимает категория «развитие» (называемое теперь «способом существования материи»), а понятие «движение» становится простым синонимом «являющегося», но не «сущностного»?

Овладение философским наследием, в первую очередь богатейшим наследием классиков марксистской философии, является первым условием эффективности любых исследований по проблеме развития. Другими, специфическими и уже не столь обязательными условиями кажутся либо непосредственная опора на специальное знание (в особенности, если философское исследование разворачивается на материале одной, например биологической, науки), либо логическая «разборка» категорий, внесение необходимой теоретической строгости в их отвлеченный от непосредственной реальности смысл, построение систем взаимосвязанных и строго соотносительных философских понятий. В действительности последние два условия столь же всеобщы и обязательны для диалектико-материалистического понимания мира, сколь и первое. Абсолютизация одного из них может привести и приводит к искажению объективной действительности.

Вопрос о тождестве и различии категорий «движение» и «развитие» можно решить только теоретически и только опираясь на специальное знание.

Конечно, философское исследование изменяющейся объективной реальности должно разворачиваться в категориальных формах, объясняющих, а не описывающих многообразие изменчивости, но способы объяснения определяются запросами специального знания, а если говорить точнее – требованиями общественно-исторической предметной деятельности. С точки зрения теоретического постижения изменчивого объекта оба понятия – и «движение», и «развитие» (а не одно лишь «развитие») – относятся «к той реальности, которая постигается лишь в сфере понятия»⁴, оба они одновременно являются поначалу абстракциями, которые могут быть наполнены конкретным смыслом лишь в процессе познания материи, ее особых форм и видов. Вот почему недопустим, на наш взгляд, отрыв философских исследований от специальных наук, которые опосредствуют отношение философа к живой действительности.

Таким образом, именно теоретические запросы специального научного знания вынуждают философию наполнять понятия «движение» и «развитие» все более богатым и многосторонним содержанием. Для философского знания это означает такое мысленное движение по объекту, которое ведет исследователя от явлений к сущности, от непосредственно данного – к постигаемому в мышлении, от абстрактного – к конкретно-мыслительному, от действительного – к возможному.

Кроме внешней стороны, связанной с пониманием отношения между категориями «движение» и «развитие», проблема развития имеет и внутреннюю сторону, не столь четко представленную в дискуссиях, но имеющую столь же антиномическое выражение в двух теоретических позициях. Речь идет о том конечном смысле, который вкладывается в понятие развития.

Особенностью первой точки зрения является признание принципиальной незамкнутости развития: развитие есть бесконечное восхождение, необратимый поступательный процесс, качественное обновление, направленный процесс и т. д. Общим для данной группы представлений является связь развития с таким его неотъемлемым результирующим свойством, каким является качественно новое, не содержащееся в исходных состояниях. Такой подход к развитию соответствует множеству фактов и хорошо выражает

внутреннюю активность материи, ее самодвижение, «муку материи», ее непрерывное обновление. Но в своем предельном выражении указанный подход, по мнению ряда ученых, неизбежно порождает представления об абсолютном Начале или Конце⁵.

Особенностью другой точки зрения является признание замкнутости развития в его предельно универсальном выражении: какие бы изменения в процессе развития любых явлений и форм ни происходили, все они лишь характеризуют бесконечность и вечность материи. С этой точки зрения, развитие наилучшим образом выражается понятием «круговорот», внутренними моментами которого оказываются прогрессивные и регрессивные изменения, спиралевидность и необратимость. Такой подход, в свою очередь, соответствует множеству фактов, хорошо объясняет принципиальную неуничтожимость и несотворимость материи.

В своем предельном выражении и этот подход, однако, не свободен от трудностей и логических противоречий, порождая либо представление о неизменности (в аспекте развития) самого многообразия форм и состояний материи⁶, либо идею о несоответствии между смыслом понятий «круговорот» и «самообновление» материи.

Как представить себе единство вечного круговорота материи и принципиальной незамкнутости ее развития; непрерывности «процесса возникновения и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему»⁷ и одновременно того, что «материя во всех своих превращениях остается вечно одной и той же»?⁸ Можно ли теоретически единым способом вывести все богатство форм развития, включая и исторически понимаемый круговорот, и принципиально замкнутую на материи ее способность к порождению нового?

Ответ на все эти вопросы настоятельно требует понимания того, как рождается та или иная конкретная действительность, какими категориально всеобщими способами можно воссоздать объективный процесс развертывания сущности в ее являющиеся формы, воссоздать само движение от возможности к действительности, от абстрактного как элементарного, неразвитого к богатству конкретной реальности. Кроме обращения к реальности, кроме методологического анализа генезиса и развития форм действительно-

го мира, изучаемых специальным знанием (происхождение звезд или планет, химических элементов или растений, ощущений или искусства), философия вынуждена ставить вопрос о посредствующих звеньях в движении самих универсальных категорий (в движении от возможного к действительному, от сущности к явлению), т. е. моделировать процесс как таковой. Будучи сугубо вспомогательной задачей, моделирование *процесса* временно превращает в абстрактные объекты все многообразие понятий, обозначающих изменчивость мира. заставляя выявлять среди них исходные (и потому наиболее абстрактные) и *как бы* выросшие из их основы более содержательные категории.

Для совокупности понятий, обозначающих гигантское многообразие процессов объективного мира, исходной категорией, далее которой невозможно абстрагироваться, является категория «изменение». Специфика этой категории не только в ее простоте и содержательной бедности по отношению к другим, более содержательно богатым категориям (движение, развитие, возникновение, превращение и т. д.), но еще и в особом отношении к объективному миру. Любые категории диалектики должны пониматься гибко и подвижно через взаимосвязь и взаимодействие с другими. Однако объективная реальность хотя бы на миг может быть остановлена, схвачена в тех категориях, которые способны отразить результат движения, его хотя бы временную устойчивость. Изменение в принципе не может быть понято подобным образом; к тому же оно не может быть определено (во всяком случае, поначалу) и через свои развитые модификации (например, превращение или движение). На первый взгляд кажется, что изменение вообще неопределимо как таковое. И тем не менее диалектика находит способ отразить объективную текучесть процесса. Существо категориального выражения объективно происходящего изменения глубоко и точно вскрыто Ф. Энгельсом: «Постоянное изменение, т. е. снятие абстрактного тождества с самим собой»⁹. Иначе говоря, изменчивость объективного мира, обозначаясь одним и тем же понятием (изменение), требует во всяком ином отношении обязательного снятия «абстрактного тождества с самим собой», что возможно сделать лишь логически, путем введения особых понятий, совпадающих и не совпадающих друг с другом, переливающихся одно

в другое, т. е. связывающихся воедино и тем самым создающих гносеологическую возможность отразить изменение как процесс.

Основными категориями, создающими возможность понять изменчивость как процесс, как беспокойство, как неустойчивость существующего, и являются противоречие, движение, развитие и связь. В самом абстрактном смысле понятия «движение», «развитие» есть способы конкретизации понятия «изменение», моменты последнего, логические средства, создающие гносеологическую возможность выразить объективную диалектику изменяющейся действительности. Будучи тождественными по отношению к единому родовому понятию «изменение», движение и развитие выступают как существенные различия в рамках тождества. Это различие интуитивно схватывается в специальных науках, но может быть осознано лишь диалектикой как логикой и теорией познания. Так снимается, на наш взгляд, трудность соотносительного понимания движения и развития, в качестве универсальных категорий логически и гносеологически обозначающих одну и ту же объективную реальность – изменение.

Если по отношению к бесконечной материи движение может рассматриваться только как способ существования, не имеющий ни начала, ни конца, то по отношению к универсальной изменчивости движение должно иметь не только сущность, но и мерную характеристику. В качестве абсолютного начала движения как момента всякой изменчивости выступает, на наш взгляд, раздвоение единого, с которым В. И. Ленин связывал, как известно, суть диалектики¹⁰.

Понятое конкретно-исторически раздвоение единого есть начало противоречия каждого отдельного предмета. Применительно к универсальной изменчивости раздвоение единого есть абсолютное начало всякого отдельного изменения как внутренней способности материи к вечному самодвижению. Если движение есть способ существования единой, всеобъемлющей и универсальной материи, то внутреннее содержание этого движения как всякого изменения, его из себя рождающаяся определенность есть раздвоение единого. С другой стороны, в раздвоении единого скрывается самая глубокая и вместе с тем наиболее абстрактная (бедная определениями) суть развития, выражаемая этимологией этого слова.

В. А. Босенко справедливо подчеркивает одинаковую предельную общность и движения, и развития, но, считая развитие сущностью движения, явно нелогичен: сущностью не только движения, но и развития, абсолютным началом того и другого является раздвоение единого, а в таком случае правомерно стремление понять объективное (а не только гносеологическое) несовпадение движения и развития.

Раздвоение единого, отнесенное к универсально существующей материи и понятое в качестве вечно действующего механизма любых возникающих изменений, различно по своему непосредственному результату: на одном полюсе может возникнуть лишь уникальность (абсолютно единичное изменение), отличающаяся от всего остального каким угодно по содержанию моментом несовпадения, а на другом полюсе – множество изменений, т. е. также неразличимая по своему содержанию совокупность «всего остального». Уникальность и множество абсолютно исключают друг друга, выступая по отношению к своему другому в качестве единственного определения, а по отношению к универсальному изменению – в качестве являющегося и в этом смысле нового.

Если рассматривать изменчивость на самом абстрактном уровне, предполагая при этом наличие единого основания и единый способ извлечения из свернутого богатства универсальной изменчивости ее конкретного содержания, то уже на этом уровне обнаруживаются существенные различия между двумя типами изменений.

Одним моментом изменчивости, возникающим в процессе внутреннего раздвоения, может быть уникальность, т. е. та абсолютная неповторимость единичного изменения, которая *реально* порождается своеобразным сочетанием условий, временной последовательностью событий, их многосторонней детерминацией. Уникальность как таковая, будучи абсолютной формой нового, вместе с тем непосредственно из себя к дальнейшему повторению (раздвоению единого и в этом смысле – развитию) не способна. Уникальность тем не менее остается изменением и в этом смысле тем самым движением-неразвитием, объективное существование которого подчас отрицают. Сущностью этого особого типа изменения является непосредственный и вечно новый (уникальный)

переход от раздвоения единого к соединению противоположностей, т. е. движение и «есть само существующее противоречие»¹¹. Для того чтобы новая уникальность возникла как таковая как особая и вместе с тем всеобщая форма изменения, а вместе с тем было бы воспроизведено противоречие, необходимо новое раздвоение единого. Развитие, таким образом, оказывается обязательным условием движения.

Другим, противоположным по своей сути, моментом изменчивости является множество изменений как свернутое единство повторяющегося. Эта форма изменчивости кажется независимой от уникальности, поскольку сама ее детерминирует. На деле это не так. Во-первых, *повторяющееся раздвоение единого* есть лишь элементарная форма развития, его наиболее глубокое основание, т. е. сохранение единого и в этом смысле постоянное воспроизведение себя как возможности обновления. Во-вторых, связь повторяющегося раздвоения единого с уникальным изменением закономерно приводит к воспроизведению уникального в его особой форме, в форме *возникновения*.

Если повторяющееся раздвоение единого есть универсальная начальная форма развития, то возникновение есть ее специфический результат. Возникновение соединяет движение и развитие, повторяемость и неповторимость, элементарную связь и способность выхода за ее пределы. Тем самым возникновение становится основанием дальнейшего движения, уникальной свернутой формой бытия (связи), из которой в дальнейшем развитие вычерпывает все ее противоречивое содержание.

Проблема возникновения есть особая тема, требующая глубоких и всесторонних исследований. В данном случае важно отметить, что возникновение есть такой уникальный способ сцепления, такой вид устойчивой связи, который способен к существованию (движению) только через развитие как внутренне детерминированный процесс.

Возникновение и есть превращение раздвоения единого в свернутое внутреннее противоречие. Противоречие, ставшее внутренним, сохраняет свое основание в отдельном, а не раздваивает его, что еще возможно в сфере универсума. Собственно основание и становится самим действующим противоречием, непрерывно воспро-

изводящимся и обеспечивающим бытие вещи. Возникновение выступает поэтому в сфере универсальных категорий формой перехода от возможного к действительному, от сущностного – к непосредственно проявляющемуся вовне.

Если повторяющееся раздвоение единого может быть понято как *универсальная*, а возникновение – как *виртуальная* формы развития, то проявляющаяся в действительности, непрерывно воспроизводимая превращенная их форма может быть названа *актуальной* или собственно развитием. Превращенной эта форма будет только в сфере универсальных категорий, моделирующих объективную реальность. В самой непосредственной реальности развитие всегда конкретно, возникая и обнаруживаясь на основе внутреннего противоречия, определяющего непрерывность возникновения и уничтожения, становления и прехождения, преемственности и отрицания.

Подведем некоторые итоги.

Наиболее трудным вопросом всей проблемы развития является вопрос о том, как возможно возникновение. И методологически (в сфере универсальных категорий), и научно-теоретически (в сфере понимания происхождения основных форм движения материи), и практически (в сфере социального творчества) проблема возникновения, безусловно, может быть поставлена и решена. Одним из обязательных условий ее решения является, на наш взгляд, понимание всякого возникновения как такого уникального сцепления (структурирования) результатов повторяющегося развития в недрах старого основания, которое актуализируется в способности к самодвижению. При таком подходе к возникновению отпадает необходимость в предположениях о наличии в недрах старого «теневых систем»¹² непонятной природы, теоретически лишаящих материю ее способности к любым превращениям, а методологически ориентирующих исследователя на поиск элементов нового в старом, что и создает искусственную ситуацию парадокса развития.

Как показывает, например, анализ взаимодействия социальной и биологической форм движения материи, высшее, возникая из низшего, отнюдь не предполагает наличия в низшем некоторой совокупности элементов, составляющих «теневую систему». Возникновение социальной системы в ее элементарной форме означает появление не только структуры, но и основных элементов,

которых нет в низшей системе, или, точнее, в старой системе существуют другие элементы, по-иному структурированные. До возникновения первобытного стада формирующихся людей не может быть речи ни о каких зачатках (элементах) социальности, труда и мышления. Само же первобытное стадо уже не есть «теневая система», оно есть новая, хотя и неразвитая еще система, в процессе самодвижения которой формируется не только человек, но и общество. С другой стороны, каждый шаг высшего отнюдь не может быть обоснован соответствующим шагом низшего. Основание развития всякое возникшее несет в самом себе: это основание есть непрерывно воспроизводящееся во времени внутреннее противоречие нового, определяющее его самодвижение. Актуальное отношение низшего и высшего (например, биологического в условиях развитой социальной действительности) есть сопряженность двух рядов закономерных связей, их гибкое взаимодействие. Низшее в составе высшего к тому же вовсе не сохраняет своей природы – оно еще и видоизменяется до неузнаваемости. Например, биология человека в результате воздействия со стороны труда приобретает уникальный характер, становясь тем самым исключением из правила, которое подтверждает правило и дает ключ к его пониманию. Именно в этом буквальном смысле (а не только в переносном) анатомия человека есть ключ к анатомии обезьяны.

Установление момента и конкретного механизма возникновения всякого предмета является критерием развития столь же объективным и всеобщим, как информационный. Генетический критерий развития, в определенном аспекте включая в свое содержание информационный¹³, может служить достаточно эффективным методологическим средством познания конкретной действительности, способным стать «руководством к изучению», а не «рычагом для конструирования на манер гегельянства»¹⁴. Построение моделей универсальной изменчивости имеет, конечно, ограниченный смысл: попытка вывести отсюда всю категориальность, отражающую многообразие форм движения, развития и связей, означала бы построение искусственной схемы, абстрактной конструкции, спекулятивность которой возрастала бы тем быстрее, чем более разветвленным и многоаспектным выглядело бы подобное построение.

Понимая всю искусственность построения подобного рода моделей, необходимо видеть, что без этих орудий теоретической деятельности обойтись все же нельзя, как невозможен вне орудийной деятельности любой труд. Важно лишь рассматривать всякую такую модель в качестве вспомогательного средства познания действительности, проверяя ее близость к реальности путем непосредственного сопоставления с тем, что В. И. Ленин называл «живой жизнью».

Примечания

¹ См., напр.: Проблемы развития в природе и обществе. М.; Л., 1958; *Свидерский В. И.* Некоторые вопросы диалектики изменения и развития. М., 1965; *Руткевич М. Н.* Диалектика прогрессивного развития // Диалектика и логика научного познания. М., 1966; *Мелюхин С. Т.* Материя в ее единстве, бесконечности и развитии. М., 1966; *Столяров В. И.* Процесс изменения и его познание. М., 1966; *Босенко В. А.* Диалектика как теория развития. Киев, 1966; Проблема развития в современном естествознании. М., 1968; Взаимосвязь категорий. Свердловск, 1970; *Щекина Л. И.* Понятия «движение» и «развитие» и их роль в изучении физических процессов. М., 1970; Принцип развития. Саратов, 1972; *Солопов Е. Ф.* Движение и развитие. Л., 1974; *Орлов В. В.* Материя, развитие, человек. Пермь, 1974; Проблемы диалектики. Л., 1975. Вып. 5: Современные проблемы теории развития; *Петрушенко Л. А.* Единство системности, организованности и самодвижения. М., 1975.

² См.: Филос. науки. 1972. № 1. С. 182.

³ См.: *Злотина М. Л.* Развитие как мировоззренческая проблема. Киев, 1974. С. 20.

⁴ Там же.

⁵ См.: Проблемы диалектики. Л., 1975. Вып. 5. С. 151.

⁶ См.: Принцип развития. С. 59.

⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 276.

⁸ Там же. Т. 20. С. 363.

⁹ Там же. С. 530.

¹⁰ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 232.

¹¹ *Гегель.* Соч. М., 1937. Т. 5. С. 521.

¹² См.: *Орлов В. В.* Парадокс теневой системы // Философия пограничных проблем науки. Пермь, 1970. Вып. 4; *Он же.* Материя, развитие, человек.

¹³ См., напр.: *Кастлер Г.* Возникновение биологической организации. М., 1967.

¹⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 371.

Развитие, функционирование, круговорот

Исследования содержания категории развития концентрируются главным образом в сфере выяснения того, как данная категория соотносится с понятием движения. По нашему мнению, суть дела будет вырисовываться более рельефно, если обратиться к рассмотрению вопроса о связи развития, функционирования и круговорота. Наша задача и состоит в попытке проанализировать эту связь.

Для современной науки становится все более очевидным, что в концепции функционирования мы стремимся зафиксировать процесс в виде целокупности связей и структур, выступающих по отношению к развитию как выражение его неподвижности. Подобно тому как покой считается формой проявления движения, так и понятие функционирования имеет смысл неподвижного относительно развития состояния. Тем самым под функционированием подразумевается способ фиксации развития в форме его застывшего бытия. Отсюда напрашивается вывод считать функционирование противоположностью развития. Но при этом необходимо иметь в виду, что данные противоположности неравноправны. Функционирование как покой развития существует лишь постольку, поскольку представляет собой момент развития. Развитие как бы охватывает собой функционирование, и в этом смысле функционирование бесконечно преодолевается и утверждается развитием.

На основе функционального подхода устанавливаются такие свойства развития, как изменение организованности и разнообразия, функционально-целевое «стремление», регулятивность, самоорганизация, оптимизация, адаптивность и др. Но в силу функциональной ориентации этих свойств они не в состоянии дать пронизанную внутренними противоречиями целостную картину развития. Вместе с тем они составляют необходимый этап в установлении этой картины, ибо невозможно проникнуть в развитие, если не остановить и не зафиксировать его в различных аспектах функционирования, как, например, невозможно познать сущность,

если она ни в чем не является. Причем останавливать надо таким образом, чтобы это было не в ущерб самому развитию, самой идее самодвижения. В противном случае возникает угроза плоско-эволюционистских концепций развития (Г. Спенсер, А. А. Богданов), ведущих к отрицанию внутренней активности движения. Но и отбрасывание различных функциональных проявлений как якобы не являющихся предметом философии (В. А. Босенко) вряд ли правомерно. Диалектическая теория развития предполагает обращение как к аспектам функционирования явлений, так и к аспектам их развития, перехода от одного типа организации к другому. Не существует некоего чистого развития, пребывающего в отдельности от многообразия соответствующих функциональных характеристик.

Этот факт в достаточной мере осознается многими исследователями, что выражается, например, в попытках выдвинуть информационный критерий развития¹, рассматривать прогресс в связи с процессами повышения организованности², выявить в развитии элементы регулирования³, видеть в качестве атрибутивной характеристики прогрессивной эволюции свойство самоорганизации⁴ и т. д. Весьма примечательно, что, акцентируя внимание на функциональной стороне, мы тем самым не отвлекаемся полностью от момента внутренней противоречивости явлений. Например, в живых системах имеют место одновременно и положительные, и отрицательные обратные связи, выражающие единство противоположностей. Это единство воплощается в противоречивости устойчивости (отрицательная обратная связь) и изменчивости (положительная обратная связь). Точно так же концепции регулирования и саморегуляции предполагают противоречивое единство внутреннего саморегулирования объекта и его регуляции извне. Другие пары понятий, такие, например, как «управление – самоуправление», «организация – самоорганизация», «обучение – самообучение», «оптимизация – самооптимизация», также демонстрируют неразрывную связь функциональных представлений с диалектической концепцией развития и самодвижения.

Если на уровне неживой природы функциональные связи вписываются в вещественно-энергетические процессы, не выделяясь в особые организационные формы, то в более сложных ситуациях

они становятся ведущими по отношению к вещественно-энергетическим превращениям, что выражается, например, в возможности малыми энергетическими действиями вызывать несоизмеримые с ними эффекты, в ведущей роли информационной причинности, в наличии функционально-целевых отношений и т. д. Отсюда вовсе не следует, что развитие в неживой природе можно истолковывать помимо функционирования. Последнее и здесь выступает в качестве противоположного момента развития и только по отношению к нему приобретает свой смысл. Поэтому нельзя признать состоятельными попытки выдвинуть чисто энергетические признаки развития в неживой природе. Так, В. Н. Комаров приходит к выводу, «что всякий процесс развития в неорганической природе идет с выделением энергии»⁵. Аналогичную позицию занимает и А. Л. Зельманов, для которого существенный признак развития по восходящей линии – убывание энтропии, а развития по нисходящей линии – возрастание энтропии⁶. Если В. Н. Комаров исходит из идеи, что всякое связывание элементов материи сопровождается выделением энергии, то критерий восходящего развития А. Л. Зельманова в виде понижения энтропии предполагает обратное – концентрирование энергии в процессе того же самого связывания. Налицо формальное противоречие, причина которого кроется в абсолютизации какой-либо одной стороны реальной действительности. Очевидно, только концентрирование или только рассеивание энергии суть продукты рассудочного мышления, пригодные лишь в пределах частнонаучных представлений. В действительной ситуации необходимо исходить из противоречивого единства концентрации и рассеяния, в рамках которого материальный объект разворачивается как противоречие между структурированием и деструкцией, организацией и дезорганизацией, интеграцией и дифференциацией, достижением равновесия и его нарушением и т. д. Следовательно, в философском аспекте никаких энергетических признаков развития выдвинуть невозможно.

Следует отметить, что поскольку в функционировании реализуются связи параллельные (синхронные), то в целом оно выступает для нас как замкнутый обратимый процесс, в котором преобладают элементы цикличности. В этой цикличности, собственно, и состоит основная особенность функционирования, позволяющая

говорить о нем как о неподвижном бытии необратимого хода развития. Можно сказать, что развертывание необратимых процессов не может происходить помимо обратимых циклических изменений. Уже в самом понятии «развитие объекта» под словом «объект» подразумевается устойчивое, замкнутое в себе целое, наполненное повторяемостью, воспроизведением, возвратами или, иначе говоря, обратимостью. Утверждая, что всякий объект находится в развитии, мы тем самым заведомо противопоставляем неподвижность подвижности, следовательно, так или иначе исходим из единства функционирования и развития. Не существует чистого развития или чистого функционирования, поскольку каждое из них находит свою определенность в другом. Отсюда неподвижность функционирования условна, относительна и состоит лишь в противопоставлении жизненной пульсации и развития.

Как же посредством познания функционирования мы постигаем и сам процесс развития в его абсолютности и всеобщности? В. И. Ленин в качестве одного из основных элементов диалектики выдвигал такой подход к объекту, который бы учитывал всю совокупность многообразных отношений этого объекта со всеми другими: «Развертывание всей совокупности моментов действительности... = сущность диалектического познания»⁷; «Гибкость, примененная *объективно*, т. е. отражающая всесторонность материального процесса и единство его, есть диалектика, есть правильное отражение вечного развития мира»⁸. Смысл ленинских слов состоит в утверждении того, что для постижения развития необходимо исходить из учета всех возможных и действительных связей данного явления со всеми другими. Иначе говоря, развертывание всей совокупности отношений и зависимостей, в том числе и функциональных, как раз и есть проникновение в сущность развития. При таком условии открывается возможность охватить каждый объект как частицу всеобщей связанности материального мира, как элемент мирового целого. Согласно В. И. Ленину, важнейшей чертой диалектики является «взаимозависимость и теснейшая, неразрывная связь всех сторон каждого явления (причем история открывает все новые и новые стороны), связь, дающая единый, закономерный мировой процесс движения»⁹.

Интересно отметить, что В. И. Ленин, называя шесть первых из шестнадцати элементов диалектики, располагает их в таком порядке, что каждый последующий элемент оказывается конкретизацией и раскрытием предыдущего. Первый элемент диалектики, объективность рассмотрения, продолжается во втором – в учете всей совокупности многообразных отношений рассматриваемой вещи ко всем другим. Третий элемент диалектики, рассмотрение вещи в развитии, является необходимым следствием второго и вместе с тем предполагает четвертый – «внутренне противоречивые тенденции... в этой вещи»¹⁰. Из него вытекает пятый элемент – «вещь... как сумма и единство противоположностей»¹¹. И, наконец, шестой элемент, «борьба... разворачивание этих противоположностей, противоречивых стремлений...»¹², есть дальнейшая конкретизация предыдущего.

В этой единой линии переходов особый интерес представляет для нас переход от рассмотрения вещи во всей совокупности ее моментов к рассмотрению вещи в развитии. В нем фиксируется связь идеи развития с необходимостью видеть все во взаимной связи со всем, установлен тот факт, что «отношения каждой вещи... не только многообразны, но всеобщи, универсальны»¹³. В развитии констатируется не просто движение вещи, а «ее собственное движение, ее собственная жизнь»¹⁴, причем под углом зрения всеобщности мирового процесса. Здесь важно не движение само по себе, но еще и то, каким образом это движение становится выражением универсального взаимодействия и как оно переживает в этом свою историю. Ибо многосторонность подхода означает на деле обращение не только к настоящему, непосредственно данному, но и к анализу исчезнувших предпосылок явления, его генетической обусловленности прошедшим, равно как и к анализу выходов его к будущим состояниям. Тот или иной материальный процесс, если требуется увидеть его в развитии, должен предстать перед нами во всей полноте его возможных и действительных, необходимых и случайных, прошедших и будущих связей и отношений. Ситуация такова, что если мы не охватим процесс достаточно широко и многосторонне, то не будет и соответствующего углубления в его сущность, не будет постигнута его внутренняя противоречивость. Но пребывание в истории не означает элемен-

тарного следования во времени различных состояний организованности, сложности, разнообразия и т. д. Понимание развития как истории движения предполагает не просто обращение к взаимопереходам во времени, а обращение к ним в результате многосвязного, многостороннего охвата действительности.

Поскольку путь к переходам развития лежит через познание многообразия отдельных сторон, то естественно рассматривать эти стороны лишь в качестве частичных движений, характеризующих в основном функционирование. Каждое из этих движений односторонне отражает моменты всеобщего взаимодействия и только в единстве они смогут дать представление о конкретном развитии. С данных позиций соотношение между движением и развитием принимает форму соотношения между абстрактными и конкретными сторонами мирового взаимодействия. Например, механическое движение, регулирование, управление, перемещение информации, изменение энтропии являются абстрактно-всеобщими моментами бытия всех (или многих) конкретных явлений. И в этом смысле они не могут претендовать на роль всеобъемлющих характеристик развития, которое представляет собой конкретно-всеобщее, т. е. затрагивает весь совокупный процесс существования материального объекта. «Конкретное, – пишет К. Маркс, – потому конкретно, что оно есть синтез многих определений, следовательно, единство многообразного»¹⁵. Точно так же развитие есть единство многих абстрактных определений движения. Поэтому, например, мы не относим механическое движение к развитию не потому, что оно обозначает нечто более широкое, чем развитие, а в силу его абстрактности, односторонности. Будучи одним из способов описания функционирования, оно есть такое движение, которое фиксирует неподвижность развития.

Мы видим, что развитие обозначает качественно иную интерпретацию движения, состоящую в максимальном приближении к бытию объекта в системе мирового целого. Увидеть в каждом отдельном совокупный мировой процесс – центральное содержание категории развития. Все остальное вытекает уже как следствие из этого основного ее содержания. В частности, попытки представить развитие в виде сложного, системно организованного процесса¹⁶ являются одним из способов раскрытия указанного содержа-

ния. Именно многоплоскостной, многосвязный характер развития и есть конкретизация мира в направлении всеобщего взаимодействия. С нашей точки зрения, можно также понять и тех авторов, которые стремятся истолковать развитие в духе всеобщего мирового процесса. «Понятие развития, – пишет С. Б. Морочник, – относится именно к материальному миру в целом, а не только к отдельным его проявлениям»¹⁷. Такого же мнения придерживается В. В. Орлов: «Мы обнаруживаем конкретные проявления развития в конечных областях реального мира, однако развитие как целостный процесс может быть выявлено только по отношению к бесконечному миру как целому»¹⁸. В стремлении данных авторов определить понятие развития в противовес распространенному мнению о его неприменимости по отношению к миру в целом намечается правильная тенденция исходить из всеобщности мирового процесса. Но это не имеет никакого отношения к вопросу о единообразной направленности мирового процесса, служащей в качестве основного аргумента против допущения возможности развития мира как целостной системы. Дело не в однонаправленности и вытекающих из нее последствий в виде «начала» и «конца» мира, а в такой направленности каждого отдельного явления, которое есть выражение целостного мирового процесса.

Поскольку эта направленность устанавливается при изучении бытия объектов в их истории, то будет правильным выделять развитие по признаку историчности. В нем мы заостряем внимание на таких связях и переходах, которые представляют интерес именно с точки зрения истории данного движения. Очевидно, что если не учитывать признак историчности, то указанные связи и переходы не выйдут за пределы функционирования, в силу чего станут заметными только отдельные движения и стороны, тогда как картина пребывания объекта в составе мирового целого будет ускользать. Иначе говоря, историчность предполагает отрицание функционирования и тем самым утверждение развития. «Но история, – замечает Ф. Энгельс, – имеет свой собственный ход, и сколь бы диалектически этот ход ни совершался в конечном счете, все же диалектике нередко приходится довольно долго дожидаться истории»¹⁹. Очевидно, речь идет не просто о развитии как движении, а о таком движении, которое реализуется в историческом

процессе. В этом смысле развитие можно определить как историю данного движения в его исторической обусловленности в системе мирового целого. Проблема, таким образом, состоит не только в том, чтобы на основе последовательного историзма продвигаться к установлению картины развития, но и в необходимости трактовать само развитие, исходя из того же самого историзма. Именно анализ под углом зрения историчности будет способствовать дальнейшей конкретизации функциональных аспектов развития в их единстве с диалектическим принципом активности и самодвижения.

Каковы же конкретные пути установления данного единства? По нашему мнению, перспективным является такое направление исследований, которое исходит из неразрывной связи развития с идеей круговорота материи. Начало этому направлению было положено в работах Ф. Энгельса. Идея круговорота у Ф. Энгельса теснейшим образом переплетается с его представлениями о всеобщем взаимодействии. Все находится во взаимной связи со всем, все переходит в другое и вместе с тем сохраняется в мировом круговороте. И в этом Ф. Энгельс видит сущность всеобщего движения, источник его неисчерпаемого разнообразия. Поэтому круговорот – фундаментальное свойство материи, присущее ей в силу ее несотворимости и неуничтожимости.

Ф. Энгельс квалифицирует такой подход как диалектическое представление о природе, которое благодаря успехам естествознания «было готово в его основных чертах: все застывшее стало текучим, все неподвижное стало подвижным, все то особое, которое считалось вечным, оказалось преходящим, было доказано, что вся природа движется в вечном потоке и круговороте»²⁰. Очевидно, что круговорот для него является одновременно и формой развития. Такой подход преодолевает распространенное в домарксистской философии мнение, что природа вращается в круге, вновь и вновь повторяющем одно и то же. Развертывание развития, по Ф. Энгельсу, не совершается в форме круга или прямой, служащих моделями чистой повторяемости. В противном случае оно не было бы диалектическим. Но из этого не следует полного отрицания возвратов, повторяемости и попятных движений в развитии. Рассматривая, например, возможность остывания небесных

тел при условии, что потерянная теплота не переходит в другие формы движения, Ф. Энгельс приходит к выводу об уничтожимости при таком условии движения и, следовательно, о нарушении круговорота. Поэтому, чтобы сохраняться и функционировать, всеобщее движение должно совершаться с возвратами, т. е. должно обращаться. Основная мысль Ф. Энгельса состоит в признании именно такой закономерности мирового процесса, в котором движение с необходимостью возрождало бы исчезающие формы.

В современном естествознании на основе исследования развития в биологии, исторической геологии, географии, геохимии, космохимии, астрономии вырабатывается такое представление о круговороте, в котором ведущее место отводится ступеням преобразования материального субстрата, его трансформации в различные формы организованности.

Но такой подход еще не обобщается в достаточной мере в современной философской литературе. В результате некоторые авторы приходят к отрицанию основополагающей роли круговорота в понимании развития. Так, по мнению А. Е. Фурмана и В. А. Подольского, круговороты являются необходимым моментом развития, лежат в основе развития, но не составляют его внутренней сущности²¹. Скорее всего это лишены собственных источников круговращения, не демонстрирующие каких-либо заметных признаков трансформации материи. Поэтому они не могут служить формой ее самодвижения и развития. Нетрудно заметить, что такая позиция оборачивается серьезными осложнениями, ибо возникает вопрос, каким образом возможно представить самодвижение и развитие, если повторяемость и обратимость исключить из их сущности. Очевидно, вопрос о том, что в действительности представляют собой циклы развития, вряд ли можно решить, если само развитие не будет включать в себя круговорот в качестве своей собственной формы. Речь идет о круговоротах как таких объектах исследования, в которых с максимальной полнотой были бы выражены аспекты единства функционирования и развития.

В философской литературе уже существуют попытки многопланового подхода к проблеме круговорота. Так, согласно Л. А. Петрушенко, круговорот – наиболее общая форма самодвижения материи: «Поэтому всеобщее универсальное взаимодействие в природе,

а также любое взаимодействие форм движения материи или отдельных материальных тел всегда так или иначе представляет собой круговорот»²². Идею круговорота Л. А. Петрушенко связывает с идеей всеобщности регулирования (авторегуляции), подчеркивая объективную связь самодвижения с информацией, организацией и управлением. Обмен информацией между материальными объектами и происходящая в связи с этим передача организации и разнообразия определяют новую, кибернетическую картину мира, с точки зрения которой, по мнению Л. А. Петрушенко, изменяются и наши представления о круговороте материи, о функциональном единстве всех его сторон.

Если Л. А. Петрушенко делает основной упор на исследование круговорота как всеобщего мирового процесса, то И. Я. Лойфман более подробно останавливается на выявлении структурно-функциональных особенностей круговоротов в природе²³. Он считает необходимым различать в них фазы трансформации материального субстрата, выделять взаимодействующие между собой звенья, что в целом создает картину периодических необратимых изменений во времени. В связи с этим вводится понятие формообразующего ряда, в котором органически сочетаются моменты поступательности и цикличности. Этот ряд представляет собой единство восходящих и нисходящих ветвей развития, которые, замыкаясь в цикл, образуют круговорот. Основная особенность рассматриваемого подхода состоит в его ориентации на вычленение синхронического аспекта круговорота. При синхроническом рассмотрении заостряется внимание на одновременном сцеплении многих состояний, переходов и связей, образующих замкнутую цепочку событий. Тем самым развивается представление о круговороте как о многосвязном бытии ряда устойчивых звеньев, являющихся вместе с тем и единым потоком материи. Поток этот не замкнут абсолютно, но включает возможность статистических отклонений. Благодаря им накапливаются и формируются необратимые изменения. «Элементы неоднородности, отклонения от постоянного течения процессов, вообще необратимость прямо связаны с тем обстоятельством, что реальный круговорот материи соткан статистически, его звенья по вероятностным законам сцепляются между собой и с окружающей средой»²⁴. Очевидно, что суть изложенного

подхода заключается в признании и обосновании неразрывного единства идеи круговорота материи и диалектико-материалистической концепции развития.

В философской литературе понятия «круговорот материи» и «круговорот в природе» еще не определены с достаточной четкостью. Однако ясно, что первое из них отражает бытие всего мира в целом или всей материи, а второе охватывает проявления мирового круговорота в отдельных фрагментах материальной действительности. Так как круговорот материи есть процесс мирового взаимодействия, то различные частнонаучные концепция круговоротов должны раскрывать именно аспект всеобщей связанности явлений. В действительности так и происходит. Например, круговорот воды интересует нас не только с точки зрения переходов ее из одного резервуара в другой, но как связующее звено и активный участник многих планетарных процессов на Земле. В единстве вод мы видим нечто большее, чем это следует из простой констатации факта их круговых движений. В нем заключено многообразие процессов по преобразованию, поддержанию и регулированию ряда структурных форм организации материи как единого потока событий на нашей планете. Аналогичное можно утверждать относительно круговоротов химических элементов. Слежение за их круговыми миграциями направлено в конечном счете на установление зависимостей между состояниями и переходами форм материи, составляющих многообразие и единство. Важно понять, что данный элемент участвует в круговороте не в качестве пассивного строительного материала, а как активно действующий процесс, преобразующие возможности которого заключены в нем же самом. Так, утверждение о том, что жизнь на Земле поддерживает и возобновляет круговорот кислорода, равносильно признанию высокой активности последнего в функционировании самой жизни.

В связи со сказанным возникает необходимость отличать понятие круговорота в природе от множества других круговых процессов, представляющих собой лишь отдельные переходы. Мы привыкли говорить о круговоротах веществ, атомов, энергии, химических элементов и т. д., но затрудняемся ответить на вопрос, будут ли таковыми, например, обращение планет вокруг Солнца, электронов – вокруг ядра, кровообращение в живом организме,

взаимопревращения элементарных частиц и другие, подобные им процессы. Для нас они только отдельные переходы, абстрактные моменты движения, способные выразить лишь функциональные аспекты развития, но не охватить его во всей многогранности. Вместе с тем любой круговой процесс является отражением универсального взаимодействия (мирового процесса), независимо от нашего подхода к нему. Поэтому различного типа круги оказываются в конечном счете элементарными клеточками того единого целого, который мы называем круговоротом материи. Последний невозможно представить вне разнообразия различных по своему размаху круговых связей и движений, составляющих ткань мирового процесса. В качестве геометрической модели такой ситуации служит результирующий круг. Дальше такого представления мы не идем, хотя в действительности никакого круга в пространственном смысле здесь нет. Ибо под круговоротом подразумевается не буквальное круговращение, а факт обоюдостороннего перехода явлений друг в друга, синтез прямых и обратных превращений, совершаемых в рамках противоположностей возникновения и исчезновения.

Естественно полагать, что круговороты в природе являются в функциональном смысле целостными системами. Это обусловлено их относительной замкнутостью и высокой степенью устойчивости их внутренних отношений. Сцепляемые статистически на основе обменных процессов звенья круговорота образуют единый поток состояний и переходов, так что в первом приближении возникает картина замкнутой цепочки параллельных и последовательных соединений, координированных и субординированных между собой в соответствии с принципом согласованности входов и выходов. Через систему входных и выходных воздействий происходит взаимовлияние звеньев друг на друга таким образом, что достигается исключительная слаженность и надежность функционирования круговорота как целого. В нем никакие изменения на отдельных участках не затухают бесследно, а передаются другим, причем в силу функциональной замкнутости круговорота эти изменения получают возможность возвращаться, т. е. оказывать обратное влияние на причины, их порождающие. Специфика круговорота как раз и состоит в том, что импульсы, исходящие от его

отдельных звеньев, не только возобновляются в других звеньях, но и через систему взаимодействий способны возвращаться обратно к своему источнику. В круговороте каждое звено или каждый его участок находится в состоянии воздействия на самого себя через совокупность других звеньев. Благодаря этому сохраняется и возобновляется его общая замкнутость и функциональное единство. «Наличие большого геологического цикла, – пишет Е. А. Куражковская, – с характерной для него замкнутой (кольцевой) формой связи всех геологических процессов свидетельствует о взаимной функциональной зависимости этих процессов, что является основным признаком систем “саморегулирования”»²⁵. Полагая, что биотический круговорот есть единство процессов синтеза и деструкции, М. М. Камшилов приходит к выводу: «Это единство поддерживается многосторонним взаимодействием различных систем, процессов путем перекрещивающихся прямых и обратных связей между ними, взаимодействием, всегда выражающимся в форме круговых процессов»²⁶. Трактуя ландшафты как круговороты, А. Д. Арманд считает правильным рассматривать их как системы управления: «Охарактеризованный в терминах кибернетики ландшафт является управляемой системой, а поданные на его “вход” и трансформированные дальше, внутри него, воздействия – “командами”, информацией, управляющей этой системой»²⁷. И. Я. Лойфман отмечает, что специфика связей внутри круговорота «создает реальную возможность его регулирования воздействием на какое-либо из звеньев»²⁸.

Благодаря кибернетическому подходу к круговороту возможно отвлечение от субстратно-энергетических его сторон, перенос центра тяжести исследований на взаимоотношения между его структурно-функциональными компонентами. В таком случае круговой процесс будет уже развертываться в изменении разнообразия, организации, сложности, структур и т. д. Факт передачи, накопления и перераспределения структурно-организационных особенностей фиксируется в понятии информации. Принято считать, что циркулирование информации отражает аспекты перемещения разнообразия и организации. В информационных каналах мы видим функциональных заместителей действительных материальных потоков. Отсюда становятся понятными источники проникновения идей

и методов кибернетики в современное исследование проблем процессов развития. В частности, распространенное мнение, что развитие «вверх» связано с увеличением информации (разнообразия) и действием положительных обратных связей, непосредственным образом вытекает из необходимости рассматривать круговорот в качестве формы развертывания потенций развития.

Возвращаясь к первоначально высказанным соображениям относительно единства моментов функционирования и развития, мы можем сказать, что в идее круговорота материи это единство находит свое наиболее полное выражение. Именно в круговоротах мы получаем возможность достаточно близко подходить к пониманию многосторонней связанности явлений и тем самым проникать в содержание их развития. Невозможно в отдельно взятом, изолированном объекте констатировать внутренний импульс его диалектического движения. Но при включении объекта в некоторый процесс всеобщего взаимодействия, в некоторый поток материи (круговорот) он становится конкретным, многообразным, наполняется жизненной пульсацией и самодвижением. Это и означает, что в круговороте раскрывается действительная жизнь объекта, его историческое движение.

Примечания

¹ См.: Урсул А. Д. Природа информации. М., 1968.

² См.: Морозов В. Д. Проблема развития в философии и естествознании. Минск, 1969.

³ См.: Петрушенко Л. А. Самодвижение материи в свете кибернетики. М., 1971.

⁴ См.: Пушкин В. Г. Принципы самоорганизации и прогрессивная эволюция живых систем // Методологические вопросы биокibernетики. М., 1974.

⁵ Комаров В. Н. Диалектический материализм и характеристика некоторых сторон движения в неорганической природе. Казань, 1970 С. 54.

⁶ См.: Зельманов А. Л. О бесконечности материального мира // Диалектика в науках о неживой природе. М., 1964.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 141.

⁸ Там же. С. 99.

⁹ Там же. Т. 26. С. 55.

¹⁰ Там же. Т. 29. С. 202.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 203.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 202.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 727.

¹⁶ См.: Миклин А. М. Системность развития в свете законов диалектики // Вопр. философии. 1975. № 8.

¹⁷ Морочник С. Б. Развитие и прогресс // Вопр. философии. 1966. № 6. С. 46.

¹⁸ Орлов В. В. Материя, развитие, человек. Пермь, 1974. С. 115.

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 430.

²⁰ Там же. С. 354.

²¹ См., напр.: Фурман А. Е. О соотношении прогресса и круговоротов в процессе развития // Проблема развития в современном естествознании. М., 1968; Подольский В. А. О понятии развития // Философские и социологические исследования. Л., 1974. Вып. 15.

²² Петрушенко Л. А. Самодвижение материи в свете кибернетики. М., 1971. С. 232.

²³ См.: Лойфман И. Я. Круговорот как форма саморазвития материи // Филос. науки. 1969. № 5.

²⁴ Там же. С. 54.

²⁵ Куражковская Е. А. Геологическая материальная система и закономерности ее развития. М., 1971. С. 39.

²⁶ Камшилов М. М. Биотический круговорот. М., 1970. С. 137.

²⁷ Арманд А. Д. Роль обратных связей в развитии природных комплексов // Проблема развития в современном естествознании. М., 1968. С. 248.

²⁸ Лойфман И. Я. Круговорот как форма саморазвития материи. С. 53.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

Раздел 1

СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ПРОТИВОРЕЧИЯ

<i>Лекция 1.</i> Единство и взаимопроникновение полярных категорий диалектики	5
<i>Лекция 2.</i> Диалектическое определение предмета (методологический аспект)	11
<i>Лекция 3.</i> Тождество, различие, противоречие	19
<i>Лекция 4.</i> Логико-методологические аспекты проблемы тождества и различия	29
<i>Лекция 5.</i> Отношение как содержательный элемент противоречия	38
<i>Лекция 6.</i> Диалектическое отрицание как двойное отрицание	45
<i>Лекция 7.</i> Диалектическое отрицание и самодвижение	56
<i>Лекция 8.</i> Тождество противоположностей как их взаимоотражение в процессе развития (методологический аспект проблемы)	67
<i>Лекция 9.</i> Операциональный аспект категории развития	78
<i>Лекция 10.</i> Принцип тождества противоположностей и проблема гибкости понятий	84
<i>Лекция 11.</i> Тождество противоположностей в диалектической концепции связи	95
<i>Лекция 12.</i> Диалектика общего, особенного и единичного	105

Раздел 2

КАТЕГОРИИ СВЯЗИ, ДВИЖЕНИЯ, РАЗВИТИЯ

<i>Лекция 13.</i> О содержании категорий качества и количества	118
<i>Лекция 14.</i> Структура как философская категория	134
<i>Лекция 15.</i> Структура и отношение	147
<i>Лекция 16.</i> Сущность, явление, взаимодействие	156
<i>Лекция 17.</i> О соотношении закономерного и уникального в развитии	166
<i>Лекция 18.</i> Детерминация развития	180
<i>Лекция 19.</i> Системная обусловленность развития	187
<i>Лекция 20.</i> Закон и случайность	195
<i>Лекция 21.</i> Причинная обусловленность случайности	203
<i>Лекция 22.</i> Причинность и генетическая связь	213
<i>Лекция 23.</i> Сущность развития как методологическая проблема	225
<i>Лекция 24.</i> Развитие, функционирование, круговорот	238

Учебное издание

КАТЕГОРИИ ДИАЛЕКТИКИ
(теоретико-методологические проблемы)

Цикл лекций

Редактор и корректор В. И. Первухина
Компьютерная верстка Н. В. Комардина

Оригинал-макет подготовлен
в редакционно-издательском отделе УрГУ

Лицензия ИД № 05974 от 03.10.2001. Темплан 2003 г., поз. 47.
Подписано в печать 12.09.2003. Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Уч.-изд. л. 13,7. Усл. печ. л. 14,88. Тираж 300 экз. Заказ **268**.
Издательство Уральского университета. 620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.
Отпечатано в ИПЦ «Издательство УрГУ». 620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.